

Р. 2
Т. 86

АРИАДНА И ПЕТР

ТУР

Энциклопедический словарь

АРИАДНА И ПЕТР ТУР

Е·Д·И·Н·С·Т·В·Е·Н·Н·Ы·Й
С·В·И·Д·Е·Т·Е·Л·Ь

Ч·Р·Е·З·В·Ы·Ч·А·Й·Н·Ы·Й
П·О·С·О·Л

П·Е·Р·Е·Б·Е·Ж·Ч·И·К

С·В·Е·Р·С·Т·Н·И·Ц·Ы

Л·У·Н·Н·А·Я

С·О·Н·А·Т·А

СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ
МОСКВА, 1975

Творчество Ариадны и Петра Тур охватывает широкий круг тем, разнообразно по жанрам и проблематике.

В настоящую книгу вошли их пьесы последних лет. Драматическая хроника «Чрезвычайный посол» рассказывает о первой в мире женщине-дипломате, представительнице ленинской гвардии, человеке удивительной биографии, чья деятельность была посвящена борьбе за мирное сосуществование государств с различным социальным строем. В центре драмы «Единственный свидетель» — судьба таланта. Острые нравственные и личные конфликты этой пьесы разворачиваются на фоне событий, происходящих в мире современной науки. В пьесе «Перебежчик» раскрывается драматическая и сложная судьба немецкого антифашиста, перешедшего на сторону советских войск в первый трудный год Великой Отечественной войны. Действие лирической комедии «Лунная соната», написанной А. Тур, происходит в наши дни и посвящено нашим современникам. Герои пьесы «Сверстницы» — молодые рабочие — вступают в жизнь и проходят сквозь нелегкую и ответственную пору духовного возмужания.

Единственный свидетель

ДРАМА
В СЕМИ
КАРТИНАХ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Сабурова Анна Степановна — академик АМН, 54 лет.

Садовников Мартын Николаевич — заместитель директора института, 38 лет.

Виктория Ивановна — его жена, работник Министерства внешней торговли, 36 лет.

Рощин Александр Михайлович — поэт, 44 лет.

Стелла — его жена, диктор телевидения, 32 лет.

Калиненко Лина — врач, 26 лет.

Борис Иванович — врач, около 40 лет.

Кочергин Тимур Петрович — литератор, 34 лет.

Полуянов — врач, ученый секретарь института, возраст неопределенный.

Дама в очках и другие эпизодические лица.

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Квартира, обставленная современно, с хорошим вкусом. Посередине комнаты в ярком луче мощной лампы — молодая, красивая женщина в нарядном палантине из горностая. Это Стелла Рощина. Она медленно, с профессиональным изяществом поворачивается перед объективом ручной кинокамеры, которой орудует кинооператор. Тут же другая женщина держит в руках микрофон. Это — Виктория Ивановна Садовникова. В стороне, на диване, человек в хорошо сшитом костюме — Тимур Кочергин — просматривает газету.

Виктория Ивановна (*Стелле, повелительно*). Теперь повернитесь... еще, еще... И идите прямо на кинокамеру. Так... Мех показывайте, мех, а не себя!

Входит Садовников. Обе руки у него заняты: в одной — большой букет красных роз, в другой — бутылка шампанского. Он оставливается на пороге, с недоумением наблюдая происходящее.

(*Делает ему знак рукой — «не мешать»*. Стелле.) Ближе немного... ближе. И под конец улыбнитесь в объектив! У вас валютная улыбка! Отлично! Так. Можно снимать.

Садовников. Кажется, я ошибся адресом, Виктория, и вместо нашей квартиры попал на «Мосфильм»...

Виктория Ивановна. Ох, извини, ради бога. Нам необходимо срочно сделать рекламный ролик. Для торгов в Лондоне. Я хочу захватить его с собой.

Садовников (*улыбнувшись*). Но если мне не изменяет память, именно сегодня мы собирались с тобой отметить седьмую годовщину нашей свадьбы.

Виктория Ивановна. Понимаешь, конъюнктура в Лондоне малоперспективна для горностая. Вот я и решила нажать на рекламу.

Кинооператор (*Садовникову*). Как удачно, что вы пришли! Нам как раз не хватало раздражающего цветового пятна.

Садовников. Это я— раздражающее пятно?

Кинооператор. Да нет, не вы. А ну-ка, дайте розы! (*Быстро рассыпает букет — часть цветов ставит в вазу, остальные разбрасывает вокруг Стеллы.*) Это сообщит кадру колористический акцент.

Садовников. А шампанское отдать не прикажете?

Кинооператор. Нет, нет! На работе не пью. (*Смотрит в объектив.*) Отлично. (*Садовникову.*) Ухо! Ухо!

Садовников. Какое ухо?

Кинооператор. Ваше ухо в кадре.

Садовников. Прикажете отрезать?

Кинооператор. Пока не надо. Заберите его из кадра.

Садовников (*отступая, спотыкается о шнур осветительной лампы, не теряя юмора*). В расчете на наше семейное пиршество я не обедал.

Виктория Ивановна. Будь добр, разогрей сам. В холодильнике рыба. То есть, извини. . . рыбу ты не ешь. Там вчерашние котлеты. (*Кинооператору.*) Теперь можно снимать.

Садовников снимает туфли, надевает тапочки и, стараясь не помешать, выходит. Стелла снова начинает позировать перед камерой.

Кинооператор. Приготовились! Камера! (*Включает камеру.*)

Виктория Ивановна (*в микрофон*). Дамы и господа! Перед вами прославленный русский горноста́й. Его девственная белизна вызывает в нашем воображении снежные просторы Сибири. Этот мех так величав, что женщина, надевающая его на плечи, тотчас становится королевой.

Кинооператор. Порядок! Готово! Бегу прямо в лабораторию. (*Поспешно собирает свою аппаратуру.*)

Виктория Ивановна. Осторожно, не поцарапайте паркет.

Уходя, оператор снял тапочки и надел свою обувь. Стелла перед зеркалом зачарованно любит горноста́ем, а вернее — собой в горноста́е.

Тимур. «Снежные просторы Сибири. .» Виктория, да ты, оказывается, поэт. Ну, а щетину и кишки ты рекламируешь тоже столь поэтически?

Стелла. Кишки? Разве торгуют кишками?

Виктория Ивановна. Кишки — это очень важная статья в нашем валютном балансе.

Стелла (*скорбно вздыхая*). Просто не хватает мужества расстаться с этой прозодеждой королев!..

Виктория Ивановна. Жаль, что вы не видели наше манто из черных баргузинских соболей. Мы экспонировали его в Монреале. Вот бы дрогнуло ваше женское сердце! В него были даже вмонтированы фотоэлементы.

Стелла. Фотоэлементы? Это теперь модно?

Виктория Ивановна. Да нет... Они включали полицейские сирены. На случай приближения злоумышленников. Эта уникальная шубка стоила всего-навсего полтораста тысяч долларов.

Появляется Садовников с салфеткой вокруг шеи.

Садовников. Виктория, где горчица?

Виктория Ивановна. Горчица? Извини, забыла купить. Куплю завтра.

Садовников. Ладно. Завтра я съем ее отдельно. (*Проходя мимо Стеллы.*) Извините... мы с вами, кажется, знакомы?

Стелла (*улыбаясь*). Это кажется многим. Я работаю диктором на телевидении, и со мной здороваются каждый второй прохожий на улице. Мое лицо привычно всем, как утренний стакан чая.

Садовников. Ах, вот оно что. Извините.

Виктория Ивановна. Иди... Иди обедать! (*Выходит вслед за ним в соседнюю комнату.*)

Тимур и Стелла остались одни. Стелла снова, как загипнотизированная, смотрит на себя в зеркало.

Тимур (*глядя в зеркало через ее плечо*). Да-а... Такая женщина должна появляться только в таких мехах!.. (*Как бы невзначай пытается обнять ее за плечи.*) Ну, похвалите же меня! Разве плохую халтуру я вам организовал с этой съемкой? Не пыльно и весьма прибыльно.

Стелла (*мягко, но решительно отстраняясь*). Спа-

сибо, Тимур Петрович. Тем более, как вы знаете, лишние деньги — редкий гость в нашем доме. *(Снимает мех.)*

Возвращается Виктория Ивановна.

Сегодня я вам больше не понадобится?

Виктория Ивановна. Нет, благодарю.

Стелла. Всего доброго! *(Уходит, бросив последний тоскующий взгляд на горностаевый палантин.)*

Тимур. Ну как — эффектную модель я тебе подыскал для съемки?

Виктория Ивановна. Она похожа на гоночный автомобиль последней марки. Я обратила на нее внимание, когда они только переехали в наш дом. *(Укладывает горностаев в чемодан.)* Зато ее супруг... Знаменитый Рошин, а пиджачишко моды пятидесятых годов... Совершенно не монтируется он рядом с этой суперсовременной Стеллой!

Тимур. Всякое бывает... Говорят, Наталья Гончарова была на полголовы выше Пушкина. Кстати о Рошине... *(Вынимает из портфеля книгу.)* Моя новая книга. Принес тебе в дар.

Виктория Ивановна *(читает заглавие)*. «Поэзия Александра Рошина. Опыт монографии». *(Листает книгу.)* Многозначительно и наукообразно... Много ты получил за нее?

Тимур *(показывая в окно)*. Видишь на той стороне улицы синие «Жигули»? Это, так сказать, материализованный результат моего труда.

Виктория Ивановна. «Жигули»? *(Внезапно начинает хохотать.)* Вот забавный парадокс! Объект твоего исследования щеголяет в старом пиджаке, а ты за свое сочинение получил целый автомобиль!..

Тимур. Но я же не виноват, что он совершенно не умеет жить.

Виктория Ивановна. Он меня так напугал на днях... Появился как привидение — через балкон. У нас ведь с ними балкон общий. Ну, знаешь, как это делают — на случай пожара. И как ни в чем не бывало спросил у Мартына — не найдется ли таблетки от головной боли. *(Понизив голос.)* Да!.. Хочешь, расскажу новость? Только смотри держи язык за зубами! Мартына собираются выдвинуть в Академию медицинских наук. Он еще ни о чем не подозревает.

Тимур. Я вижу, ты знаешь о его делах больше, чем он сам.

Виктория Ивановна. Элементарное условие идеального брака. Не смейся!

Тимур. Я не смеюсь — я восхищаюсь! Представляю, как Мартын должен бояться потерять тебя!

Виктория Ивановна (*улыбнувшись*). Объективный закон! Женщины делятся на две неравные части, те, которых бросают, — их большинство, и те, которые бросают.

Тимур. И ты самая яркая представительница этого опасного меньшинства.

Возвращается Садовников.

Виктория Ивановна (*открывая книжку и показывая портрет Рощина*). Узнаешь?

Садовников. А как же... Наш сосед.

Виктория Ивановна (*Тимуру*). Ты бы хоть новый костюм купил ему из твоих гонораров. Все-таки — элементарный акт справедливости!

Тимур. Бесполезно. Он имеет обыкновение гасить окурки о лацканы своего пиджака. И вообще он до смешного непрактичен. Стоит ему получить гонорар — и его облепляют бесчисленные малознакомые друзья... Что поделать — романтическая привычка комсомольской юности! (*Надевая плащ и шляпу*.) А все-таки придется ему сшить себе парадный костюм... с огнеупорными лацканами. (*Протягивает газету, которую он просматривал*.) Рощин приглашен в Польшу. Ему присуждена премия Мицкевича. (*Сняв тапочки и надевая туфли*.) Ну, до свидания, друзья! (*Уходит*.)

Садовников (*ему вслед*). Птичка-зубочистка. Есть такие. Живут возле нильского крокодила. Кормятся остатками пищи, застрявшей у него между зубами. Этот твой школьный друг, Тимур...

Виктория Ивановна. Не всем же быть гениями, Мартынчик.

Садовников (*подбирая с пола розы*). Между прочим, за этими... цветовыми пятнами пришлось тащиться в Люберцы, в оранжерею...

Виктория Ивановна (*ласково взъерошила ему волосы*). Ну, не ворчи. Отпразднуем юбилей нашей свадь-

бы, когда вернусь с торгов из Лондона. Торжественно обещаю!

Садовников (*вынимая из кармана письмо*). Гляди! Письмо. От Снегирева.

Виктория Ивановна. От академика Снегирева?

Садовников. Да нет... От Ивана Кузьмича... доктора Снегирева, у которого я работал когда-то в районной Щекинской больнице. Во вторник он присзжает в Москву. Всего на один день. Подумать только, мы с ним не виделись всего каких-нибудь пятнадцать лет! Сейчас он заведует больницей в Мончегорске.

Виктория Ивановна. Это же за Полярным кругом!.. Видимо, что-то у него не сложилось.

Садовников. Почему? Хотя... пожалуй. Кому как в жизни пофартит... Кстати, у меня есть забавная новость. Но пока — никому ни полслова! Твоего полупочтенного супруга, кажется, собираются выдвинуть в члены корреспонденты Академии медицинских наук.

Виктория Ивановна (*прикинувшись удивленной*). С чего ты выдумал?

Садовников. Мне на это намекнула сама Сабурова. По строжайшему секрету.

Виктория Ивановна (*с подчеркнутым потрясением*). Анна Степановна?! Не может быть! Побожись!

Садовников (*подняв два пальца*). Клянусь!

Виктория Ивановна. Ну, если ты не врешь... Если тебя действительно поддерживает сама Сабурова... То это дело можно считать решенным.

Садовников. Еще бы... Авторитет академика Сабуровой растет в геометрической прогрессии. На днях приезжают международные светила вручать ей Золотой скальпель. Во вторник по телевидению будет об этом передача. И можешь себе вообразить... нет, сейчас ты опять скажешь, что я вру!.. Анна Степановна потребовала, чтобы ее представил... я!

Виктория Ивановна. Ты?

Садовников. Но я отказался..

Виктория Ивановна. Отказался? Ты шутишь! Разве мало найдется ученых, которые почли бы за великую честь представить телезрителям академика Сабурову?

Садовников. Я не балерина. И не звезда фигурного катания, черт побери! Помнишь доцента Загвоздкина? Он три дня репетировал свое выступление по телевидению. Ходил и бормотал: «Дорогие товарищи телезрители. . . Дорогие товарищи телезрители. . .» А чем кончилось? Вышел и ляпнул: «Дорогие товарищи телевизоры! . .» Пришлось от позора на месяц сбежать из Москвы.

Виктория Ивановна. Выслушай меня серьезно. Твое появление рядом с Сабуровой невольно, даже, если хочешь, подсознательно, поставит тебя в общении людей рядом с ней. А это существенно поможет твоему избранию в академию. Неужели это тебе не приходило в голову?

Садовников. Признаться — нет. *(Поразмыслив.)* Наверно, ты права. . . *(С легким непонятным раздражением.)* Как всегда, права. . . Но я должен еще подумывать.

Виктория Ивановна. Тут и думать нечего. Вернее, думать надо о другом: кем следует заняться. Ну, для начала хотя бы пригласить на юбилей нашей свадьбы. . . чтобы обеспечить шары.

Садовников. Какие шары?

Виктория Ивановна. Разумеется, белые, а не черные.

Садовников. Ах, шары для голосования. . .

Виктория Ивановна. Надо мыслить перспективно. *(Прикидывая.)* Ну конечно, Карасева — секретаря академика Изборского, руководителя клинического отделения. . .

Садовников. А почему не самого Изборского?

Виктория Ивановна. Чудак! И академика тоже. Но он очень считается с секретарем. И обязательно Чурикова. Он имеет влияние в общественных организациях. Затем профессора Буторина из министерства. . . Да! Не забыть еще Худякова! У тебя будут серьезные конкуренты. . . Надо их обезопасить.

Садовников. Одним словом, как ты любишь говорить, надо продумать конъюнктуру.

Виктория Ивановна. Можешь не иронизировать. Конъюнктура — это динамика нашей жизни. . . Сейсмограф тончайших колебаний. *(Поспешно укладывает какие-то бумаги в портфель.)* Извини, бегу! Еще куча дел перед отъездом.

Садовников (*набрал номер телефона*). Дежурного врача. Добрый вечер. Как моя сегодняшняя больная после операции? Так, так...

Виктория Ивановна (*вспомнив*). Да! Не забудь — в субботу ты едешь с Чуриковым на рыбалку.

Садовников (*делая знак рукой, чтоб не мешала, — в трубку*). Нет, лучше введите внутривенно. Если что — звоните. В любое время ночи. (*Кладет трубку. Виктории Ивановне.*) Но в субботу я хотел поработать... разобратся наконец в клиническом материале.

Виктория Ивановна (*перебивая*). Чурикова подводить нельзя.

Садовников. Боже, как я ненавижу рыбную ловлю!

Виктория Ивановна. Ты себя уговорил. Рыбалка полезна, отлично успокаивает нервную систему. Да, чуть не забыла! (*Доставая небольшую коробочку и удилище.*) Вот новый спиннинг. Для тебя.

Садовников. Уж лучше б ты подарила мне живого крокодила...

Виктория Ивановна. Мой милый большой несмышлениш!.. На этот спиннинг ты можешь поймать золотую рыбку. Ничто так не способствует установлению дружеских контактов, как рыбалка. Ну, что бы ты без меня делал, недотепа ты мой?..

Садовников (*покорно беря спиннинг*). Ну ладно... (*Спохватившись.*) Да! Купи что-нибудь из харчишек. Во вторник вечером придет Иван Кузьмич.

Виктория Ивановна. Какой Иван Кузьмич?

Садовников. Ну, Снегирев из Мончегорска. Купи и положи в холодильник. Ты же улетаешь!

Виктория Ивановна. Хорошо. Хотя... Позволь! Во вторник вечером у тебя передача по телевидению. Придется твоего Снегирева отменить.

Садовников (*раздраженно*). Нет уж, тогда придется отменить твое телевидение.

Виктория Ивановна (*императивно*). Не пой-ти — значит обидеть Сабурову. А это исключено. Пони-маешь? Исключено! (*Улыбнулась, поцеловала его*). Вот то-то же...

Садовников. А если, на мою беду, мы с Чуриковым паловим рыбы? Что я буду с ней делать? Ведь я ее терпеть не могу.

Виктория Ивановна. Ничего, подаришь кому-нибудь... или выбросишь, на худой конец. (*Уходит.*)

Садовников в плохом расположении духа рассказывает по комнате. В проеме балконной двери появляется Рошин.

Рошин. Я помешал? Извините.

Садовников. Ах, Александр Михайлович... Снова избрали такой оригинальный способ возникновения?

Рошин. А вы рассматривайте это как чуточку волшебства. У вас не найдется держалок для белья?

Садовников. Каких держалок?

Рошин. Ну как их... прищепок! Понимаете, я опрокинул на рукопись бутылку боржома, а мне надо скоро нести поэму в редакцию. Все-таки неудобно сдавать произведение, так сказать, в совершенно сыром виде... Надо высушить.

Садовников. Прищепок нет... Пойдите, а может, пригодятся канцелярские скрепки?

Рошин. Пойдет!

Садовников извлекает из письменного стола коробочку со скрепками.

Спасибо. Я решил измучить вас просьбами. Не найдется ли еще одной таблетки от головной боли?

Садовников. Конечно, найдется. (*Дает лекарство и стакан с водой.*)

Рошин (*приняв таблетку*). Благодарю вас.

Садовников. Смешная штука... но, кажется, я составлю вам компанию. (*Достает из кармана пакетик с порошками.*)

Рошин. Тоже от головной боли?

Садовников. Нет. Сердце пошаливает. Два года в отпуске не был. (*Запивает лекарство водой.*) Ну, вот мы с вами выпили и закусили.

Рошин. Сообразили на двоих. Хотите, дам почитать свои последние стихи? Только что с верстака. (*Вынимает из кармана ветхую бумажку и протягивает Садовникову.*)

Садовников (*читает*). «Салат мясной — сорок копеек, вода минеральная — двадцать...» Что вы мне дали?

Рошин. Это счет из кафе. Переверните. Стихи на обратной стороне. (*Берет у Садовникова листок, переворачивает.*) Вот они... Хотя... это же последняя строфа... А где начало? Наверно, на второй половине счета. (*Роет-*

ся в карманах, вынимает их содержимое: мятую пачку «Беломора», спички, трамвайный билет, несколько монеток.) Черт возьми, кажется, потерял... Обидно. Найдется какой-нибудь шалопаи, сдаст после моей смерти в литературный музей, в отдел уцененных гениев, — и проживет безбедно до конца своей жизни. (*Прячет обрывок листка обратно в карман.*)

Садовников. Неужели вы можете писать стихи в кафе? Там же полно народу.

Рощин. Вот и чудесно... Привык работать в общелитии. Еще с юности... Они говорят о своем, ссорятся, мирятся, целуются... И никому нет до вас решительно никакого дела. Вы — один... совершенно один. И вместе с тем — вы с ними.

За окном сверкнула молния, слышится шум дождя.

Дождь начинается... Надо идти. До свидания. (*Направляется к балконной двери.*)

Садовников. Снова через балкон... Более короткий маршрут?

Рощин. Да нет... Просто не хотелось проходить через столовую. Там сидят чужие люди.

Садовников. Чужие?

Рощин. Моя жена и ее друзья.

Садовников. Странно.

Рощин (*неожиданно*). А вы уверены, что любите вашу жену?

Садовников (*пораженный*). Кто? Я? А какие у вас основания сомневаться в этом?

Рощин. Вы правы. Оснований, пожалуй, нет...

Садовников. А ваша супруга была у нас сегодня. Красивая женщина...

Рощин. Красивая? Но ведь влюбляешься в личико, а жениться приходится на всей девушке...

Садовников. Ну как голова? Не болит?

Рощин. Представьте — на этот раз не помогло. У меня десяток болезней, но особого совершенства я достиг в головных болях.

Садовников. А у вас это давно... головные боли?

Рощин. После контузии. Как-то под Ржевом читал я бойцам свой новый опус. Налетели «юнкеры». Все залегли в щели. А я постеснялся показаться трусом и, как

дурак, стоя дочитал им до конца. Когда очнулся в госпитале, я понял, что в стихотворении были длинноты. Будь оно покороче, я бы успел спрятаться в щель. Искусство должно быть лапидарным.

Садовников. Минуточку... Извините... (*Внимательно, профессионально смотрит Рощину в глаза.*) Так, так... Посмотрите, пожалуйста, сюда... (*Показывает рукой направление.*) Теперь налево... не поворачивая головы. Да... Настоящий нистагм... Возможно, после контузии. Вы бы зашли ко мне в институт. Мы вас поисследовали бы по поводу головных болей.

Рошин. А разве я похож на человека, который любит лечиться?

Садовников. Быть может, вам просто надо отдохнуть. Подмосковный санаторий.

Рошин. Я не люблю подмосковные сосны. Я люблю ресторанные пальмы.

Садовников (*решившись*), Александр Михайлович... Вы так знамениты. Вас перевели на десятки языков мира. Даже на язык хинди, как я прочитал вчера в газете.

Рошин. Вот я и живу, как индус. Учусь стоять на голове — по системе йогов. И приучаю себя не дышать. Иногда это полезно.

Садовников. Вы меня извините... Но я поражаюсь вам — как можно жить так неправильно, так непрактично?

Рошин. Что значит — непрактично?

Садовников. Люди, пишущие о вас, благоденствуют, а вы... Мне кажется, вы лишены самого необходимого.

Рошин. Вы не ошиблись. Но разница между мной и вами знаете в чем? Вам нужно прежде всего необходимое. А мне необходимо только лишнее¹.

Садовников. Что значит «лишнее»?

Рошин. Лишнее? Наверно, это бродить без цели по улице... Проторчать целый вечер за кружкой пива с незнакомым встречным... Знаете, недалеко от нас, под Новоарбатским мостом, есть отличная закусочная таксо-

---

¹ Хотя образ Рошина не имеет никакого реального прототипа, однако некоторые из его реплик почерпнуты из высказываний М. Светлова.

моторного парка. Открыта всю ночь. Лишнее — это чужие тревоги, чужие беды, чужая боль... то, что вам, наверное, мешает... что вы пытаетесь отбросить...

Садовников. Отбрасывать приходится многое — у меня так мало свободного времени.

Рошин. У нас у всех очень мало времени. Гораздо меньше, чем мы предполагаем.

Звонок в передней.

Садовников. Кто-то пришел. Извините, пойду открою. *(Выходит.)*

Рошин исчезает прежним способом — через балконную дверь. Садовников возвращается в сопровождении Лины Калиненко.

Знакомьтесь, Александр Михайлович... *(Обнаружив, что Рошина нет.)* Исчез! Так сказать — дематериализовался!

Калиненко *(снимая насквозь промокший плащ)*. Ну и ливень! Спасибо — Борис Иванович плащ одолжил!.. А сам шел, накрывшись газетой... Извините, что пришлось беспокоить дома.

Садовников. Ничего, ничего. Присаживайтесь, пожалуйста.

Калиненко. Нет, нет, мы с Борисом Ивановичем всего на одну минуту! *(Заметив следы, которые оставили на паркете ее туфли.)* Ой, что я натворила!.. *(Поворачивается, идет к выходу.)*

Садовников *(не поняв)*. Куда вы?

Калиненко *(смущенно)*. У меня туфли на рифленной микропорке... Извините, я испортила вам паркет.

Садовников *(смеясь)*. Только-то всего? А вы наденьте тапочки. Там, в углу.

Калиненко *(обнаружив тапочки)*. О-о!.. *(Кричит Борису Ивановичу, который, видимо, замешкался в передней.)* Борис Иванович, посмотрите, сколько тапочек! Прямо как у нас в самаркандской мечети!

Но из передней ответа нет.

Борис Иванович!

Молчание.

(Идет в переднюю и возвращается оттуда огорченная и растерянная.) Ну вы только подумайте — сбежал! Немыслимый человек... Невозможный... Еле-еле привела...

по его же делу. Всю дорогу твердил — «неудобно». «не ловко». . . И улизнул. . . чуть не через окно, как гоголевский Подколесин. (*Показывая на плащ, который она еще держит в руках.*) Даже плащ оставил. . .

Садовников. А что стряслось?

Калиненко. Понимаете, заселяют новый институтский дом. И Борису Ивановичу опять не дают квартиру. Завтра утверждают списки. Так вот — я пришла к вам с просьбой от месткома — необходимо срочное вмешательство Сабуровой.

Садовников. Хорошо, я поговорю с Анной Степановной. Ради такого случая. . . хоть с самим господом богом!

Калиненко (*улыбаясь*). Да что может сделать бог по сравнению с нашим шефом! Позвоните академику Сабуровой и объясните, что это вопиющая несправедливость. Пожалуйста, позвоните сейчас же. А то будет поздно.

Садовников (*взглянув на часы*). Анна Степановна сейчас отдыхает. Придется вам поскучать со мной минут двадцать. Ну, садитесь же.

Калиненко садится.

Вот только ужасно досадно, что я небрит!

Калиненко. Ну, какое это имеет значение!

Садовников. Огромное. Когда мужчина небрит или на нем мятая сорочка — у него возникает комплекс неполноценности. Между прочим, давно хотел спросить. . . Фамилия у вас русская. . . вернее, украинская. А вот глаза какие-то. . .

Калиненко (*рассмеялась*). Косые?

Садовников. Ну что вы! Просто немного раскосые.

Калиненко. У меня отец из-под Полтавы, а мама узбечка. Так сказать, помесь Запорожской Сечи со свирепыми ордами Тимура.

Садовников. Гремучая смесь! Впрочем. . . Тимур стали нынче ручными.

Калиненко. Когда отец женился, мама носила сто косичек. А бабушка ходила в парандже. Так вы объясните, пожалуйста, Анне Степановне, в каких условиях живет Борис Иванович. А ведь ему поручают оперировать самых тяжелых больных. . . Самых безнадежных.

Садовников. Да... Его последние операции смелы по решению... и очень интересны.

Калиненко. Но о нем забывают... Забывают не только когда распределяют жилплощадь. Он всегда остается в тени. *(В ответ на протестующий жест Садовникова.)* Да, да! Потому что у нас в институте есть свой Капитолий.

Садовников. Что сие значит?

Калиненко. Говорят, в Вашингтоне не разрешают строить дома выше, чем здание Капитолия. Разве академик Сабурова позволит кому-нибудь подняться до своих блистательных вершин?

Садовников. Лина!.. Вы удивительно неосторожны! Всякий раз, когда вы на конференции... или на пятиминутке поднимаетесь с места, у меня холодеют кончики пальцев. Я так и жду, что вы — извините меня — ляпнете что-нибудь подобное в присутствии Анны Степановны.

Калиненко *(внимательно поглядев на него)*. Это благородно — волноваться за подчиненных.

Садовников. У вас на Востоке есть пословица — не трогай за хвост спящего льва.

Калиненко *(улыбнувшись)*. У нас есть еще и другая — молодой теленок не боится тигра.

Садовников. А вот дождетесь — выставят вас из института.

Калиненко. Подумаешь!.. Ну и поеду обратно в Самарканд. Тем более что срок моей стажировки — увы! — подходит к концу.

Садовников. Весь ваш максимализм — это ребячество какое-то. Я просто расстроен... ей-богу.

Калиненко *(недоверчиво)*. Вы? Расстроены?

Садовников. Еще бы... *(Передразнивая ее.)* «Ну и поеду в Самарканд...» Неужели вы не понимаете? Это будет нелепо. *(После паузы.)* А для меня очень грустно.

Калиненко *(осторожно и выжидательно)*. Для вас?... А почему — грустно?

Садовников. Как почему? Все-таки я обучил кое-чему... Потратил на вас немало времени. Скоро вы станете вполне приличным хирургом.

Калиненко. Ах, поэтому? Только поэтому?

Садовников *(удивленно)*. А вы думали почему?

Калиненко *(после мгновенной паузы, с показной*

веселостью). Ну, а главное? Вы не оценили во мне самое главное?

Садовников (*озадаченно*). Что же?

Калиненко. А кто будет подбирать за вами авторучки? Вы их теряете на каждом шагу, когда приходите к нам в отделение.

Садовников (*улыбнувшись*). На самом деле... (*Снова серьезно*). Вас могли бы оставить у нас в институте... для молодого хирурга...

Калиненко (*перебивая*). А вот и дождик перестал! (*Поглядела на часы, порывисто вскочила*.) Всё! Бегу! До свидания. (*Идет к двери*.)

Садовников (*недоумевая*). Мы же хотели звонить...

Калиненко. А вы сами. Позвоните, пожалуйста, сами. А провожать меня не надо. Нет, нет, не надо! (*Поспешно выходит*.)

Садовников один, в явном недоумении. Тихо возвращается Калиненко.

Садовников. Ну вот, все-таки вернулись. Ну и правильно! А то мне показалось...

Калиненко (*отчужденно*). Я забыла снять ваши мусульманские шлепанцы. (*Сбрасывает тапочки и, надевая туфли, искоса взглянула на Садовникова*.) Что вам показалось?

Садовников. Я чем-то вас обидел?

Калиненко (*перебивая*). Да, показалось! Не забудьте позвонить Сабуровой. И пожалуйста, объясните ей все как следует. Пожалуйста... Вы же знаете — Борис Иванович для себя палец о палец не ударит... (*Поворачивается, уходит*.)

Садовников (*пожав плечами*). Отсутствие логики — это логика женщин.

З а н а в е с

КАРТИНА ВТОРАЯ

Телестудия. Большая комната рядом с павильоном, из которого ведутся передачи. Низенькие столики, покрытые ярким пластиком, современные кресла на металлических ножках-полосках. Где-то на заднем плане, а быть может, за кулисами — кофеварка.

Садовников набирает по телефону номер.

Садовников. Гостиница «Турист»? Пожалуйста, двести пятый. Можно Снегирева? Иван Кузьмич, опять я. Эдакая незадача — все еще торчу здесь, на телевидении. Как только кончится наша передача, сразу примчусь к вам! *(Прикрыв рукой трубку.)* В портфеле скучает бутылка коньяку. Ереванского разлива! Специально раздобыл! У вас там, в гостинице, телевизор есть? А вы включите, посмотрите, чтоб, так сказать, адаптироваться и не упасть в обморок от тех перемен, которые произошли с моей физиономией за эти пятнадцать лет.

Входят Стелла Рощина с Линой Калининко. В руках у Калининко портфель.

Ну, до скорой встречи! *(Кладет трубку.)*

Стелла. Здесь соберутся все участники передачи. Присаживайтесь... *(Уходит.)*

Садовников *(обрадованно)*. Какая звезда привела вас сюда?

Калининко. Привел мой далеко не блестящий английский язык. Попросили быть сегодня в роли переводчика. *(Вынимает из портфеля бумаги.)* Это вам.

Садовников. Что это?

Калининко. Поздравительные телеграммы академику Сабуровой.

Садовников *(просматривая телеграммы)*. Из Лон-

дона. Из Томска. . Из Парижа. А это откуда? (*Протягивает телеграмму.*)

Калиненко. От магараджи княжества Хайдарабат. Помните, в прошлом году Анна Степановна летала на консультацию в Индию. И в институте пустили слух, что магараджа подарил ей священную корову!

Садовников. Пусть этот магараджа и его корова живут еще сто лет, раз вы наконец перестали на меня дуться. Не понимаю, почему вы были так со мной суровы? Ну, давайте мириться! Хотите, принесу кофе?

Калиненко. Кофе? Нет, нет, ни в коем случае. Двойной кофе! Очень устала.

Садовников. Знаю. Была операция с непредвиденными осложнениями. А потом Борис Иванович сказал про вас: «Каков молодец!» Обратите внимание — в мужском роде! (*Выходит.*)

Калиненко поспешно открывает сумочку, откладывает в сторону лежащую сверху маленькую картонную трубочку — детский калейдоскоп — и достает зеркальце. Поправляет растрепавшиеся волосы.

(*Возвращается, ставит на стол две чашечки кофе. Помешивая ложечкой кофе.*) Что вы морщите нос? Невкусно?

Калиненко (*отпивая из чашечки и обжигаясь*). Напротив — невысказанно вкусно! А я, знаете, как болгары — когда мне надо сказать «да», я делаю вот так... (*Отрицательно качает головой.*) А когда нужно «нет», вот так... (*Утвердительно кивает.*)

Садовников. Смешная вы... Хотите в кофе глоток коньяку? (*Открывает свой портфель.*)

Калиненко. Спасибо. Но после первой же рюмки я засыпаю. А почему у вас в портфеле коньяк?

Садовников. После передачи я еду в гости. К одному старинному другу. Некто Снегирев, мой первый учитель... Примечательнейшая личность! (*Вспоминая.*) «Чтобы стать хорошим врачом, надо быть хорошим человеком...» Это он говорил... Мы, молодые негодяи, величали его за глаза «стариком». Хотя было ему в ту пору всего тридцать четыре года... Впрочем, тогда все, кому было за тридцать, казались мне глубокими стариками. (*Неожиданно пристально взглянув на Калиненко.*) А я кажусь вам очень старым?

Калиненко. Пока нет. Но скоро вы станете масти-

тым. Поговаривают, Ученый совет собирается выдвинуть вас в членкоры академии. Это правда?

Садовников *(не без удовольствия)*. А откуда вы знаете?

Калиненко. У нас в институте есть секретная часть, но нет секретов. *(Отодвинув пустую чашечку, снова начинает просматривать телеграммы.)* Из Минска... Из Новосибирска... «Поздравляем академика Сабурову с Золотым скальпелем»... И больные стремятся под золотой скальпель Сабуровой. Только Сабуровой!.. Как мотыльки на огонь керосиновой лампы. Настаивают, нажимают через министерство.

Садовников. А что удивительного? Сабурова — один из крупнейших современных хирургов.

Калиненко. Современны только беспокойство, неудовлетворенность, вечная тревога. А олимпийское спокойствие — враг современности. Я училась по книгам Сабуровой... Бывало, вместо того чтобы зубрить перед экзаменом, сижу как дура и пытаюсь себе представить — а какова она, эта необыкновенная женщина?

Садовников. И впрямь — необыкновенная. Бывает же такое уникальное сочетание — талант хирурга, деловая энергия и прямо-таки мужской конструктивный ум!..

Калиненко. Международные конгрессы, симпозиумы, торжественные заседания. Нашего шефа буквально разрывают на части!

Садовников. Оно и понятно. Анна Степановна может украсить любое высокое собрание, любую делегацию.

Калиненко. Да. Но на операции остается все меньше и меньше времени... *(Поглядела на него.)* Впрочем, как и у вас... Вы тоже стали меньше оперировать. Простите... И получается трагический парадокс... какая-то обратная пропорция: чем громче ее слава, тем заметнее слабеет ее искусство...

Садовников *(усмехнувшись)*. Прикажете мне обнародовать это сейчас же? По телевидению?

Калиненко. Непростительно расточать такой большой талант. А вы скажите ей это при случае. Вас-то она выслушает. Как-никак — вы ее заместитель.

Садовников. Лина, вы когда-нибудь слышали про японских летчиков-смертников? Их герметически задраивали в самолет, несущий бомбы. Они взрывались вме-

сте с самолетом, врезаясь в цель. Так вот — я не собираюсь стать смертником.

Калиненко. Неужели Анна Степановна так мелко мстительна?

Садовников. Она крупно мстительна, как многие крупные люди. И злопамятна, как слон. Жизнь не литература, в ней нет голубых героев.

Калиненко (*усмехнувшись*). Грустно... «Грустно жить на белом свете, в нем отсутствует уют. Рано утром на рассвете волки зайчиков жуют...» (*Берет калейдоскоп, лежащий на столе, и подносит его к глазам.*)

И сразу резко меняется режим освещения: на сцене, по кулисам, заднику и падугам скользят, сплетаются и расходятся разноцветные линии и геометрические фигуры, образуя причудливые узоры. И начинается звучать хрупкая, как стекло, музыкальная фраза.

Садовников. Что это?

Калиненко (*протягивая ему игрушку*). Детский калейдоскоп. Купила в магазине «Игрушки». За сорок копеек. Правда, красиво? Когда мне грустно... и не хватает оптимизма... Это помогает. Мне подарили такую штуку, когда я была совсем маленькая. Еле я дождалась вечера... Все легли спать, и я сломала волшебную трубочку. Захотелось потрогать руками ускользающее чудо. А нашла только грудку цветных стекляшек. Как я горько плакала...

Садовников (*возвращая игрушку и улыбаясь*). Но в школе вам объяснили, что это простой оптический прибор с трехлучевой симметрией. И вы утешились.

Калиненко (*поднося трубочку к глазам и как бы разглядывая через нее Садовникова*). Так это же здорово, если реальность может быть так похожа на волшебство! (*Отнимает калейдоскоп от глаз.*) И не хочу я верить, что это только грудка стекляшек... (*Прячет калейдоскоп обратно в сумочку.*) Как вы думаете, что такое счастье?

Садовников. А черт его знает!... Один умный человек сказал: быть счастливым — значит не желать того, чего нельзя достигнуть.

Калиненко. Нет, нет... Как раз наоборот! Желать недостижимого... (*Поглядев на Садовникова.*) Надеяться на несбыточное...

Садовников. Смешная вы... (*Помолчав.*) И милая... Лина Калиненко... Ли-на Ка-ли-нен-ко... Хорошее у вас имя. Будто колокольчики звенят...

К а л и н е н к о. Какие еще колокольчики?
С а д о в н и к о в. Серебряные колокольчики.
Слышится шум голосов.

К а л и н е н к о. А вот, кажется, и наша блистательная императрица Анна!

Входит академик С а б у р о в а. Это статная, величественная женщина с молодым лицом и седеющими волосами. Видно, что она привыкла подчинять себе людей и обстоятельства. На лацкане ее темного делового костюма лауреатские медали. С ней двое пожилых, респектабельного вида иностранцев. Сзади маячит фигура П о л у я н о в а. Навстречу вновь прибывшим появляется С т е л л а Р о щ и н а.

С т е л л а. Милости просим, Анна Стенановна. Проходите, пожалуйста, господа.

С а б у р о в а (*поглядев на Стеллу*). Сдается — мы с вами знакомы. . .

С т е л л а (*ослепительно улыбнувшись*). Это кажется почти всем. (*Представляясь.*) Стелла Рощина. Я работаю диктором. И со мной здороваются каждый второй прохожий на улице. Мое лицо привычно всем, как утренний стакан чая.

С а б у р о в а. Вы так красивы, милая, что к вам привыкнуть невозможно.

С т е л л а. Благодарю вас. Compliments ценны вдвойне, если их слышишь от женщины. Вы ознакомились с примерным сценарием нашей передачи?

С а б у р о в а. Да. Но сценарий не предусматривает важного обстоятельства.

С т е л л а. Чего же?

С а б у р о в а. Внимание зрителей будет принадлежать не мне, пожилой женщине, а вам. Вашей красоте, вашей молодости.

С т е л л а. Но в любом поединке побеждает талант.

С а б у р о в а (*своим спутникам*). Шер мёсье! Пэрмэте муа дэ ву прэзантэ нотр шармант спикирин мадам Стелла Рощин, нотр жён мэдесин мадемуазель Калипенко, мон аджуэн профэссэр Садовников э нотр сэкрэтер съятифик мёсье Полуянов. . . Знакомьтесь, товарищи. . . Месье Роже Дюваль, профессор Женевского университета. . . Сэр Генри Роджерс, вице-президент Королевской ассоциации хирургов. . .

Д ю в а л ь. Я очень рада. . .

Р о д ж е р с (*поправляя*). Но, но, сэр. Мы очень довольны Москвой.

Садовников (*вынимает из кармана несколько сложенных листов*). Вот примерно что я намерен сказать...

Сабурова (*просматривая написанное*). Так, так... А жена ваша небось уже сидит у телевизора?

Садовников. Да нет. Она в Лондоне, на торгах.

Сабурова. А-а... (*Озабоченная предстоящей передачей, продолжает просматривать листки текста, что-то обводит жирной чертой, что-то вычеркивает.*) Нет, нет, не надо. Поменьше касайтесь моих личных заслуг. Не надо, так сказать, «многоуважаемого шкафа»... «Операция Сабуровой»... Ну, это можно упомянуть. Подайте крупным планом достижения медицинской науки в нашей стране... и вообще — в международном аспекте. Это будет скромней. Участие в европейских симпозиумах... Извините, секундочку... (*Отходит к группе иностранцев.*)

Около Садовникова возникает Полуянов.

Полуянов (*с сокрушением*). Поверьте, Мартын Николаевич, я так огорчен всем происшедшим... И считаю это просто возмутительным!

Садовников. А что случилось?

Полуянов. Как? Вы еще ничего не знаете? Тогда извините.

Садовников. О чем вы?

Полуянов. Я думал, что вы уже в курсе событий...

Садовников. Да скажите, наконец, в чем дело?

Полуянов. Понимаете ли... вашу кандидатуру в академню... забаллотировали.

Садовников (*неприятно пораженный*). Провалили?

Полуянов (*разводя руками*). Вот именно.

Садовников (*стараясь сохранить спокойствие*). На каком основании?

Полуянов. Несли разную ахиною... Что, дескать, в ваших последних работах вы повторяетесь... топчетесь на месте. Что ваши способности, видите ли, обязывают вас к большему... Безобразия! Черт знает что!

Садовников (*подойдя к Сабуровой и отведя ее немного в сторону*). Анна Степановна... Извините... Что произошло на Ученом совете?

Сабурова. И кто успел разблаговестить?! (*Видя, как Полуянов поспешно ретируется, и догадавшись.*) Ах, вот кто... И зачем это он? Здесь... в такой момент... (*С досадой.*) Отсутствие такта — это как отсутствие слуха!.. Ну право же, не надо придавать этому серьезного значения... Понимаете, я завертелась с этими иностранными гостями... Конечно, будь я в тот момент на Ученом совете, этого не произошло бы. В общем, когда я туда явилась, я столкнулась постфактум с уже не управляемой реакцией.

Стелла (*подходя*). У нас остается мало времени.

Сабурова. Мы уже закончили. (*Садовникову.*) Ну, не огорчайтесь! Исправим эту досадную опечатку.

Стелла. Пора в павильон.

Все направляются в павильон. Садовников неожиданно останавливается и опускается в кресло.

Почему вы сели? Вам же первое слово! Да что с вами?

Садовников. Что-то мне... нехорошо.

Калиненко быстро берет руку Садовникова, нащупывает пульс.

Полуянов (*с благожелательной готовностью, вынимая из кармана таблетку*). Положите под язык.

Стелла. У нас есть дежурная сестра. Сейчас вызовем.

Калиненко. Скажите, чтобы захватила камфару для инъекции. Я сама все сделаю.

Стелла. Только вот... кто может выступить вместо Мартына Николаевича?

Полуянов (*внезапно возникнув*). Если разрешите, могу я...

Сабурова. Ну что ж...

Все, кроме Садовникова и Калиненко, выходят.

Калиненко (*снова берет руку Садовникова, считая пульс*). Ну, ничего... Ничего страшного... (*Пытаясь казаться спокойной.*) Откиньтесь немного... Вот так. (*Устраивает его в кресле поудобнее.*)

Садовников (*превозмогая боль*). Надо же... Как я их подвел...

Калиненко. Да нет же, нет! Это все чепуха! Чепуха! Сидите спокойно. Не двигайтесь.

Садовников. Нелепость какая...

Каллипенко *(терпеливо и ласково)*. А разговаривать запрещают! *(Снова считает пульс.)* Ну вот, уже лучше.

Садовников молча кивает головой.

Это пройдет... И все будет хорошо... *(Осторожно убирает с его лба растрепавшуюся прядь волос.)* Уверяю вас — все будет очень, очень хорошо.

Садовников. Как же все нескладно получилось! В такой момент! В такой ответственный момент! *(Горестно замолкает.)*

Занавес

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Декорация первой картины — квартира Садовниковых. В кресле полулежит Садовников. Ноги его покрыты пледом. Рядом стоит трапезный приемник. На полу раскрытый чемодан Викторин Ивановны, оклеенный цветными ярлыками, — она только что прилетела из Лондона.

Виктория Ивановна (*на ней простенькое домашнее платье и фартук*). Прими микстуру. (*Подает лекарство и стакан воды.*)

Садовников. Я уже принимал.

Виктория Ивановна. Это другая.

Садовников (*проглотив микстуру*). Спасибо.

Виктория Ивановна. Ну, как ты себя чувствуешь?

Садовников (*не открывая глаз*). Сейчас хорошо... (*После паузы.*) Будто колокольчики звенят.

Виктория Ивановна. Какие колокольчики?

Садовников (*все еще не открывая глаз*). Ну, серебряные...

Виктория Ивановна. Звенят? Надо обязательно измерить давление. Ты слишком переутомился. Нельзя же столько работать. (*Накапывает в мензурку лекарство.*) Выпей кордиамин.

Садовников. Быть может, лучше мне подремать?

Виктория Ивановна. Вся эффективность — в регулярности.

Садовников. Ну, погоди минутку. (*Поставил мензурку рядом на столик, откинулся в кресле, закрыл гла-*

за.) Эффективность в регулярности. Регулярность в эффективности.

Звонок в прихожей. Виктория Ивановна идет отворить.

(Один, все еще с закрытыми глазами.) Регулярность в эффективности... Эффективность в регулярности...

Из передней доносятся голоса.

Виктория Ивановна. Ну и что же теперь с ним?

Сабурова. Случай очень серьезный. Буду оперировать сама. Завтра утром.

Виктория Ивановна с Сабуровой входят в комнату.

Виктория Ивановна *(поглядев на Садовникова, тихо)*. Уснул.

Сабурова *(тоже тихо)*. Ну, как он?

Виктория Ивановна. Врачи говорят — лучше. Только прошу — ни слова о Рошине. Мартын почему-то сегодня целый день вспоминает о нем.

Сабурова. Ну, разумеется... Как долетели?

Виктория Ивановна. Всего три часа. Ил-62!... *(После небольшого колебания, достав из кармана фартука распечатанное письмо.)* Анна Степановна... Есть у вас в институте доктор Калининко?

Сабурова. Калининко?.. Какой это — Калининко?

Виктория Ивановна. Не какой, а какая...

Сабурова. Ах, Калининко! Стажер из Самарканда? Конечно, есть.

Виктория Ивановна. А что она из себя представляет?

Сабурова. Способный хирург. Я бы сказала — перспективный. Некоторые типичные операции делает просто отлично. А что — надо кого-нибудь прооперировать?

Виктория Ивановна. Да нет... Несущественно... Ерунда! *(Прячет письмо обратно.)* Я разбуджу Мартына Николаевича.

Сабурова. А может, не стоит?

Виктория Ивановна. Что вы! Он будет огорчен, если не увидит вас! *(Подходит и касается плеча Садовникова.)* Мартын. Анна Степановна приехала!..

Сабурова (*сидясь рядом с Садовниковым*). Здравствуйте, Мартын Николаевич. Ну, как вы себя чувствуете? Вижу — хорошо. Глаза уже веселые.

Садовников. Мне так неловко, Анна Степановна... Тогда, на телевидении, я невольно подвел вас...

Сабурова. Ну, не волнуйтесь. Скоро иностранные коллеги вернутся из поездки... из Киева и Тбилиси — на Хирургическом обществе будут мне торжественно вручать Золотой скальпель. Вот тогда и скажете несколько слов по моему адресу... если не возражаете.

Садовников. Конечно! С большим удовольствием!

Виктория Ивановна. Может быть, кофе, Анна Степановна? С ликером. (*Вынимает из чемодана бутылку.*) Французский бенедиктин. Только что привезла из Лондона. Специально для вас.

Сабурова. Исключено. Нам нельзя. Ни миллиграмма. Даже в кофе. Завтра серьезная операция. (*Протягивает перед собой руки, растопыривая пальцы.*) Будут дрожать руки. Тремор! (*Заметив, что Виктория Ивановна из-за спины Садовникова делает ей знаки, чтобы она замолчала, прикладывая палец к губам.*) А вот если бы чашечку крепкого чая...

Виктория Ивановна. Сейчас налью. (*Выходит.*)

Сабурова. А я ведь к вам с хорошей вестью, Мартын Николаевич. Сегодня была в министерстве. Там рассматривают всю эту... осечку на ученом совете как недопустимый ляпсус. В общем, голубчик, справедливость будет восстановлена.

Садовников (*поспешно*). Нет, нет, ничего не надо!

Сабурова. Что «не надо»?

Садовников. А ведь правы-то они... наши молодые врачи. Ну, давайте по человечески, Анна Степановна: что я успел сделать?

Сабурова. Как — что успели? А ваша последняя монография? Она почти завершена.

Возвращается Виктория Ивановна, неся чай.

Садовников. Почти... В последнее время я стал... как бы это сказать? Чересчур рациональным. Наука

требует не благоразумия, а скорей сумасшествия, неудовлетворенности. . . Я слишком много занимался необязательными вещами. Всё дела, дела, дела. . . Жизни мышья беготня. . .

Сабурова. Депрессия у вас после болезни, что ли? Или приступ самобичевания?

Виктория Ивановна. Да вы не обращайтесь внимания, Анна Степановна. Мартын так и не душает.

Садовников. Ну конечно ты всегда лучше знаешь, что я думаю, чем я сам.

Сабурова *(отпивая чай, Садовникову)*. Я вот намного старше вас. И то, как видите, не унываю. Уверю вас — старость прекрасная пора. К сожалению, она имеет один недостаток — и она проходит. . .

Виктория Ивановна. Старость? К вам это никак не относится.

Сабурова. Относится, милая, относится. Я ведь уже бабушка. Ну, знаете ли, чай божественный. . . Сразу сбросил с моих плеч те лишние годы, о которых я говорила. Благодарю вас! *(Поднимается.)* Однако пора! *(Взглянув в окно.)* Вы посмотрите, какая туча! Быть дождю! *(Садовникову.)* Чтобы к следующему моему визиту вы были ин бэстер орднунг! В полном порядке! *(Простившись, направляется к выходу, провожаемая Викторией Ивановной.)*

Виктория Ивановна *(вернувшись из передней)*. Царь-баба! Интересно, каково быть мужем такой выдающейся женщины? Правда, что они познакомились на войне?

Садовников. Да. Она была главным хирургом армии.

Виктория Ивановна. Говорят, она в нем души не чаёт. . . А он всего-навсего ветеринарный врач в зоопарке. . . лечит там каких-то попугайчиков и бегемотов. Чудеса! . . *(Вспомнив про письмо, достала его из кармана фартука, желая, видимо, что-то спросить у Садовникова. Но раздумала и спрятала обратно. Взглянула на стакан с лекарством.)* Мартын, ты забыл выпить лекарство.

Садовников. Сейчас, сейчас. . .

Виктория Ивановна. Не забудь. *(Гасит люст-*

ру, оставляя включенной только настольную лампу.) Пойду займусь ужином. (Выходит.)

Садовников включил транзисторный приемник. Тихая музыка странного ритма и звучания. За окном сверкнула молния, слышится шум дождя.

Садовников (*один*). Виктория! Может быть, отворить окно? Что-то мне душно... Виктория!

Но Виктория Ивановна, видимо, не слышит. Садовников берет мензурку с лекарством. Понюхал, поморщился. Выплеснул лекарство в вазу с цветами. Взял бутылку французского ликера, оставленного женой, налил полную мензурку, выпил с удовольствием. Откинулся в кресле, закрыл глаза. Вплетаясь в музыку, все отчетливей и отчетливей начинает звучать хрупкая, как стекло, музыкальная фраза детского калейдоскопа. И вновь побежали, сплетаясь, возникая и исчезая, яркие, причудливые узоры... Балконная дверь тихо отворяется. Порыв ветра вздувает занавеску. В полуосвещенной комнате возникает человеческая фигура. Это Рошин.

Вы отворили дверь?.. Спасибо. (*Глубоко вдыхает свежий воздух.*)

Рошин. Мне показалось, что вы меня звали.

Садовников. Звал?.. Да, пожалуй...

Рошин. И что за глупая идея — болеть из-за пустяков. Неприятности проходят, а рубцы на сердце остаются... Люди сплошь и рядом переживают, как шекспировскую трагедию, сущую чепуху! Кому-то, видите ли, не удалось одолеть еще одну ступеньку служебной лестницы... Другого обошли наградой... поставили последним в некоем почетном списке... не выбрали в президиум... (*Поглядев на Садовникова.*) Еще куда-нибудь... Вот вы тогда сказали, что я до чрезвычайности непрактичен. А ведь непрактичны-то вы... Да, да! Удивительно непрактичны!

Садовников. Почему же?

Рошин. А давайте-ка подсчитаем. (*Берет со стола блокнот и карандаш, дает Садовникову.*) Вы прожили лет... лет...

Садовников. Тридцать восемь.

Рошин. Сколько это получается часов?

Садовников. Погодите, погодите... (*Подсчитав в блокноте.*) Примерно триста шестьдесят тысяч часов.

Рошин. Ну, лет до двадцати вы росли, учились в школе, в институте. Это возраст надежд и ожида-

ний. Так что будем говорить о последних двадцати годах.

Садовников. Двадцать лет — примерно сто семьдесят тысяч часов.

Рощин. Третью из них вы проспали. В прямом, физическом смысле этого слова. Вычитите!

Садовников. В остатке сто двадцать тысяч часов.

Рощин. Половина этого времени ушла у вас на работу. Шестьдесят тысяч часов... В вашем возрасте — это время величайшего духовного подъема. Выражаясь возвышенно — время плодов и открытий. (*Испытующе поглядывая на Садовникова.*) Это так и было?

Садовников. Сначала — да. А вот в последние годы стало как-то не хватать сил для самого главного. Все больше обязанностей... должностей...

Рощин. Еще бы... Ничто не забирает столько времени, как организация собственных успехов. Зато вы преуспели гораздо больше, чем ваши товарищи. Заместитель директора института. Без пяти минут членкор академии.

Садовников (*с горечью*). Да, да!.. Но живу-то я теперь за счет накопленного прежде... на иждивении своей молодости, юношеского жара. А остановиться в науке — значит отстать... Ну что ж... У нас осталось там еще шестьдесят тысяч часов. Давайте продолжим. Человек — это не только духовная субстанция. Значит, часть времени неизбежно уходит на житейские потребности. Должны же мы мыться, бриться, переодеваться, есть...

Рощин. Болеть, наконец. Ездить в метро, автобусе, ходить пешком... Поезд, самолет... На все это уходит еще пятьдесят процентов оставшегося в вашу пользу времени.

Садовников. У меня в остатке еще тридцать тысяч часов.

Рощин. Добрую половину этого времени мы тратим на разговоры по телефону, транжирим на заседания, совещания, на заполнение анкет.

Садовников. Ну, на это у меня уходит значительно больше времени...

Рощин. Вот теперь и подытожим итог. В вашем личном распоряжении остается всего пятнадцать тысяч часов. Это, так сказать, ваш личный капитал.

Садовников (*удивленный результатом подсчета*).

Это же всего четыре процента моей жизни... Неужели? Как ничтожно мало!

Рощин. Да, сушая мелочь. Но зато она принадлежит только вам. Как же вы распорядились этой малой, но такой драгоценной дозой вашего пребывания на земле? Вы даже не заметили, как ваши усилия все больше и больше направлялись на продвижение по той самой «служебной лестнице»... лестнице, ведущей в пустоту... в никуда... Вы встречались с «нужными» людьми... «Нужными», как вам казалось... Вы сидели вот за этим столом, пили с ними за дружбу... Но признайтесь честно, часто они были вам неинтересны, даже несимпатичны?

Садовников. Да, да, порой скучны и неприятны. . Мной руководил машинный расчет, алгоритм преуспевания... Я стал всего лишь рядовой величиной в этом алгоритме.

Рощин (*придвигаясь ближе и понижая голос*). Скажу вам больше — если вы позволите... Вы никогда настоящему не любили вашу жену.

Садовников (*пораженный*). Я?! Но я никому не говорил об этом. Никому! Откуда вы знаете?

Рощин (*улыбнувшись*). Такая профессия... Поэт всегда должен знать о людях чуточку больше, чем они сами знают о себе. Вам импонировала ее победительная внешность, ее практический ум, ее талантливая деловитость. И вы не заметили, как все больше подчинялись этой талантливой деловитости. И стали соучастником преступления...

Садовников. Преступления?

Рощин. Да. Преступления против самого себя. Вы принесли свой талант в жертву так называемой карьере, этому языческому богу нашего века. Боже мой, как вы суетились, мельтешились, обворовывали себя!..

Глухо, как будто бы издали, начинают звучать удары, отсчитывающие уходящие секунды. Удары становятся все громче и громче. Садовников в изнеможении откидывается в кресле, закрывает глаза. В удары часов начинает вплетаться музыка механических машинных ритмов — как будто за стеной работают сотни коленчатых валов, зубчатых передач, гидравлических прессов... Ее угнетающий ритм убыстряется, становится невыносимым. Свет меркнет, зато по стенам начинают бежать световые пятна — не то отражение фар автомобилей, не то лихорадочное мелькание светящихся окон проносящегося мимо поезда.

Садовников (*открывает глаза*). Александр Михайлович, вы знаете...

Но в комнате никого нет.

Ушел... Опять ушел...

Появляется Виктория.

Виктория Ивановна. С кем это ты разговариваешь?

Садовников. Только что заходил Рошин. наш сосед.

Виктория Ивановна (*растерянно*). Как это — заходил?

Садовников. Как обычно — через балконную дверь.

Виктория Ивановна. Не может быть. (*Подходит к балкону, дергает дверную ручку.*) Погляди, дверь заперта. Ты, наверное, просто вздремнул...

Садовников (*озадаченно*). Да нет же... (*Тревожно и настойчиво.*) Я прошу тебя, сходи, позови его сюда.

Виктория Ивановна (*с напряженной улыбкой*). Почему так срочно?

Садовников. Мне необходимо его видеть.

Виктория Ивановна. На улице такой ливень...

Садовников. Но я прошу тебя. (*Видя, что она не двигается.*) Я очень прошу.

Виктория Ивановна (*решившись*). Мартын... Я вынуждена тебе сказать... Впрочем, все равно ты узнаешь... Рошин заболел. Его отправили в ваш институт. Еще вчера.

Садовников. Не может быть...

Виктория Ивановна. Мне сказала Сабурова.

Садовников. Что с ним? Только не лги!

Виктория Ивановна (*поколебавшись*). Что-то очень серьезное. С головой.

Садовников. Какая беда... Я ведь еще давно предупреждал его — нельзя шутить с этими головными болями... Почему же я не настоял... не потребовал, чтобы он пришел в институт!...

Виктория Ивановна. Успокойся, Сабурова сказала мне, что завтра будет его оперировать.

Садовников. Сабурова? Завтра?
Виктория Ивановна. Да, да. Сама Сабурова.
Напряженная пауза.

Садовников. Ну, что с ужином?
Виктория Ивановна. Минут через двадцать
буду тебя кормить. *(Идет на кухню.)*

Садовников встает с кресла, быстро надевает пиджак, башмаки, берет
плащ, шляпу и выходит.

З а н а в е с

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ

Фрагмент институтского коридора: белая стена, белые стулья, белая дверь, ведущая в кабинет Сабуровой. У двери — Стелла Рощина.
Появляется Тимур Кочергин.

Тимур. *(делая жест рукой)*. Привет!

Стелла. Удивляюсь, как это вам удалось найти меня здесь?

Тимур. С помощью телепатии.

Стелла. Ходите за мной, как гончая по следу.

Тимур. Просто логика ваших поступков не так уж сложна, ее предугадать нетрудно.

Стелла. Сейчас придет академик Сабурова. Она предупредила, что может уделить мне считанные минуты.

Тимур. Издательство торопит. Мне срочно нужен архив Рощина.

Стелла *(пожав плечами)*. Я просто потрясена... Рощин в таком состоянии, а у вас хватает смелости... или цинизма... говорить о подобных вещах. *(Щелкнув зажигалкой и закуривая сигарету)*. Знаете, в Бомбее есть «башня молчания». Огнепоклонники хоронят там своих мертвецов. И очень странным способом. Покойника кладут на башню, и начинает звонить колокол. На этот звон слетаются черные грифы, и через несколько минут от мертвеца остаются только кости... Грифы привыкли к ударам колокола, как к сигналу пиршества.

Тимур. К чему эта жутковатая история?

Стелла. Просто так. Вспомнилась почему-то...

Тимур. Не понимаю, зачем мы теряем время! В конце концов, вы ведь тоже заинтересованы. Вы же пони-

маете, как прозвучит эта книга сейчас, когда Рошин в центре общественного внимания?

Стелла. Я все прекрасно понимаю, Тимур Петрович. Какой все-таки парадокс... Неужели человеку надо очутиться на рубеже жизни и смерти, так сказать, на ничейной земле, чтобы определилась его истинная ценность?

Тимур. Будет преступлением против Рошина, если мы с вами упустим такой момент.

Стелла. И все-таки ни к чему эта поспешность. Рукописи пока останутся у меня.

Тимур. Но почему?

Стелла. Мое право распоряжаться ими. Они дороги мне.

Тимур. Дороги? И вы боитесь их продешевить... Теперь вам нужно более крупное имя, чем Тимур Кочергин. Вы хотите продать их подороже. Но падо же иметь совесть...

Стелла. И кто говорит о совести? Вы! Да вы бы предпочли, чтобы Рошин сейчас ушел в тот мир, который принято называть лучшим. Да, да! Живой Рошин может вас подвести — его литературные акции всегда были подвержены колебаниям на котировочной бирже. А умри он сейчас, в момент успеха, и слава его сразу станет стабильной. И вы долго сможете быть иждивенцем его славы.

Тимур (*с холодной яростью*). Интересно, из какой телепрограммы вы заимствовали эти мысли? Вы же привыкли произносить только чужие тексты.

Стелла (*задохнувшись*). Вы... как черный гриф, прилетевший на погребальный колокол!..

Тимур (*взбешенный*). Вы лучше поглядите на себя! Вам совершенно безразличны его стихи, как безразличен он сам. Вам нравилось в его поэзии только одно — то, что она нравилась другим. Всю жизнь вам не давал покоя дьявол... нет, мелкий бес тщеславия... Тщеславие заставляло мириться вас даже с материальными трудностями. Вам нужна была вывеска — «жена Рошина».

Стелла (*вскочив*). Негодяй!

Появляется Сабурова. Она в белом накрахмаленном халате, выглядящем элегантно на ее стройной, все еще молодой фигуре. Даже седая прядь ее строгой прически выглядит как эффектная деталь ее привлекательного образа.

Здравствуйте, Анна Степановна... (*Мгновенно и разительно меняется — на лице появляется печать страдания, на глаза наворачиваются слезы.*)

Заметив эту мгновенную трансформацию выражения лица Стеллы, Тимур сардонически усмехается за спиной Сабуровой.

Сабурова (*Стелле*). Здравствуйте. Проходите, пожалуйста.

Свет на авансцене гаснет.

Кабинет Сабуровой. Большой строгий письменный стол без лишних предметов: без чернильного прибора, без украшений. На пустой полированной поверхности стола только цветок в хрустальной вазе, несколько телефонных аппаратов — в том числе аппарат для внутринститутской связи. На стенах портреты Павлова, Пирогова, Бурденко и дипломы иностранных академий.

Стелла (*со сдержанным драматизмом*). Я знаю, Анна Степановна, что сегодня операция. И я пришла просить вас... Вы, вы должны оперировать моего мужа... Только вы!

Сабурова. Зря беспокоитесь. Мне уже звонили. С той же просьбой. И это уже решено. (*Нажимает кнопку переговорного устройства.*)

Голос в микрофоне. Слушаю.

Сабурова. Илья Григорьевич? Доложите, как идет подготовка к операции больного Рощина?

Голос в микрофоне. Сейчас, Анна Степановна.

Стелла (*стараясь выглядеть страдающей*). Анна Степановна! Я умоляю вас сделать все от вас зависящее! Если вы захотите, вы можете все... любое чудо!

Сабурова (*с плохо скрытым раздражением*). Чудеса — прерогатива факиров и жуликов. Что ж, по-вашему, я могу в одном случае постараться на семьдесят процентов, в другом на восемьдесят... а иногда и на все сто? Я не Саваоф, но если я делаю, то делаю все, что могу!

Входит Садовников.

Садовников. Извините, Анна Степановна...

Сабурова (*не веря своим глазам*). Батюшки-светы!.. Мартын Николаевич!.. Какой катаклизм заставил вас подняться с постели? Кто разрешил? Садитесь, садитесь...

Голос в микрофоне. Анна Степановна! Уже начали работать анестезиологи.

Сабурова (*в микрофон*). Скажете, когда мне приходить. (*Стелле*.) Вот такие дела... Видите — я должна готовиться к операции.

Стелла. Понимаю, понимаю... (*Поднимается, чтобы идти*.)

Сабурова. Ну, успокойтесь же, милая, успокойтесь... (*Провожая ее до двери*.) Простите меня... Но у нас, хирургов, тоже есть эти штуки, которые называются нервами. Рефлекторные дуги и прочее...

Стелла уходит.

Мало нервничаешь с больными, так черт послал на нашу голову еще родственников! (*Поморщилась*.) Нескладно получилось... Плохо я с ней разговаривала. Не годится!

Садовников. Анна Степановна... а я как раз по поводу Рощина. Ознакомился с результатами исследований. Случай очень сложный.

Сабурова. Да. И, к сожалению, запущенный. Но успокойтесь, Мартын Николаевич, я дала согласие самостоятельно оперировать больного.

В дверях возникает Полуянов.

Полуянов. Анна Степановна, из издательства прислали гранки вашей статьи.

Сабурова. Спасибо. (*Прячет гранки в стол*.) И вот что... Не откажите в любезности, напомните секретарше, чтобы взяла из библиотеки иностранные журналы.

Полуянов. О'кэй! (*Садовникову*.) Рад, Мартын Николаевич, столь быстрому вашему выздоровлению. (*Исчезает*.)

Садовников (*продолжая разговор*). Я очень волнуюсь, что в случае с Рощиным...

Сабурова (*перебивая*). А волноваться вам противопоказано. О Рощине мы сами позаботимся. Отправляйтесь-ка домой! Марш, марш! — в постель! С чего вы так переполошились?

Садовников (*чуть помедлив*). Операция сложнейшая, ювелирная, требующая микрометрической точности... идеально тренированных пальцев.

Сабурова (*с внезапным подозрением*). Ну и почему вы мне об этом говорите?

Садовников. По себе замечать стал, что теряешь, когда оперируешь нерегулярно...

Сабурова. Ах, вот вы куда. Интересно! Что ж, продолжайте, продолжайте!

Садовников. Вы знаете, как высоко я ценю ваш большой талант, ваш творческий аналитический ум, Анна Степановна.

Сабурова (*резко*). Оставим эти формулы для дипломатических приемов. Итак...

Садовников. Поверьте, это не дипломатия... Ваш огромный опыт...

Сабурова (*перебивая*). Опыт — это ум дураков. Что предлагаете? Что?

Садовников. Анна Степановна... А правильно ли... не ошибка ли это... что вы будете оперировать Рощина?

Сабурова. Вот те раз! Стало быть, Сабуровой отказаться от операции, которая в учебниках хирургии называется «операцией Сабуровой»? Так, что ли? А?

Садовников (*расстроен*). Черт подери! Не к месту разговор... Но потом-то может оказаться поздно.

Сабурова. Ну, ну! Извольте отвечать!

Тихо, как всегда, входит Полужанов. Почувствовав, что идет резкий разговор, на высоких нотах, он незаметно отступает за дверь, не торопясь, впрочем, уйти.

Садовников. Конечно, методика вашей операции разработана вами и принесла вам заслуженную славу. Но, Анна Степановна, вспомните — часто ли вы делали эту операцию за последние годы? Ваша слава стала отнимать у вас чересчур много времени. Всяческое предствительство... разумеется, на высоком уровне... Парадная шумиха, административная суета...

Сабурова. Но если бы не эта, как вы выражаетесь, административная суета... если бы не мои, извините меня, большие чины, мы не смогли бы создать условия для большой хирургии. Наш институт не имел бы ни транзисторно-диагностических систем, ни многого другого. Да, мне приходится делить себя. Вернее — разрывать. Быть может, я кое-что теряю при этом. Но я не теряю! Нет! Я жертвую! Чувствуете разницу?

Садовников. Я-то чувствую. Но больным от этого не легче. *(В волнении ходит по кабинету.)*

Стук в дверь. Входит Полуянов.

Полуянов. Анна Степановна, я принес вам статьи из библиотеки.

Сабурова. Какие статьи? Ах!.. *(Раздосадованно.)* Так я же не просила вас ходить в библиотеку, а только напомнить секретарю.

Полуянов. Извините... *(Уходит.)*

Садовников *(подождав, пока выйдет Полуянов, подходит к Сабуровой)*. Анна Степановна... А разве не честней сказать правду, чем шушукаться за вашей спиной? Я говорю это как ваш ученик... как друг! Как коммунист... Прежде чем стать к операционному столу, спросите у себя: тот ли я человек, который может сделать эту операцию — классическую «операцию Сабуровой» — лучше всех? Спросите об этом у своей совести. И пусть она будет вашим главным судьей... и единственным свидетелем.

Сабурова *(после паузы)*. Кто же, по-вашему, этот... самый лучший?

Садовников. Если бы мне пришлось лечь на операционный стол, я предпочел бы, чтобы меня оперировал Борис Иванович.

Сабурова. Борис Иванович?! Борис Иванович...

Садовников. Его имя нигде не упоминают — ни в отчетах, ни в докладах, ни в статьях. И большому начальству его никогда не показывают. Хотя эти операции он делает лучше нас всех...

Сабурова *(саркастически)*. Лучше всех? У меня такое ощущение, что присутствую на собственных похоронах. Да разве не я создала вашего Бориса Ивановича... натаскала его, с позволения сказать?

Садовников. Да, вы его выучили. Чтобы использовать ровно в тех параметрах, в каких вам удобно. *(Спохватившись.)* Извините за неуклюжую резкость.

Сабурова. Ничего... Валийте, валийте!

Садовников. Но есть простая мудрость: «Учитель, воспитай ученика, чтобы было у кого потом учиться». В этом движение жизни.

Сабурова *(встала, прошла. Оценивающе поглядела на Садовникова)*. А вы оказались смелым, коллега.

Очень смелым! Изволили прочесть над моим, так сказать, прахом пламенный монолог... то есть, скорее, некролог.

Вновь оживает телефонное переговорное устройство.

Голос в микрофоне. Анна Степановна, минут через пятнадцать можете идти.

Сабурова *(в микрофон)*. Хорошо. *(Садовникову, тихо.)* Извините, мне надо готовиться к операции больного Рощина. *(Направляется в соседнюю комнату.)*

Садовников *(делает движение ей вслед)*. Анна Степановна!

Но Сабурова, не поворачиваясь, выходит.

Свет гаснет.

Сабурова медленно идет по высвеченной авансцене. Она уже переоделась — на ней белые брюки, ослепительно белый халат, накрахмаленная шапочка, высокая и торжественная, как кардинальская митра. Она входит в предоперационную.

Занавес

КАРТИНА ПЯТАЯ

Предоперационная. Справа — большое, в половину стены, окно в операционную. Сквозь его матовую толщину видны лишь движения нечетких фигур в белых халатах.

Слева — стол, на нем телевизор, микрофоны.

В предоперационной несколько врачей. Среди них — Илья Григорьевич. При появлении Сабуровой разговоры умолкают, врачи выжидательно смотрят на своего шефа.

Сабурова. Как идет подготовка, Илья Григорьевич?

Илья Григорьевич. Анестезиологи доложили — у них все в порядке. Через десять — пятнадцать минут все будет готово. Сейчас доктор Калинин вам сообщит. *(В микрофон.)* Доктор Калинин! Анна Степановна просит доложить о готовности.

Входит Калининко.

Калининко. У анестезиологов все в порядке. Дан вводный наркоз, сделана интубация. Температура тела больного снижена до тридцати градусов. Аппаратура работает нормально.

Сабурова. Показатели гемодинамики? Дыхание?

Калининко. Все хорошо. Минут через десять вы можете начинать мыться.

Несмотря на то, что Сабурова говорит привычным суховато-императивным тоном, как бы лишенным эмоциональной окраски, и столь же привычно выслушивает доклады своих помощников и ассистентов, чувствуется, что где-то глубоко ее неотвязно преследует какая-то мучительная мысль. Калининко выходит.

Сабурова. Благодарю. *(Илье Григорьевичу.)* Мне нужен Борис Иванович. Вы его не видели?

Илья Григорьевич. Сейчас мы его вызовем
(*В микрофон.*) Борис Иванович? Срочно в операционную.
Сабурова. Кто мне сегодня ассистирует?
Илья Григорьевич. Я и доктор Калининко.
Сабурова. Отлично.

Входит Борис Иванович. Это средних лет человек ordinarily, непримечательной внешности, с внимательными, ясными глазами.

Борис Иванович. Добрый день, Анна Степановна. Слушаю вас.

Сабурова (*с интересом присматриваясь к Борису Ивановичу, будто оценивая его заново*). Здравствуйте, Борис Иванович. Вы... с сегодняшним случаем знакомы?

Борис Иванович. Конечно, знаком.

Сабурова. Всё знаете? Результаты исследований?

Борис Иванович. Основные исследования проводил я сам.

Сабурова. А план и тактику операции хорошо себе представляете?

Борис Иванович. Ну еще бы... Операция Сабуровой!

Сабурова. Вот что, Борис Иванович. Переодевайтесь, пожалуйста. И побыстрей.

Борис Иванович (*с некоторым удивлением*). Слушаюсь. Три минуты. (*Выходит.*)

Илья Григорьевич (*несколько обиженно*). А мне что же... стало быть, не готовиться?

Сабурова. Ну почему же, голубчик... Вы мне тоже понадобится.

Все выходят.

(*Шагает по комнате. Остановилась.*) Как он изволил выразиться? «Парадная шумиха...» И это мне в благодарность за все... Разве не принадлежит институту каждая минута моей жизни? Каждое мгновение? Нет, все-таки наглость! Форменная наглость! Руки, видите ли, не те! Дурачье... черт бы вас побрал! (*Пауза.*) Стоп!... Спокойно! Совершенно спокойно... Ты заведешь клинику. Ты обязана делать все самое трудное... самое опасное... как тогда, на фронте. Ты обязана!... Пока не почувствуешь, что кто-то делает это лучше тебя. «Воспитаю ученика, чтобы было у кого потом учиться»... А может, в этом действительно мудрость жизни, ее продолжение?

Совесть... единственный свидетель... Руки, руки... (*Закрывает глаза, делает движения пальцами, пытается, видимо, воспроизвести какой-то трудный момент операции.*) Ах, глупости! Конечно, глупости! Искусство хирурга не исчезает так просто! Я им сейчас покажу, на что способны эти руки! Я им докажу!

Возвращается Борис Иванович. Он уже в операционном белье. Вы представляете себе подводные камни, на которые мы можем сегодня натолкнуться?

Борис Иванович (*пораазмыслив мгновение*). Ду-маю, что да.

Сабурова. Помните, надо очень точно отделиться от артерии без всякой ее травматизации.

Борис Иванович. Помню. (*Улыбнувшись застенчиво и ясно.*) Но вы сделаете все безукоризненно... лэ-гэ-а-рти-с...

Сабурова. Идите мыться. Когда все будет готово, сообщите мне.

Борис Иванович. Есть. (*Уходит.*)

Сабурова включает телевизор и смотрит на его экран, нервно постукивая пальцем по поверхности столка.

Голос Бориса Ивановича в динамике. Все готово. (*Пауза.*) Анна Степановна, почему же вы не идете? Все готово.

Сабурова. Сейчас, сейчас... (*Встает, подходит к окну операционной, стоит некоторое время в раздумье. Потом, резко повернувшись, подходит к телевизору. Произносит в микрофон.*) Борис Иванович!.. Начинайте оперировать. С богом... Не ждите меня.

Голос Бориса Ивановича (*в нем звучит удивление*). Вы не придете?

Сабурова. Нет. Я буду здесь, у телевизора.

Голос Бориса Ивановича. Слушаюсь. Начинаю.

В предоперационной гаснет свет. И одновременно ярко вспыхивают лампы за окном в операционной. Светится экран телевизора. Сабурова напряженно смотрит на экран. Опускает голову на руки и как бы окаменеет в этой позе. Можно подумать, что она плачет.

Занавес

КАРТИНА ШЕСТАЯ

Прошло время. Квартира Садовниковых. Стол раздвинут, накрыт белой скатертью. Все приготовлено к празднеству — с изобилием и вкусом. Высятся бутылки и графины, расставлены яства, в вазах стоят цветы. Виктория Ивановна колдует над столом, перекладывая карточки с фамилиями гостей от прибора к прибору — как бы раскладывая некий многозначительный пасьянс.

Входит Садовников.

Садовников *(на пороге)*. Какое пиршество! Фламандский натюрморт! Снейдерс! *(Голодными глазами оглядывает стол.)*

Виктория Ивановна. Я же обещала — отметим годовщину нашей свадьбы по высшему классу! *(Озабоченно.)* Думаю Сабурову с мужем посадить вот здесь, в центре. По правую руку — профессора Буторина из министерства. Сабуровой это будет приятно. *(Перекладывает карточки.)* Академика Изборского посадим слева. . . *(Заметив, что Садовников утащил кусочек ветчины и отправил в рот.)* Мартын, что ты делаешь? Разрушишь композицию!

Садовников. Зверски хочу есть! . .

Виктория Ивановна. Потерпи немножко. Гости должны прийти с минуты на минуту.

Садовников. Принцип современной живописи — свободная композиция! *(Отправляет в рот второй кусок.)*

Звонок. Виктория Ивановна направляется к двери.

(С полным ртом.) Это не в передней. Это телефон.

Виктория Ивановна *(снимая трубку телефона)*. Да! Виктор Андреевич! Ждем вас! Что вы говорите? Какая досада. А вы закутайте горло шарфом. Хотите, Мартын возьмет такси и заедет за вами? Жаль, жаль. . .

Ну, выздоравливайте. *(Кладет трубку.)* У Худякова ангина. С температурой. Не приедет. *(Берет от прибора две карточки, разрывает.)* Вот досада! Надо было позвать Зацепиных!

Садовников. Скорей бы приходили. Жрать хочется — страсть!

Виктория Ивановна. Хочешь вчерашнюю котлету? Возьми в холодильнике.

Садовников. Нет, уж лучше подожду.

Звонок. Виктория Ивановна бросается к телефону.

Нет, это в передней. *(Идет открывать, возвращается с бумажкой в руке.)* Шофер привез записку от Изборского. Академика срочно вызвали на совещание.

Виктория Ивановна. Какое еще совещание может быть в такой поздний час? Странно... *(Разрывает еще две карточки.)*

Садовников *(многозначительно)*. Есть многое на свете, друг Горацио, что непонятно нашим мудрецам... *(Подходит к проигрывателю, ставит пластинку.)*

Звучит знакомая, немного меланхолическая мелодия из фильма «Мужчина и женщина». Вырубается свет. Мелодия продолжает звучать в темноте. И снова свет. Сдержанный драматизм ситуации подчеркивается мизансценой: Виктория Ивановна и Садовников сидят в противоположных концах празднично накрытого стола, выглядящего нелепо при полном отсутствии гостей.

Виктория Ивановна. Странно... Странно все это...

Садовников. Странно, что даже Чуриков не явился, с его любовью задаром выпить и пожрать.

Виктория Ивановна. Позвоню-ка еще раз Сабуровой. *(Набирает номер.)* Можно Анну Степановну? На даче? А когда будет? Как это — завтра? *(Кладет трубку, ошеломленно.)* Мне показалось, это был ее голос.

Садовников. Вполне допускаю.

Виктория Ивановна *(огорченно)*. Не могли же все сразу заболеть, выехать на дачу, на совещание... Как по команде!

Садовников. Могли, Виктория, могли... *(Подходит к столу, собрал все карточки и зажег спичку, собираясь их поджечь.)*

Виктория Ивановна (*дунув на спичку*). С ума сошел! Что это значит?

Садовников. А это значит, что никто сегодня не придет... ни одна собака... гори они ясным огнем! И остались мы с тобой вдвоем... как Афанасий Иванович и Пульхерия Ивановна. (*Пододошел и обнял жену за плечи.*)

Виктория Ивановна. Но почему?

Садовников. Потому что никто не хочет ссориться с Сабуровой.

Виктория Ивановна. Да объясни же наконец!

Садовников. Кого ты позвала, Виктория? «Нужных» людей... Одним словом «нужников», а не друзей. Тех, кто связан с Сабуровой.

Виктория Ивановна. Ну и что же?

Садовников. А у меня с Сабуровой не так давно был крупный разговор. (*Усмехнувшись.*) Весьма крупный... Так сказать, артиллерийская дуэль. И как это люди исхитряются обо всем мгновенно прознать? Воистину — у нас есть секретная часть, но нет секретов. То-то я замечаю в последнее время какую-то странную трансформацию! Хожу по институту, будто в каком-то вакууме... как по пустому коридору.

Виктория Ивановна (*ахнув*). Ты рассорился с Сабуровой?

Садовников. Вдребезги.

Виктория Ивановна. Ты... ты разрушил то, что мы... что я налаживала для тебя с таким трудом?! Это же низость!

Садовников. Низость?! Ну нет! Как раз наоборот. Это единственный достойный поступок, который я совершил за последние годы. Хотя бы потому, что Рощина оперировал Борис Иванович. А Сабурова назначила для себя три операционных дня в неделю... священных!

Настойчивый звонок междугородной.

Виктория Ивановна (*снимая трубку*). Слушаю. (*Протягивает трубку Садовникову.*) Тебя. Мончегорск.

Садовников (*в трубку*). Да. Что? Когда? Когда это случилось? Какая беда... Что? (*Слушает.*) Да, да... Спасибо, что позвонили. (*Кладет трубку.*) Глупость какая — спасибо за такой звонок... (*Сел.*)

Виктория Ивановна. Что случилось?

Садовников. Иван Кузьмич тяжело заболел.

Виктория Ивановна. Какой Иван Кузьмич?

Садовников. Ну, Снегирев. Из Мончегорска.

Виктория Ивановна. Ах... этот твой знакомый... Что с ним?

Садовников. Инфаркт задней стенки. Простить не могу себе, что не поехал к нему тогда... из-за этого дурацкого телевидения.

Виктория Ивановна (*подходит к мужу, нежно гладит его волосы*). Мартын. Ну, прошу тебя — возьми себя в руки. Ты опять свалишься. Ну что же делать... Ты ничем не можешь ему помочь... Ничем..

Молчание.

Никто из нас не застрахован. (*Начинает мерить шагами комнату, механически повторяя.*) Какое несчастье... Какое несчастье...

Но чувствуется, что мысли ее заняты чем-то другим.

(*После паузы снова подходит к мужу.*) Извини, Мартын... Когда Сабуровой вручают Золотой скальпель на заседании Хирургического общества?

Садовников (*не оборачиваясь*). Послезавтра.

Виктория Ивановна. И ты ведь должен делать вступительный доклад? Это не отменено?

Садовников. Как будто не отменено.

Виктория Ивановна. Так вот... Это единственный шанс восстановить твои отношения с Сабуровой. И вообще — поправить дело.

Садовников. Виктория!.. Как ты можешь говорить об этом... сейчас...

Виктория Ивановна. Потом будет поздно. Перед тобой закроются все двери. Ты должен сейчас же поехать к Анне Степановне. Сейчас же!

Садовников. Должен? Почему «должен»? Что я — предмет? Твоя собственность? (*Взрываясь.*) Ты заправила меня в какую-то чудовищную, отлично смазанную машину, как перфорированную ленту! И эта машина тащит меня, тащит... Я живу по твоей подсказке!.. Дружу по твоей подсказке!.. Люблю по твоей подсказ-

ке!.. А вот Снегирев не побоялся бы испортить отношения с начальством! Он пришел бы. Конечно, он бы не мог поддержать разговор за столом с нашими... с твоими гостями — о сюрреализме, о Кафке, о театре абсурда... И ничем не мог быть мне полезным. Полезным... Какое гнусное слово!

Виктория Ивановна (*изумленно*). Ты что на меня кричишь? Чего ты от меня хочешь?

Садовников. Очень немногого. Жить иначе. Хотя бы так, как жили мы с тобой, когда только что поженились. Или как жил я тогда, в заурядной больнице, где мы работали со Снегиревым... И имущества у меня было, как говорится, — крест да пуговица...

Виктория Ивановна. Да ты просто рехнулся! Реки текут вспять только во время землетрясений.

Садовников. Насколько я жил тогда лучше, чище. Сейчас мы с тобой вычеркнули из нашего словаря, как устаревшее, слово «идеал». Но ведь во имя идеала наши отцы шли на каторгу, отдавали жизни за революцию, умирали в полях под Москвой. А теперь это слово кажется некоторым смешным, старомодным. Но оно существует. Должно существовать, черт возьми!

Виктория Ивановна. Да опомнись, Мартын! Я же хочу тебе добра. Я принесла тебе в жертву всю себя... свою судьбу, свою карьеру. Да, да, карьеру! Я давно могла быть представителем нашего главка за границей... Мне несколько раз предлагали... Лондон, Стокгольм... С моей энергией, знаниями, головой... А я отказываюсь, чтобы быть рядом с тобой... быть тебе полезной. (*Иронически.*) Извини за гнусное слово!

Садовников (*грустно*). Дорогая моя... К сожалению, есть благодеяния обременительные. Они как ядро на ноге каторжника.

Виктория Ивановна. Все, что ты говоришь, — это лирика... рефлексии под влиянием минуты. Для того чтобы добиться чего-то в науке, надо занять крупное положение, ключевые позиции... если хочешь — иметь власть... чтобы люди зависели от тебя, а не ты от людей. Ничего не поделаешь, это реальность. Ты едешь к Сабуровой? Да или нет?

Садовников. Нет! Нет! Нет!

Виктория Ивановна. Тогда к ней поеду я! (*Набрасывает плащ, направляется к двери.*)

Садовников *(бросаясь к ней)*. Виктория! Ты не сделаешь этого! Я прошу тебя!..

Но Виктория Ивановна уходит. Садовников один. Он снял галстук, повесил его на спинку стула, расстегнул верхнюю пуговицу рубашки. Прошелся по комнате. Подошел к телефону и, заглянув в телефонную книжку, набрал номер.

Справочная Аэрофлота? Как я могу добраться до города Мончегорска? Только через Мурманск? Так, так... Извините, а более раннего рейса нет? Спасибо.

Входит Сабурова.

Сабурова. Что это у вас, Мартын Николаевич, дверь не заперта? *(Оглядевшись, с удивлением.)* А где же гости? *(Поглядела на часы.)*

Садовников *(поднимаясь со стула и поспешно застегивая верхнюю пуговицу рубашки)*. Не пришли, Анна Степановна.

Сабурова. Поди ж ты... Что так?

Садовников *(криво усмехнувшись)*. Да видимо, прознали о вашем августейшем гневе по моему адресу.

Сабурова *(еще не совсем справившись с чувством удивления)*. Ага-а. Стало быть, испугались, как бы не испортить со мной отношения... Какой это римский император сказал: «Пусть ненавидят, лишь бы боялись»?

Садовников. Кажется, Калигула. Разрешите? *(Помогает Сабуровой снять пальто.)*

Сабурова. Где же хозяйка?

Садовников *(с неохотой)*. Вышла на минуту. *(Приглашая к столу.)* Прошу, Анна Степановна. Что вам положить? Может, рыбки?

Сабурова. Пожалуй. И себе, себе кладите.

Садовников. Нет, нет, я рыбы не ем. *(Сообразив.)* Да, Анна Степановна! Давно собирался преподнести вам. *(Достает знакомые коробочку и удилице.)*

Сабурова *(приоткрыла коробочку)*. Это что за штуковина?

Садовников. Спиннинг. Отличнейшего качества.

Сабурова. Я же не занимаюсь рыбной ловлей.

Садовников. Зато ваш супруг этим увлекается. Рыбная ловля — чудесное хобби!

Сабурова. А по-моему, на редкость глупое занятие — часами таращить глаза на поплавок. Такое же идиотское, как игра в лото. *(Возвращает ему спиннинг.)*

Садовников (с неожиданным раздражением). Гораздо более идиотское! За все время, что я угрохал на рыбную ловлю, мне удалось установить только одну истину — рыба ищет где глубже, а человек ищет, где рыба.

Звонок в прихожей. Садовников идет отворять и возвращается в сопровождении пожилого человека в форменной фуражке, с сумкой через плечо.

Человек с сумкой. Вы будете Садовников? Вам телеграмма.

Садовников (читает телеграмму). «Приехать не могу. Сабурова». (Смотрит на Сабурову.)

Сабурова. Моя. (Усмехнувшись.) Непоследовательность — это привилегия женщин. (Пожала плечами.) Подумала, подумала — и решила: зайду-ка хоть на полчаса. Пусть считают, что в институте у нас мир и согласие.

Человек с сумкой (шагнув вперед и положив квитанцию на край стола). Распишитесь. И проставьте время.

Садовников (расписываясь). Время? Двадцатый век. (Поглядев на Сабурову.) Век здравого смысла. И трезвого расчета. (Вручает квитанцию человеку с сумкой.)

Человек с сумкой (идет к двери). До свидания.

Садовников (ему вслед). Одну секундочку! Извините... вы случайно не рыболов?

Человек с сумкой. Само собой... (Удивившись.) А как это вы определили?

Садовников (обрадованно). Рыбак рыбака видит издалека. (Поспешно берет спиннинг и сует в руки ошеломленного посетителя.)

Человек с сумкой. Знатный спиннинг. Ничего не возразишь... На такой не то что шелеппера, но и голавля взять можно.

Садовников. Вот и берите! Владейте!

Человек с сумкой (покачивая головой). Небось дорогонько встанет. Сколько я вам обязан?

Садовников. Да что вы? Это я вам обязан! И как еще обязан! Мне эта штука совершенно ни к чему. От нее одни неприятности. Только моль заводится. Пользуйтесь на здоровье! Ловите!

Человек с сумкой. Всю жизнь мечтал такой иметь... *(Подумав.)* Нет... Как-то неудобно... Бесплатно не могу.

Садовников. Уверю вас — вы меня просто выручите. Ну, пожалуйста!.. Я вас очень прошу! *(Сует ему в сумку спиннинг, а в руки леску и удище.)* Ну, вот и слава богу... Большущее вам спасибо! *(Трясет ему руку, провожает к двери.)*

Человек с сумкой *(задержавшись на пороге)*. Ну, коли вы с меня деньги брать отказываетесь — я вас рыбой завалю!

Садовников *(испуганно)*. Рыбой?! Только не надо рыбы! *(Выходит его провожать.)*

Сабурова одна. С интересом она перебирает карточки приглашенных, которые так и не успел сжечь Садовников. Возвращается Садовников.

Сабурова. А дело-то не в том, что они меня испугались. Нет! Уж если играть в правду, как это нынче в моде, — просто эти люди осудили вас. Ведь никто не пришел. Никто! Ни одна живая душа! Признаться — я просто не ожидала... Эти пустые стулья и есть оценка вашего поступка. Да, да!

Садовников *(беря карточки с фамилиями гостей и развернув их веером, как при игре в карты)*. Хорошо. Давайте играть в правду. Для этих людей, Анна Степановна, не тот прав, кто прав, а тот прав, кто сильнее. Случись с вами что — думаете, они придут к вам... эти друзья? Вы уверены?

Сабурова. Уверены в своей правоте только дураки и ангелы. *(Небрежно.)* «Что дружба? Легкий пыл похмелья, обиды легкий разговор...»

Садовников. «.Обман тщеславия, безделья, иль покровительства позор...»

Сабурова *(помрачнев)*. Да-а... Тяжеленько вам будет работать у нас в институте... Очень трудно! Боюсь — даже невозможно... *(Поднимается.)*

Садовников. Так, может, мне заявление подать... об уходе?

Сабурова. Дело ваше... Подумайте!.. Где мой плащ?

Снова звонок в прихожей.

Садовников. Это Виктория Ивановна. (*Выходит. Возвращается в сопровождении Бориса Ивановича, легонько подталкивая его.*) Нет, нет, Борис Иванович... На этот раз не удастся вам улепетнуть!

Борис Иванович. Я только на минутку... (*Увидев Сабурову.*) Здравствуйте, Анна Степановна! (*Садовникову.*) Некстати я пришел. Врезался, как оглобля в чужой тарантас! Но персонал нашего отделения... врачи, сестры, нянечки... просили меня поздравить вас с датой, так сказать, вашего семейного закрепощения. И вручить вашей супруге цветы (*передает букет*), а вам небольшой коллективный презент. (*Неловко сует в руки Садовникова коробку.*)

Садовников. Сердечно тронут. (*Заподозрив недоброе.*) Это, извините, что же?

Борис Иванович (*торжествующе*). Спиннинг! Вы же у нас прославленный рыболов!

Сабурова отворачивается, подавляя смех.

Садовников (*очень серьезно*). Передайте всем — я очень тронут... Спасибо, что вспомнили. (*Насильно усаживает его за стол.*) Нет, нет, никуда я вас не отпущу! Что прикажете налить? Коньячку? Водочки?

Сабурова. За здоровье юбиляров.

Выпивают.

Садовников. А чем закусим?

Борис Иванович (*мнется*). Понимаете... эдакий парадокс... все, что находится на этом прекрасном столе, мне, извините, категорически противопоказано.

Садовников. Как так?

Борис Иванович (*виновато*). Язва.

Садовников. У вас — язва?

Борис Иванович. Коллеги настаивают на операции. Да все никак не соберусь. Самые отвратительные пациенты — врачи.

Садовников. Верно. (*Задумчиво вертя пустую рюмку.*) Мне только что звонили... Тяжело заболел мой друг. Нет, не знаменитость. Он оперировал на сердце... в условиях провинциальной больницы... в Мончегорске. И не было времени заняться собой. И вот — инфаркт...

Борис Иванович. Оно и понятно. Для того чтобы быть хирургом, надо иметь сердце буйвола.

Садовников (*спохватившись*). Что вы наделали? Зачем коньяк выдули? А язва?

Борис Иванович. А черт с ней!

Садовников. Немедленно закусите!

Борис Иванович. Разве что манной кашей. И то на воде. Не беда! Хирург должен быть тощим. Тощим и выносливым! (*Потерев висок.*) Что-то сразу в голову ударило... Отвык...

Сабурова. Вот и надо обязательно подкрепиться. (*Поискав глазами по столу.*) Заливной судак. Это вам можно. (*Кладет ему на тарелку.*)

Борис Иванович (*наполнив всем рюмки, к Садовникову*). Желаю вам еще сто лет прожить в столь же идеальном согласии с вашей супругой!

Садовников. Эх, Борис Иванович... Не хватает вам здоровой доли скепсиса, чтобы быть защищенным от жизни.

Борис Иванович. А зачем от нее защищаться?

Сабурова (*усмехнувшись*). Должно быть, Мартын Николаевич полагает, что вы недостаточно... так сказать, вознаграждены жизнью.

Борис Иванович (*ощувтив некоторую напряженность ситуации*). Недостаточно вознагражден? Почему?

Сабурова (*внимательно поглядев на него*). А вот, если совершенно откровенно... Чего бы вы хотели от жизни? Что вам приносит... как бы это выразиться? Ну, если не бояться возвышенных слов, — самое большое счастье?

Борис Иванович. Самое большое счастье? (*На мгновение задумался, улыбнулся своим мыслям*). Вот сегодня, на обходе, гляжу — у больного Рощина исчезла бумажка с температурной кривой. И знаете, где обнаружил? У него под подушкой. С обеих сторон исписана новыми стихами... Ну, мы ему работать пока не разрешаем... Ругаю его ругательно, а сам чувствую — мой рот растягивается в эдакую счастливую улыбку. Ведь если вдуматься — удалось сохранить не только, так сказать, его биологическую жизнь, но его интеллект, неповторимость его индивидуальности, его таланта. Вот это и есть самое большое счастье... Да, мы, врачи, знаем ту радость, которую, наверно, не дано испытать людям других профессий, — радость победы над смертью... Это счастье может пережить только врач. (*Снова улыбнул-*

ся.) Можете вообразить, успел на меня даже эпиграмму накатать. *(Вынимает из кармана коробочку.)* На коробочке из-под снотворного... Вот послушайте. *(Читает.)* «Всем известный доктор Боря...» *(Осекся, смущенно глянув на Сабурову.)* Извините, Анна Степановна, это не совсем для женского уха. *(Передает коробочку Садовникову.)*

Садовников прочел, рассмеялся.

(Прячет эпиграмму обратно в карман. Неожиданно поднявшись, торжественно.) Разрешите мне произнести тост! *(Наливает всем коньяк.)* За ваше здоровье, Анна Степановна!

Сабурова *(несколько удивленно)*. С чего это вдруг?

Борис Иванович. Я сейчас немножко выпил. Каюсь, я всегда думал, что вашему сердцу приятна только лесть, которая вас окружает. Нет, я не виню вас! И умные люди подвержены этой слабости. Как бы ни была груба лесть, в ней по крайней мере половина кажется правдой. И представлялось мне, что вы в вашем величии забронированы от горестей людских... Но вы... Нет, вы не такая! Сегодня вы почувствовали, что с Мартыном Николаевичем надо быть рядом... Среди всех начальственных особ вы — единственная — почувствовали это... и пришли. Пришли, чтобы его поддержать...

Сабурова *(раздосадованно)*. Да уж и вправду — неисправимый идеалист!

Борис Иванович. Нет, нет, вы меня не обманете! Вы гораздо лучше, чем стараетесь казаться! Я вас теперь вдвойне уважаю за это движение вашего сердца! Пью за вас!

Сабурова *(отнимая у него рюмку)*. Хватит!

Борис Иванович *(обиженный)*. Почему так?

Сабурова. Язва.

Борис Иванович. В конце концов, язва-то не ваша, а моя! Что хочу, то с ней и делаю!

Сабурова *(оставив рюмку подальше, хмуро)*. Расшумелись, распировались... вроде кавказцев... с тостами. Хватит! А мне, пожалуй, домой пора. *(Поднимаясь, Садовникову.)* Пожалуйста, привет и поздравления Виктории Ивановне. *(Уходит.)*

Садовников идет ее провожать. Возвращается.

Садовников. А не закатиться ли нам, Борис Иванович, куда-нибудь, так сказать, мужской компанией?

Борис Иванович. В такой-то час? Небось все закрыто...

Садовников (*взглянув на часы*). И верно, поздновато. Хотя... есть такое местечко. (*Кладет в портфель мыльницу, сорочку, полотенце.*)

Борис Иванович. Уж не в баню ли мы собрались?

Садовников. Да нет... (*Запихивает в портфель мочалку.*) Просто небольшой джентльменский набор. Чтобы начать жизнь заново. (*Застегнув портфель.*) Здесь неподалеку, под Новоарбатским мостом, есть закусочная таксомоторного парка. Работает круглые сутки.

Борис Иванович. Увэр ля нюи — как говорят французы. Отлично!

Садовников. А основу, так сказать, мы с собой прихватим. (*Берет со стола недопитую бутылку, сует в карман.*) Поскольку шоферам горячительного не подают.

Оба направляются к выходу.

(*Возвращается и берет с письменного стола еще какой-то предмет.*)

Борис Иванович. А это еще что?

Садовников. Механическая бритва «Спутник». Друг холостяка. (*Видя недоумение Бориса Ивановича.*) А вдруг мне после третьей рюмки захочется побриться?

Уходят.

З а н а в е с

КАРТИНА СЕДЬМАЯ

Весенний сад. Будто фиолетово-спиртовым пламенем охвачены кусты сирени. На заднем плане видны каменные ступени входа в клинику. Ближе к авансцене — скамья, на которой любят отдыхать больные и врачи. К подъезду клиники деловитой походкой направляется крупная дама в белом халате и очках, неся влажные еще рентгеновские снимки в металлических рамах. Навстречу ей появляются Тимур и Виктория Ивановна.

Виктория Ивановна. Извините, доктор Корзухина... Вы не видели Садовникова?

Дама в очках. Мартына Николаевича? Он недавно вышел из операционной.

Виктория Ивановна. А может, он у Сабуровой?

Дама в очках (*приподняв очки и осуждающе поглядывая на Викторию Ивановну*). У Сабуровой?! Академик Сабурова никогда не бывает в институте по воскресеньям. По воскресеньям она всегда на даче. (*Привычно раздражаясь*.) Надо же человеку когда-нибудь отдохнуть!

Виктория Ивановна. Извините.

Охваченная благородным негодованием, дама в очках удаляется.

Тимур. Это просто алогично! Пойми, он... он должен искать тебя, а не ты его! И вообще не понимаю — что особенного произошло? Все его вещи дома...

Виктория Ивановна. Но нет бритвенного прибора.

Тимур. Ну и что же?

Виктория Ивановна. Если мужчина, уходя из дому, забирает бритвенный прибор и при этом не уезжает в командировку, значит, это серьезно.

Тимур. Тем лучше. Он никогда не приносил тебе счастья. Эту мелкую привилегию — приносить счастье — он всегда оставлял за тобой.

Виктория Ивановна. Но мне доставляло радость — быть ему нужной. Мне!

Тимур. Твой Мартын странный парень. Для меня ты всегда — еще со школьной скамьи — была эталоном женщины.

Виктория Ивановна. Плохой комплимент, Тимур. Мне кажется, мужчины предпочитают не эталон, а скорее отклонение от эталона. Пойдем поищем Мартына в административном корпусе.

Идут дальше. Из клиники появляется Сабурова. Она в снежно-белом халате. Останавливается и, полузакрыв глаза, подставляет лицо солнцу. Заметно, что она очень устала. Возвращается дама в очках. Заметив Сабурову, она застывает в крайнем изумлении, не веря своим глазам.

Сабурова (*смеясь*). Что вы на меня воззрились, будто я снежный человек... или летающая тарелка?

Дама в очках. А-а... сегодня какой день?

Сабурова. Воскресенье. А что?

Дама в очках. Д-а... нет... Я просто так... (*Уходит.*)

Прогуливаясь, Сабурова медленно идет навстречу показавшемуся вдали Рошину.

Сабурова (*поздоровавшись с Рошиным*). Как вы себя чувствуете, Александр Михайлович?

Рошин. Как счастливец, выигравший в вещевой лотерее — не пианино, не «Москвич», а целую планету.

Сабурова. А вы ее и выиграли.

Рошин. Превосходнейшая у вас профессия — дарить людям целые планеты.

Сабурова. Пожалуй... только если глядеть со стороны.

Рошин. Понимаю... Едва переступаешь порог больницы — сразу сталкиваешься с человеческим горем.

Сабурова. С этими глазами, в которых вопрос, страх, надежда. Эти глаза всегда с тобой... даже дома... даже во сне. Ну и ночь выдалась у меня сегодня! И отчаивалась, и ругалась, и совсем духом падала, проклинала себя... мой больной погибал... несколько раз поги-

бал на операционном столе! Все было — даже остановка сердца...

Рощин. Ну и как он теперь?

Сабурова. Слава богу — обошлось. Пока... А если бы случилось непоправимое? И сейчас, вот тут, голова разрывалась бы от страшного вопроса: что это было — неизбежность или твоя ошибка? (*Спохватившись.*) И какого лешего я о дурном в такой хороший день...

Рощин. А знаете, Анна Степановна, когда уже побываешь там (*махнув рукой*)... за погранзаставой жизни, а потом вернешься обратно, начинаешь невольно думать — как жил? Ведь каждый из нас ежедневно ведет внутреннюю борьбу... трудную — с незримым противником.

Сабурова. С незримым противником? С кем же?

Рощин. В любом из нас живет наш собственный двойник. Твой двойник — это себялюб, притаившийся в тебе... угодник, конъюнктурщик, карьерист, трус, трясущийся за собственное жизненное благополучие.

Сабурова. Да, да. Верно, верно...

Рощин. И маленький ринг, именуемый сердцем, — место самых жестоких схваток, где твой противник — ты сам...

Сабурова. Вам приходилось... проигрывать в этой битве?

Рощин. С кем не случалась минута слабости... Но преодоление самого себя и отличает человека от думающей электронной машины — даже самой умной. Как бы ни была совершенна кибернетическая система, ее никогда не посещают сомнения. Потому что совесть, мораль — понятия, которые нельзя запрограммировать... (*Заметив выходящую из клиники Калиненко.*) Уж не за мной ли?

Калиненко (*подойдя*). Анна Степановна, начинается консилиум. Вас ждут.

Сабурова уходит.

(*Рощину.*) Ваша прогулка затянулась.

Рощин. Сейчас, сейчас... Еще минутку!

Калиненко (*сидясь рядом*). Утром приходила ваша жена. Вы спали? Или притворялись?

Рощин. Притворялся.

Калиненко. Ай-яй-яй! Она так эффектна! Все вра-

чи и сёстры выбегают в коридор посмотреть на неё, когда она приходит.

Рощин (*грустно усмехнувшись*). Зачем нищему страннику такой пышный дворец?

Калиненко. Она просто немислимо красива!

Рощин. Деточка, милая... Что из того, что башмаки красивы, если они жмут? И кроме того — мне скоро пятьдесят.

Калиненко. Пятьдесят? Подумаешь, какая мелочь!

Рощин (*засмеялся*). Вы правы. Правы! Для настоящего мужчины норма — не пятьдесят (*жест пальцами, показывающими стопку*), а сто пятьдесят!

Калиненко рассмеялась. Что-то хотела сказать, но отвернулась, прищурилась.

Калиненко. А солнце какое! Такого уже сто лет не было! Или даже двести!

Рощин (*внимательно поглядев на нее*). Вы хотели сказать что-то другое... Что?

Калиненко. С чего вы взяли?

Рощин. Деточка... У вас все написано на лице, так сказать, открытым текстом. Ну, что у вас стряслось?

Калиненко. Пришла проститься... Уезжаю.

Рощин. Куда? Когда?

Калиненко. Кончилась моя стажировка. Возвращаюсь домой, в Самарканд. (*Взглянув на часы*.) Через полчаса за мной приедет институтский пикап, отвезет на аэродром.

Рощин. А Мартын Николаевич сказал, что вас оставили при институте.

Калиненко. Я отказалась. Решила ехать. Уже оформилась. Только никому об этом не говорите. Особенно... ему.

Рощин. Что ж это — бегство?

Калиненко. Да нет. Все правильно.

Рощин. Подумайте хорошенько.

Калиненко. В последнее время я только и делаю, что думаю об этом... (*Тихо, голосом, обесцвеченным от внутренней боли*.) Все не то... Все не так, как я хочу... И будет еще трудней и трудней... Уезжаю! Да, да, прения закрыты! Я хирург и не приспособлена заниматься терапией. Ничего не напишешь — издержки профессии...

Все! *(Спохватившись.)* И что это я вам все рассказываю? Как будто доктор не я, а вы. *(Улыбнулась.)* Тоже мне — доктор Айболит!.. *(Поднимаясь.)* Хватит! Марш в палату!

Рощин. Послушайте, у вас удивительное несовпадение содержания и формы. По внешности самая обыкновенная фея, а по характеру — необыкновенная ведьма!

Калиненко. Да, да, злая ведьма! Баба-яга! Немедленно в палату!

Рощин *(сделал несколько шагов, остановился)*. Посмотрите-ка, милая, есть еще на земле моя тень?

Калиненко. Конечно, есть.

Рощин. Забавная штука... Раньше я не обращал на мою тень никакого внимания. А теперь полюбил ее. Грустно будет с ней расстаться...

Калиненко *(беря его под руку)*. За приступ необоснованного пессимизма запрю-ка вас в палату... наедине с вашей тенью!

Рощин. Нет, нет, вы меня неправильно поняли! Это как раз оптимизм. Потому что уйду я. Только я. А тень моя останется на этой планете. Останется здесь, вместе с вами...

Оба направляются к клинике. Появляются Полуянов и Садовников.

Полуянов *(продолжая разговор)*. ...Вашу телеграмму из этого... как его...

Садовников. Из Мончегорска.

Полуянов. Да, из Мончегорска... принесли в Хирургическое общество буквально за несколько минут до заседания. Стали лихорадочно соображать — кем вас заменить? В общем, торжественная церемония вручения Золотого скальпеля была скомкана.

Садовников. Мне это крайне неприятно.

Полуянов. И как вы могли поступить так опрометчиво? При ее амбиции, самолюбии... Я никогда не видел Сабурову в таком гневе.

Садовников. Хотите сказать — в институте я не жилец? *(Вынимает лист бумаги, показывает Полуянову.)* А я уже написал реляцию на высочайшее имя. Пожалуйста, передайте ей.

Полуянов *(проглядев бумагу)*. «Прошу освободить меня от занимаемой должности...» А надо ли, Мар-

тын Николаевич, эдак... сгоряча? Хотя... если смотреть правде в глаза, у вас будут, конечно, невыносимые условия для работы... Я так огорчен, так огорчен!

Появляется Виктория Ивановна.

Виктория Ивановна. Здравствуй, Мартын.

Садовников. Здравствуй.

Полуянов (*галантно поклонившись*). Добрый день! (*Уходит.*)

Виктория Ивановна (*наигранно безмятежным тоном*). Куда же ты исчез третьего дня?

Садовников. Улетел в Мончегорск.

Виктория Ивановна. В Мончегорск? (*Соображив.*) Ага... Но ты приехал-то вчера?

Садовников. Ночевал в институте.

Виктория Ивановна. Почему?

Садовников молчит.

Может, я была резка... Ну, поссорились... Мало ли что бывает между мужем и женой!

Садовников (*грустно*). Мы с тобой как два бегуна. Бежим рядом. И разделяет нас только меловая черта на гаревой дорожке. Но бежим мы к разным целям. Всю жизнь...

Виктория Ивановна (*ласково проводит ладонью по его щеке*). Бритвенный прибор взял, а не побрился. И снялки под глазами... Спал небось на диванчике в дежурке?

Садовников. На диванчике. (*Осторожно снял ее руку.*)

Виктория Ивановна (*поспешно убирая руку*). Извини, что побеспокоила тебя здесь. Но мне надо срочно посоветоваться. У нас в торгпредстве в Дании неожиданно заболел сотрудник. Предлагают ехать мне. На два года. Как ты думаешь — принять это предложение?

Пауза. Напряженная выжидательная пауза.

Мне надо срочно дать ответ.

Садовников. Если тебе так будет лучше... что ж...

Виктория Ивановна. Раньше ты говорил — ни за что на свете!

Снова пауза.

(Неожиданно для нее самой слезы перехватывают ей горло. Пытаясь скрыть их, она произносит как ни в чем не бывало.) Так торопился сбежать из дому, что галстук надеть позабыл! Вот, захватила. (Достает из сумочки.) Неприлично же профессору ходить без галстука!

Садовников. Пожалуй... (Протягивает руку.)

Виктория Ивановна. Дай завяжу... как обычно. У тебя всегда получается криво.

Садовников. Не стоит... я потом надену. (Сует галстук в карман.)

Виктория Ивановна. Пришла вчера после работы домой. В пустую квартиру. И вдруг стало ясно — тебя нет. И утром я не услышу, как ты чертыхаешься... отчаиваешься, что у тебя опять сбежал кофе. И я поняла, что среди всех моих важнейших дел самое важное — помнить, чтобы утром у тебя была чистая сорочка... и был хорошо завязан галстук. (После паузы.) В общем, никуда я не могу уехать... Не могу, и все тут! (Поспешно, предупреждая ответ Садовникова.) Только ты сейчас ничего не говори. Мне от тебя ничего не надо... Ничего! (Поднимаясь.) Можешь идти. Однако ты не в силах отнять у меня права ждать. Ждать... Не бойся, это тебя ни к чему не обяжет. Ровно ни к чему... (Повернувшись, пошла прочь, возвращается.) Тебе тоже, наверно, нелёгко будет, Мартын. Семь лет... Их нельзя просто смахнуть... отодвинуть, как пустую тарелку после обеда...

Из здания института появляется Калининко. Она уже не в белом халате, а в синем летнем платье.

Калининко (не заметив Виктории Ивановны). Мартын Николаевич!..

Садовников. Извините, я занят... Извините!

Виктория Ивановна. Нет, нет, почему же. Ты свободен, Мартын. Совершенно свободен. (Калининко.) У вас найдется немного времени? Тогда прости, Мартын, оставь нас, пожалуйста! Всего на две минуты. Ну иди же, иди! Прошу тебя!

Поколебавшись, Садовников уходит.

(Калининко.) Садитесь, пожалуйста!

Калининко садится рядом с Викторией Ивановной.

(Вынула из сумочки письмо, которое она когда-то хотела показать Сабуровой.) Я хочу отдать вам это письмо. Оно имеет отношение к вам. *(Протягивает письмо.)*

К а л и н е н к о *(начинает читать и вдруг вспыхивает)*.
Какая гадость!

Виктория Ивановна. Тривиальная анонимка! Негодяи — писать о вас так унизительно!

К а л и н е н к о. Но тут ни слова правды!

Виктория Ивановна. Не волнуйтесь. Я не собираюсь сообщать в общественные организации... В товарищеский суд или в местком. Я презираю подметные письма. И потом... *(Приближаясь, доверительно.)* Даже если бы это оказалось правдой... Какое это имеет значение! Для Мартына все это не может быть серьезно. Я-то его знаю... *(Иронически прищурила глаза, не то в шутку, не то серьезно.)* Разве я похожа на женщину, которую бросают? *(Встала во весь рост; довольная произведенным впечатлением, поглядела на собеседницу — сверху вниз.)* До свидания! *(Уходит.)*

Калиненко одна. Она угнетена только что состоявшимся разговором. Пытается было перечитать анонимку, но в гневе комкает бумагу. Появляется дама в очках в сопровождении Полуянова.

Дама в очках *(продолжая разговор)*. Зачем же Сабуровой это понадобилось?

Полуянов. Понятия не имею. Случай был сложный. Консилиум единодушно пришел к выводу — на благополучный исход операции надежды не более десяти процентов. А ночью больному стало совсем плохо. И все-таки Анна Степановна решила оперировать.

Дама в очках. Да что вы говорите! Всего десять процентов? Это ужасно... Ведь, не дай бог, что случилось бы. Кто-кто, а Сабурова могла бы прожить, не подвергая себя такому риску.

Из клиники выходит С а б у р о в а.

Полуянов. Извините... *(Устремляется навстречу Сабуровой.)*

Дама в очках уходит.

Сабурова *(вынимая из кармана листок с заявлением Садовникова)*. Василий Федорович! Вы передали мне заявление Садовникова. А почему он не вручил заявление сам?

Полуянов. Видите ли, Анна Степановна, я могу строить предположения... основанные, впрочем, на фактах.

Сабурова. На каких фактах?

Полуянов *(мнется)*. Как-то неудобно... Все-таки коллега по работе...

Сабурова. Ничего, ничего, говорите.

Полуянов. Это заявление — одно из звеньев логической цепи его поступков. Вспомните его мнимую болезнь на телевидении!

Сабурова. Мнимую?

Полуянов. Да, да! Вот именно, мнимую! Это все знают, кроме вас. Ведь он уверен, что его не избрали в академию... словом, что это было инспирировано вами.

Сабурова. Какая ерунда!

Полуянов. А его внезапный отъезд в Мончегорск — еще одна акция саботажа.

Сабурова. Вы это точно знаете?

Полуянов. Абсолютно! Его отъезд направлен на подрыв вашего престижа! Это недопустимо! Вас должны окружать верные, надежные люди. Ваш будущий заместитель должен быть глубоко предан вам!

Сабурова. Предан без лести.

Полуянов. Вот именно.

Сабурова *(прячет заявление в карман, поворачивается, чтобы идти. Остановилась, обернулась)*. Кстати, «предан без лести» — этот девиз был написан на гербе у Аракчеева, одного из самых лживых царедворцев. *(Уходит.)*

Полуянов озадачен. Опомнившись, бросается ей вслед. Возвращается Садовников. Подходит к Калиненко.

Садовников *(вопросительно посмотрел на Калиненко)*. А где же...

Калиненко. ...ваша жена?

Садовников. Где же Виктория Ивановна?

Калиненко. Ушла.

Садовников. Ушла? Нескладно получилось... Нехорошо.

Калиненко. Не спорю, все очень плохо. Никогда в такое положение не попадала.

Садовников. У вас как раз все отлично. Вас оставили в институте. Я очень рад!

Калиненко. Да. Я везучая.

Садовников. Нет. Это мне повезло.

Калиненко. Вам?

Садовников. Первый раз вижу вас в этом платье. Оказывается, вам идет синий цвет.

Калиненко. Да.

Садовников. Знаете, Лина... возвращался вчера с аэродрома. Шел в главный корпус. Настроение — пре-скверное... И вдруг ощутил... где-то очень глубоко... какую-то безотчетную радость. И тут же понял — сейчас увижу вас... *(Бережно взял ее за руки, заглянул в глаза.)* Я целых три дня не видел вас!..

Калиненко *(освобождая руки, с горечью)*. Что-нибудь изменилось? И всего за три дня?

Садовников *(удивленно)*. Вам неприятно? Вы сердитесь?

Калиненко, не в силах что-либо сказать, утвердительно кивает головой.

Почему?

Калиненко. Это я по-болгарски... Делаю вот так *(снова утвердительно кивает головой)*, а думаю вот так... *(Отрицательно качает головой.)*

Садовников рассмеялся. Где-то неподалеку сигналил автомобиль.

Садовников. И какой дурак гудит возле самой клиники?

Калиненко. Это наш пикап. Пора... *(Не в силах сдвинуться с места, сжала пальцами виски.)* Ай-яй-яй!.. И глупцы утверждают, что самое невыносимое — это зубная боль!

Садовников. Почему зубная боль?

Калиненко. Верно. Зубная боль тут ни при чем. *(Вынимает из сумочки детский калейдоскоп.)* Это вам. На память.

Садовников. С чего это вдруг?

Калиненко. А мне уже не помогает. *(Поворачивает картонный цилиндр.)* Слышите? Будто стеклышки звенят.

Снова возникает знакомая хрупкая мелодия стеклянного перезвона. Но на этот раз она звучит в минорной тональности. Калиненко отдает калейдоскоп Садовникову.

Садовников. Лиана, что с вами? Вы сегодня какая-то странная! Что происходит?

Калиненко. А ничего особенного. Просто день сегодня солнечный. И красивый. Давайте его запомним! Постоим минуточку... Вот так...

Стоят молча. Опять сигнал автомобиля.

Господи, какой у меня на душе ералаш!.. Какой-то грибной дождь! То солнышко, то дождик... *(Глядит ему прямо в глаза.)* Запомним этот день вот таким... Пока его не омрачила ложь... разочарование... Пока его не коснулось предательство... или человеческая злоба... Пусть он останется самым большим богатством... Таким я буду его помнить... *(Произнося эти слова, она отступает, делает несколько шагов назад. Потом повернулась, неожиданно быстро уходит.)*

Садовников остается в недоумении. Затем, будто что-то заподозрив, быстро устремляется вслед Калиненко. Навстречу из клиники выходит
Сабурова.

Сабурова. Мартын Николаевич! Куда вы так топаетесь? Погодите. Вы тут какую-то бумажку накатали. *(Достает из кармана заявление Садовникова.)*

Садовников. Да. Написал.

Сабурова. Так, так... Стало быть, рескрипт об отречении. Небось и место уже подыскали?

Садовников. В институте Склифосовского.

Сабурова. И твердо решили?

Садовников. Мне надоело организовывать свои успехи. Я хочу их заработать.

Сабурова. Как будто это у нас в институте невозможно. Многое от нас самих зависит.

Садовников *(пожав плечами)*. Вы же сами намекнули, чтобы я подал заявление об уходе.

Сабурова. Мало ли на что я намекнула. Важно, что я при этом думала. *(Искоса глянув на него.)* Не хотите — дело ваше. Я уже начертала на вашем заявлении резолюцию. *(Протягивает бумагу Садовникову.)*

Садовников *(читает)*. «Скатертью дорога. Сабурова». *(Усмехнулся.)* Не ахти как парламентарно, зато абсолютно ясно. Спасибо и на этом.

Сабурова. Да, да, скатертью дорога! Катитесь-ка на все четыре стороны! Вместе с вашим заявлением!

Садовников. Извольте! *(Резко поворачивается, чтобы идти.)*

Сабурова. Так куда же вы? Нет, постойте!

Садовников *(пожав плечами)*. Вы только что сказали...

Сабурова. Мало ли что я сказала. Важно, что я имела в виду! Можете вы, наконец, сесть?

Оба садятся на скамью. Молчание.

Значит, решили бросить свою работу незавершенной... Но разве ваш труд принадлежит только вам, а не всему институту... вашим коллегам? Да, да, характер у меня не из лучших, сама знаю. Но разве не вложила я в вас кусочек своего сердца, своего разума? И о чем вы только думали, когда писали это... с позволения сказать, заявление? Где была ваша совесть? Ваш главный судья, единственный свидетель... так вы изволили недавно выразиться? *(Помолчав.)* Мы не имеем права щадить себя. Не имеем права! Таков уж закон нашей профессии... *(Поднимаясь.)* Не умирай, пока живешь! — говорили галлы. *(Шагнула к авансцене. Как бы заново проникая в смысл этой истины.)* Не умирай, пока живешь!..

Занавес

Чрезвычайный поиск

ДРАМА

Посвящается памяти замечательных женщин революции — Александры Коллонтай, Инессы Арманд, Ларисы Рейснер, Конкордии Самойловой и многих других, чьи удивительные судьбы вдохновили нас на создание этой драматической повести.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Кольцова Елена Николаевна — дипломат.

Седых Андрей Петрович — командир сводного отряда моряков.

Чумаков Иван Никитич	}	работники советского посольства.
Гончаренко		

Свенсон Кристина — сотрудница советского посольства.

Король.

Борг — видный сановник министерства иностранных дел.

Министр соседней страны.

Юлиус Хельмер — банкир, промышленник.

Графиня Рунге — его сестра.

Солдат с пустым рукавом.

Солдат на костылях.

Парень в поддевке.

Монах.

Начальник станции.

Диспетчер.

Портной.

Папаша Гунар.

Придворный.

Первый корреспондент.

Второй корреспондент.

Корреспондентка.

Где-то вдали, на заднем плане, высвечиваются красные черепичные крыши большого города и шпили с жестяными петушками. Столица одной из стран Северной Европы. Хотя в последующих ремарках мы будем описывать места действия, однако это отнюдь не предполагает натуралистичности декораций. Напротив, мы представляем себе фрагментарный принцип для наибольшей динамичности перемен. Итак, фрагмент декорации: по-видимому, это кабинет ученого. На сцене двое: Хельмер — лысеющий средних лет господин — и высокий худощавый старик в домашнем халате, по-видимому хозяин этого кабинета. Несмотря на возраст, он резок в движениях, стремителен, непоседлив.

Человек в халате. Хорошо! Две монеты Октавиана Августа. Целых две монеты за одну вашу сиракузскую драхму! Так и быть — отдаю!

Хельмер. У меня уже есть монеты Октавиана Августа.

Человек в халате. В таком случае бог с вами, отдаю вам за вашу несчастную драхму украшение моей коллекции — монету Древнего Хорезма. Подлинный дирхем шаха Мухаммеда!

Хельмер. Побойтесь бога! Предлагать мне какой-то медяк за настоящую золотую сиракузскую драхму с изображением нимфы Арефузы!

Человек в халате (*кипяťсь*). Я всегда подозревал, господин Хельмер, что вы ни черта не понимаете в шедеврах! Медяк! Да вы только посмотрите! Видите, по краям остались следы позолоты? И арабская надпись... Шах золотил простые медяки и чеканил на них: «Под страхом смерти принимать как золотой!»

Хельмер. Знаю. В нумизматике это называется принудительный курс. (*Возвращая монету.*) Ну ладно, уговорили. Отдаю вам драхму в обмен на сребреник русского князя Владимира.

Человек в халате. Сребреник князя Владимира? Нет, его-то я вам как раз и не отдам.

Хельмер. Почему?

Человек в халате. Потому что это единственный уникальный экземпляр. Посмотрите, какая культура чеканки! Теперь, я надеюсь, вы понимаете, что Древняя Русь была страной с самостоятельным денежным обращением?

Хельмер. Поздравляю вас! Оказывается, вы исповедуете марксистские взгляды.

Человек в халате. Я — марксист? Ну, знаете ли!.. Утверждать, что я марксист, — в моем положении это было бы более чем экстравагантно!

Дверь неслышно отворяется, и на пороге появляется человек в расшитом позументами придворном мундире. За ним — камердинер.

Придворный (*склонившись в церемонном поклоне*). Ваше величество... Осмелюсь напомнить...

Человек в халате — это король — досадливо отмахивается.

Господин советник Борг ожидает в приемной.

Король. Ах да! Ну что ж... Придется перепрыгнуть через несколько тысячелетий и вернуться в наш суетный тысяча девятьсот тридцатый год. (*Сбрасывает халат.*)

Камердинер подхватывает его и с поклоном подаст королю пиджак. Простите.

Придворный и камердинер уходят.

Видите, господин Хельмер, никогда не дадут заняться делом!

Хельмер. Я всегда говорил, если бы не та неприятность, что вы король, из вас мог бы получиться вполне приличный ученый...

Король. Ну как, отдадите драхму? Нет? (*Вспылив.*) Послушайте, господин Хельмер! Как вам не стыдно! Вы богаче меня во много раз и скаредничаете из-за какой-то паршивой старой монеты!

Хельмер. Что ж подделаешь, если старые монеты с каждым годом растут в цене, а новые деньги с каждым днем становятся все дешевле и дешевле. И вообще неизвестно, что будет с нами завтра.

Входит Борг. Склоняется перед королем в почтительном поклоне.

Борг. Ваше величество, русские назначили к нам нового посла.

Король. Кто же этот новый посол?

Борг. Некая госпожа Кольцова.

Король. Госпожа?!

Борг. Вы не ослышались, ваше величество. Мадам Кольцова.

Король. Женщина — посол? Это впервые в истории! А нельзя ли намекнуть большевикам, чтобы они осуществили этот острый эксперимент в какой-нибудь другой стране?

Борг. Она была уже русским послом в Мексике, ваше величество.

Король. Что вы можете о ней сообщить?

Борг (*вынув из портфеля объемистое dossier*). Еще в ранней молодости она вынуждена была покинуть Россию, где скомпрометировала себя антиправительственной деятельностью, направленной к свержению законного монарха.

Король. Хм...

Борг. В эмиграции она сблизилась с крайними экстремистскими кругами международного коммунистического движения — Карлом Либкнехтом, Розой Люксембург, Кларой Цеткин. Вместе с лидером русских революционеров, господином Лениным, она призывала солдат поднять оружие против своих правительств.

Король. Да... Этой биографии нельзя отказать в последовательности.

Борг. Наше общественное мнение, ваше величество, настроено крайне враждебно к назначению советского посла. (*Протягивает королю пачку газет.*)

Король (*просматривая заголовки газет*). «Елена Кольцова является поборницей национализации женщин»... «Она курит трубку и пьет водку прямо из самовара»... Что ж, довольно оригинально! Особенно для дипломата...

Борг. А вот что пишет господин Срезневский. (*Протягивает газету.*)

Король. Кто это?

Борг. Осмелюсь напомнить вашему величеству — тот самый советник русского посольства, который сбегал и попросил у нас политического убежища.

Король (*читает*). «Красная террористка Кольцова

приехала делать революцию». Ну, это несерьезно... Уверяю вас, господа, наша страна еще не созрела для революции.

Борг. Но большевики, по-видимому, думают иначе, ваше величество. Революция — это профессия госпожи Кольцовой. Во время русской катастрофы семнадцатого года громовые речи Елены Кольцовой были чрезвычайно популярны среди взбунтовавшейся толпы. Особенно среди солдат и матросов. Корреспонденты иностранных газет называли ее «Валькирия революции».

Король. Вот как!..

Борг (*вздыхнув, отложил бумаги*). Именно в те дни мы с отцом были разорены. Мой отец был представителем телефонного концерна в Санкт-Петербурге. Его, наверное, помнит господин Хельмер, поскольку концерн принадлежал господину Хельмеру?

Хельмер. Еще бы не помнить! Большевики реквизировали все инвестиции нашей фирмы. Мы потеряли тогда семь миллионов долларов!

Борг. Их реквизировало правительство, в которое входила госпожа Кольцова.

Король. Ну что ж, в таком случае господину Хельмеру будет особенно приятно встретиться с ней.

Хельмер. Джентльмена, с пистолетом в руках отнявшего у вас на улице часы и бумажник, вряд ли приглашают в дом на чашку кофе. Впрочем, если вашему величеству будет угодно...

Король. Логика истории часто не совпадает с логикой жизни. Нельзя забывать, что Россия является прежде всего эвентуальным рынком для нашей страны. Что ж поделаешь, иногда и медяки приходится принимать как золотые. По принудительному курсу...

Затемнение

Полпредство Советского Союза. Кабинет полпреда. На сцене — вновь прибывший советник Чумаков и Елена Николаевна Кольцова. Это стройная, красивая женщина с вьющимися волосами, слегка начесанными на лоб. Строгое темное платье, почти юношеская фигура. Она что-то пишет. Входит Свенсон.

Свенсон. Елена Николаевна...

Кольцова. Познакомьтесь, пожалуйста, — наш но-

вый сотрудник, Чумаков Иван Никитич. Только что из Москвы. (*Представляет Свенсон Чумакову.*) Товарищ Свенсон.

Свенсон (*Чумакову*). Елена Николаевна с нетерпением ожидала вашего приезда. (*Показывает Кольцовой письмо, начертанное на меловой бумаге, читает.*) «Министерство иностранных дел извещает ее превосходительство госпожу Кольцову, что во вторник, в два часа пополудни, во дворце состоится церемония вручения верительных грамот его величеству...».

Кольцова. Ну что ж... Начало сделано. Как говорят в Мексике ковбой, одна подкова уже есть. Остается купить еще три подковы и лошадь.

Свенсон. Кстати о лошадях, Елена Николаевна. Согласно церемониалу, вам надлежит ехать во дворец его величества в золотой карете с шестеркой лошадей! (*Передав бумагу Кольцовой.*) Странно подумать, что вас будет принимать тот самый король...

Кольцова. ...который выслал меня когда-то отсюда? Что ж, его величеству виднее, как поступить со своим собственным указом.

Чумаков. Вас отсюда выслали? Когда?

Кольцова. Еще перед революцией. Я бежала из России, спасаясь от ареста. Но здесь меня упрятали в тюрьму, а потом изгнали навечно.

Свенсон (*невозмутимо*). Без права когда-либо ступить на эту землю.

Кольцова. Кристина, а что, его величество все еще продолжает играть в теннис?

Свенсон. Его величество сейчас усиленно тренируется перед соревнованием в Уинблдоне. Как всегда, его величество будет выступать под псевдонимом «мистер Икс».

Кольцова. Между прочим, он ведь еще великолепно вышивает гладью.

Чумаков. Вышивает гладью? Вот это лихо! И это несмотря на то, что его предком был такой воинственный маршал? Помнится, он изменил своему императору, чтобы стать здесь королем?

Свенсон. Да. И таким образом положил начало новой династии. Но теперь у нас правит не столько потомок маршала, сколько потомок менялы, Господин Юлиус Хельмер.

Кольцова. Хельмер — один из крупнейших финансистов Европы...

Свенсон. У нас его называют некоронованным королем.

Кольцова. Кстати, Кристина, будьте любезны, каждое утро вместе с газетами кладите мне на стол коти-ровочные бюллетени нью-йоркской и лондонской бирж. Надо знать, как стоят акции банка Хельмера.

Свенсон *(делая пометку в блокноте)*. Акции банка Хельмера... Котировочные бюллетени будут на вашем столе к девяти часам утра. *(Сдержанно поклонившись, выходит.)*

Чумаков *(ей вслед)*. Этот айсберг когда-нибудь оттаивает?

Кольцова. Айсберг? Ведь это именно она когда-то прятала меня здесь от полиции, рискуя собой... Для этого и впрямь надо было иметь хладнокровие айсберга.

Чумаков. Извините... Я не знал.

Кольцова *(подходит к Чумакову)*. Иван Никитич, а галстук таким морским узлом не завязывают.

Чумаков. Да вот в Москве велели нацепить этот... собачий ошейник. И шляпу по ордеру выдали... *(Демонстрирует ненавистную шляпу, свернутую в трубку.)*

Кольцова *(подавив вот-вот готовый брызнуть смех, берет у него шляпу, кладет на стол, поправляет ему галстук)*. Эдак только швартовы крепят на кронштадтских пирсах! И не сверкайте так яростно глазами! Вам придется много улыбаться здешним господам.

Чумаков. Улыбаться я предоставляю вам.

Кольцова *(завязывая Чумакову галстук)*. В восемнадцатом году Ленин вел переговоры с представителем Франции де Люберсаком. Поднимите-ка повыше подбородок! И помню, рассказывал: «Мы, говорит, жали друг другу руки и улыбались, отлично зная, что каждый с удовольствием повесил бы своего собеседника». *(Затянув галстук так, что глаза Чумакова полезли на лоб, весело заключает.)* А костюмчик фирмы «Московшвей» придется сменить. *(Ощупывая плечи пиджака.)* Вату, пожалуй, употребим для компрессов. Сегодня же пришлю вам недорогого портного. Значит, так: фрак для вечерних приемов, визитка для утренних и смокинг для коктейлей. Да! И еще цилиндр...

Чумаков *(в ужасе)*. Цилиндр?!

Кольцова. Без цилиндра вы тут будете как без головы! Ничего не поделаешь — историческая необходимость! Это вам не Кузнецкстрой. Кстати, как там дела, в Кузнецке?

Чумаков. Как дела? Пшено три раза в день, мороз пятьдесят градусов. Лошади не выдерживают —дохнут. Машин не хватает. И все-таки домна скоро даст первую плавку. А я буду торчать здесь. *(Взрывается.)* Когда меня в Москве вызвали в ЦК, я ушам своим не поверил! Вы, дескать, кончили Комкадемию, знаете французский язык. Но французский я изучал для того, чтобы читать в подлинниках речи Марата и Робеспьера! И свою книгу о Марате я забросил, чтобы строить Кузнецк, а не прохлаждаться здесь!

Кольцова. Прохлаждаться? Конечно, у нас здесь курорт, теплые ванны для нервных... Северная Венеция. *(Жестко.)* Да знаете ли вы, что тут мороз похлеще, чем пятьдесят градусов? Лютый холод вражды! Нас бойкотируют... А машины для вашего Кузнецка мы должны получить именно здесь, у наших врагов. У господина Хельмера, который ненавидит нас святой ненавистью крестоносца! И нам нужны кредиты вот так! *(Проводит рукой по горлу.)*

Чумаков. Кредиты... Революцию надо делать. Мировую революцию! Тогда не нужны будут кредиты.

Кольцова. Услышал бы Владимир Ильич... Ох и дал бы он вам!

Чумаков. Это за что?

Кольцова. За псевдореволюционную болтовню. Вот за что.

Чумаков. Болтовня — это компромиссы с капиталистами.

Кольцова. Компромиссы, к сожалению, пока неизбежны. Пронести через все компромиссы верность революции, святой огонь — вот что важно. Вспомните, как Ленин готовил переговоры в Генуе и Гааге... В общем, Иван Никитич... давайте работать!

Чумаков. Елена Николаевна... Да какой же из меня дипломат?! Вы же помните ту историю... ну, в семнадцатом году. Ну, когда вы были народным комиссаром...

Кольцова. Конечно, помню. Так это же был пац с вами первый урок дипломатии!...

Свет гаснет. В луче прожектора остается Кольцова. Постепенно, как бы вызванный силой ее памяти, освещается кабинет бывшего царского сановника. Письменный стол с канделябрами, рояль. В центре комнаты — железная печка «буржуйка». Ее голенастая труба выведена в окно. Некоторое время Кольцова остается в костюме предшествующей картины.

Кольцова. Наш наркомат помещался тогда в здании бывшего царского министерства. Ворох моих бумаг лежал на позолоченном столе его превосходительства господина министра. И хотя за окнами стояла стужа... но это была весна революции, ее половодье... *(Уходит в затемнение.)*

Звучит мелодия первых лет революции. Слышится размеренный слитный шаг. Через сцену идет отряд балтийских моряков с винтовками за плечами, с гранатами за поясом. Доносятся далекие оружейные разрывы. На сцене вновь появляются Кольцова в шубке, накинутой на плечи, и Седых — красивый высокий моряк. На нем матросский бушлат и бескозырка с надписью «Крейсер «Революция»».

Седых *(прислушиваясь к залам)*. Наши заговорили... Слышите? Линейный корабль «Республика». Главные калибры. *(Подойдя к Кольцовой.)* Казаки генерала Краснова уже в Гатчине, в Царском Селе. Не сегодня-завтра ударят по Питеру. Положение аховое...

Доносится шум голосов. Дверь распахивается, на пороге появляется несколько человек: солдат, солдат с пустым рукавом, солдат на костылях; за ними входит краснорожий пареня в поддевке и холеный монах в черной рясе, высоком клобуке, с посохом.

Солдат с пустым рукавом. Куда же ты, комиссарша, смотришь? Посулила дом для раненых — а где он?!

Солдат на костылях. На дворе вон какая холодина — а куда увечному воину деться?

Солдат. Которую ночь на вокзалах спим, не разувшись...

Солдат с пустым рукавом. Кому мы такие на деревне нужны?

Кольцова. Товарищи! На вас солдатские шинели! Извольте соблюдать воинскую дисциплину!

Шум стихает.

Седых (*кричит в дверь*). Чумаков!

Вбегает молодой матрос, перепопсанный пулеметной лентой. Мы узнаем в нем Чумакова.

Навести морской порядок!

Чумаков. Есть навести порядок! Граждане, толкучку отставить! Революция требует сознания!

Кольцова (*солдатам*). Вы прекрасно знаете, мы обшарили весь Питер... Пока теплое помещение найти не удалось...

Чумаков (*парню в поддевке, которому удалось протиснуться вперед*). А ты, рыло, куда прешь? За дверь подождешь, не похудеешь.

Парень в поддевке. Я не рыло, я от сумасшедших.

Чумаков. От каких таких сумасшедших?

Парень в поддевке. От больницы для умалишенных... святого Николая Чудотворца... Выборный. Насчет продовольствия. Да ты не бойсь, я тихий...

Чумаков. Раз тихий — за дверью постоишь!

Парень в поддевке под напором Чумакова отступает за дверь. Монах проходит вперед.

И ты, кутья длиннополая, давай сыпь отсюда!

Монах (*величественно отстранив Чумакова, приближается к Кольцовой*). Госпожа красный комиссар! Я к вам с покорнейшим прошением от его преосвященства архиерея Паисия, настоятеля Александро-Невской лавры.

Седых (*иронически*). Неужто Советскую власть признать решили?

Монах (*уклончиво*). Сказано в Писании: «...нет власти еще не от бога». (*Кольцовой*.) На Обводном канале задержаны две баржи с дровами, посланные нам братьями из Валаамского монастыря.

Кольцова. Дрова реквизированы для больниц по моему распоряжению.

Монах. Сие противозаконно. Мы вынуждены жаловаться его святейшеству, вселенскому патриарху Анак-

сагору в Константинополь; Александро-Невская лавра — святых православия. Обитель на тысячу келий.

Кольцова. Как, неужели в лавре тысяча монахов?

Монах. Всего братьев осталось пятьдесят. Кто расстригся, кто поддался искушению...

Седых. ...а кто к генералу Краснову, в христолюбивое воинство.

Кольцова. Значит, пятьдесят монахов на всю лавру? Ай-ай-ай! Оскудела вера, оскудела! *(Пауза.)* Ну хорошо. Можете завтра получить одну баржу для вашей обители. *(Пишет.)*

Монах *(взял записку)*. Благодарствуйте. *(Сотворив крестное знамение, уходит.)*

Солдат с пустым рукавом. Отдать целую баржу с дровами долгогривым?! А в госпиталях раненые мерзнут!..

Солдат на костылях. Может, и революции не было?

Кольцова. Погодите! Товарищ Седых, можете вы дать нам десяток ваших моряков?

Седых. Зачем?

Кольцова. Сам господь бог ниспосылает нам благую идею — приспособить лавру под дом для инвалидов. А святой братии оставим пятьдесят келий...

Седых. И верно, чем не божье дело! Чумаков! Лётом в казармы второго флотского экипажа! Возьмешь человек десять ребят побойчее. Будешь за старшего.

Чумаков. Есть за старшего!

Солдат с пустым рукавом. А мы подсобим!

Кольцова. Товарищи, товарищи! Только чтобы все было в высшей степени деликатно! Чумаков! Помните — моряки отвечают за порядок.

Чумаков. Есть, чтобы было деликатно, товарищ народный комиссар! *(Уходит вместе с солдатами.)*

С улицы доносится марш моряков.

Седых. А вот и мои балтийцы... Ну, мне пора. До свидания, товарищ нарком. *(Козырнул, повернулся к выходу. Остановился, подошел к Кольцовой, взял за руку, посмотрел в глаза.)* До свидания, Елена Николаевна.

Кольцова. Желаю победы...

Затемнение

И вновь кабинет царского сановника. Вечер. Кольцова работает за письменным столом при свете настольной лампы. Внезапно слышится далекий набат, и за окном появляется танцующее пламя факелов. Можно разобрать гул голосов, выкриков. Кольцова тревожно оборачивается к окну. Вбегает Чумаков.

Чумаков. Ишь какую полундру заварили чертовы монахи!

Кольцова. Монахи?

Чумаков. Ну да! Взял я из второго экипажа десяток ребят порезвей. Ну, подошли мы к лавре. Деликатно. Строевым порядком. Даже с оркестром.

Кольцова. С каким еще оркестром?

Чумаков. С духовым, конечно. А долгогривые, как увидели матросов, заложили ворота бревном. И ну звонить в колокола! И стрелять с колокольни! Пулеметы у них оказались, у гадов!

Кольцова *(в отчаянии)*. Надо было отступить! Не доводить до конфликта!

Чумаков. Отступить? Товарищ Кольцова! Матросы еще никогда спины не показывали!

Кольцова. Ну и что потом?

Чумаков *(гордо)*. Полный порядок! Кинули, конечно, парочку гранат. Очень даже деликатно.

Кольцова. Что вы наделали!..

Чумаков. Как что? Взяли штурмом Александровскую лавру.

Кольцова *(показывая в окно)*. И по этому поводу крестный ход?

Чумаков. Так ведь несознательный народ на шум набежал.

Набат усиливается.

Видать, во всех церквях в колокола ударили. Чистый цирк! Пойду погляжу! *(Выходит.)*

Кольцова. Что же я скажу товарищу Ленину? *(Подходит к телефону, звонит.)* Смольный. Товарища Ленина.

Голос Ленина. Слушаю.

Кольцова. Владимир Ильич? Это Кольцова. Крайне неприятная история. . .

Голос Ленина. Неприятная история? Сия интеллигентская формулировка здесь совершенно некстати. Я уже обо всем осведомлен. Анархия, самоуправство, почти преступление!

Кольцова. Владимир Ильич, во всем виновата я...

Голос Ленина. Самочинство в таких вопросах хуже преступления! Понимаете ли вы, что натворили? Какой козырь вы даете буржуазной пропаганде? Вашему примеру могут последовать на местах. К политической борьбе прибавится религиозная, и заварится каша! Да вас расстрелять за это следует! *(В его голосе грохочут громы.)* Завтра же отправляйтесь к Бонч-Бруевичу и подыщите для инвалидов другое помещение!

Щелкает положенная трубка. Кольцова в волнении подходит к окну. Появляется Седых, тихо проходит к «буржуйке», ставит закопченный солдатский котелок, кладет на стол сверток.

Кольцова *(обернувшись, испуганно)*. Кто здесь? *(Узнав Седых.)* Как вы сюда попали?

Седых *(улыбаясь)*. Ворвался штурмом, подавив сопротивление ночного сторожа.

Кольцова. Как ваши балтийцы — в лавру? Я думала, моряки — олицетворение революционного порядка. А они — что? Анархия! Самоуправство!

Седых. А я и не собираюсь перед вами оправдываться. Просто принес рапорт командира флотского экипажа — как дело было, поскольку нам с вами приказано дать письменное объяснение Совнаркому. *(Бросает на стол бумагу, резко поворачивается, идет к двери.)*

Кольцова *(заметив сверток)*. Пойдите! Вы забыли... вот это.

Седых. Ничего я не забывал. Это ваше...

Кольцова. Мое? *(Разворачивает пакет, в нем — кусок серого хлеба и вобла.)* Заберите! *(Увидев котелок.)* А это что?

Седых. Это? Шрапнель.

Кольцова. Какая шрапнель?

Седых *(рассмеявшись)*. Да вы не бойтесь! Так у нас крупа зовется. Ядрица. *(Подняв крышку котелка.)* Поешьте-ка нашей матросской каши!

Кольцова. И это заберите.

Седых. Бросьте свою интеллигентскую фанаберию! Посмотрите на себя, на кого вы похожи. Глаза да нос — ведьма с Лысой горы! *(Подносит котелок к самому ее носу.)* А как вкусно пахнет...

Кольцова *(подходит к зеркалу, чисто женским движением поправляет волосы, взыскательно смотрит на*

свое отражение — должно быть, в первый раз за многие дни). И правда — ведьма...

Седы х. С нынешним пайком не то что на ведьму — на черта похож станешь. Ешьте, пока горячая!

Кольцова (подчиняясь ему, села). И вобла! Просту лукуллов пир! (Принимается за еду.) Ну, что у вас?

Седы х. На рассвете двинем под Гатчину. (Рассматривая книги, лежащие на столе, и беря в руки увесистый том.) Это на каком языке?

Кольцова (с полным ртом). Латынь. Юлий Цезарь. «Галльская война».

Седы х. А это?

Кольцова. На немецком. Мольтке. «Стратегия».

Седы х. От его превосходительства господина министра остались?

Кольцова. Нет, это мои. Вам покажется странным, но я всю жизнь интересовалась военным делом. Наверное, наследственное. Ведь я дочь военного. Из дворянской семьи.

Седы х. А мне вот этой военной премудрости — ох как не хватает! Меня ведь поповна грамоте учила. Вот и все мое высшее образование. (Пауза.) Вы... любили своего отца?

Кольцова. Отца? Очень! Больше всех на свете. Понимаю, почему вы спрашиваете. Да, я любила своего отца и ненавидела свой класс. Ненавижу благополучных... сытых... равнодушных... Ненавижу.

Внезапно хрустальная люстра померкла и погасла.

Седы х. Опять на электростанции перебои.

Кольцова. У вас есть спички?

Зажигает свечи в старинных канделябрах.

Вот так сплошь и рядом приходится работать при свечах. А что еще хуже — чернила замерзают. Царапаю карандашом. Вот полюбуйтесь!

Седы х (читает). «Декрет о гражданском браке»... (Листает бумаги.) «О пособии старикам»... Видно, и при свечах можно создавать хорошие вещи.

Кольцова подходит к роялю, берет несколько аккордов.

Сыграйте!..

Кольцова. Сто лет не касалась клавиш... Должно быть, разучилась...

Звучит Семнадцатый прелюд Шопена.

(*Озябшие руки не слушаются ее.*) Не могу! Руки озябли. Пальцы как деревянные...

Седых. Позвольте, я их согрею. (*Бережно берет ее руки в свои большие ладони.*)

Кольцова (*тихо, пока Седых растирает ее озябшие пальцы*). Я часто спрашиваю себя — станут будущие поколения любить Шопена? Люди воли, действия, борьбы — нужна ли им будет лирика Шопена, этот самоанализ души? А может быть, Шопен принадлежит только мечтателям начала нашего века? Ну что ж... Не поймут — не жалко и Шопена! Ведь человечество тысячами ждало тех самых дней, в которые мы с вами живем...

Луч прожектора высвечивает лицо Седых, а затем Кольцовой. И они произносят то, что звучит только в их мыслях.

Седых. Неужели бывают на свете такие женщины, как ты? А может, все это мне снится? Но руки... Какие у тебя стали теплые руки...

Кольцова. Кто знает, что с нами будет через день? Или через час? Завтра ты уйдешь навстречу смерти... Неужели я нашла тебя, чтобы сразу потерять? Ведь в этой буре так легко потерять друг друга...

Звонит телефон. Седых уже нет на сцене.

(*Берет трубку.*) Слушаю.

Голос Ленина. Елена Николаевна? Не разбудил?

Кольцова. Нет, Владимир Ильич.

Голос Ленина. Уведомляю вас, почтеннейшая, что нынче вечером вас предали церковной анафеме. Да-да. В Казанском соборе. Специальную ектенью от имени синода провозгласил сам митрополит Николай. Теперь будете на том свете кипеть в горячей смоле! Вот вам и наказание за ваше самоуправство с лаврой.

Кольцова (*скрывая волнение*). Что ж, Владимир Ильич, у меня есть еще выход — перейти в магометанство!

Голос Ленина. Ну, не сокрушайтесь, Елена Николаевна. Вы оказались в неплохой компании — со Стень-

кой Разиным и Львом Толстым. Их ведь тоже отлучили от церкви. Теперь, полагаю, вы убедились, что метод лобовой атаки не всегда уместен в революции. В таких тонких вещах надо быть осторожным и чертовски дипломатичным. Чертовски дипломатичным! Извольте учиться дипломатии, товарищ Кольцова! Ну, всего доброго!

Кольцова. Доброй ночи, Владимир Ильич!

Голос Ленина. А ночь-то сегодня и впрямь добрая. Поглядите в окно, как вывездило! А ну-ка, Елена Николаевна, погасите свет!

Кольцова (*немного удивленно*). Сейчас, Владимир Ильич. (*Гасит настольную лампу.*)

За окном возникает бездонное звездное небо. Звезды так крупны и чисты, что они как бы приближаются, входят в комнату.

Голос Ленина. Теперь вы видите, какая дьявольская красота? Как это у Гоголя? «Грянули звезды...» Чудесно сказано. А вы когда-нибудь смотрите на звезды, Елена Николаевна?

Кольцова. Признаться — забыла, когда и смотрела... Может быть, раньше, за городом...

Голос Ленина. Вот и напрасно! Это просто необходимо — иногда вспоминать, что на небе есть звезды. Сегодня, мне кажется, можно разглядеть даже созвездие Скорпиона. А вот та, самая яркая звездочка... красноватая такая... уж не Антарес ли? Пожалуй, Антарес. В переводе с греческого — Антимарс. Древние называли ее звездой мира. Когда-то я знал их все по именам, а нынче стал забывать. (*В голосе почувствовалась улыбка.*) Не хватает, знаете ли, времени даже для земных дел. И все-таки, Елена Николаевна, это просто необходимо — иногда вспоминать, что на небе есть звезды...

Затмение

Вспыхивает свет, снова переносит нас в советское полпредство. На сцене — Борг. Он одет со взыскательной, почти старомодной чопорностью подлинного знатока и арбитра протокольных церемоний — в визитке, полосатых брюках. Входит Чумаков. В его внешности произошли заметные перемены. Он в новом, хорошо сшитом костюме.

Борг (*представляется*). Советник Борг.

Чумаков. Советник Чумаков. Госпожа Кольцова сейчас будет здесь.

Бор г. Весьма приятно. Чрезвычайно рад познакомиться с вами, господин Чума́ков.

Чумаков. Чумако́в. И я тоже счастлив, господин советник. (*Старательно конструирует на лице приветливую улыбку.*)

Бор г. Счастливы?

Чумаков. Ага. Прошу.

Сели.

Бор г. Как вам нравится наша столица, господин Чумаков?

Чумаков. Прекрасный город! Северная Венеция!

Бор г. Вы осмотрели ратушу? Оперный театр?

Чумаков. О, разумеется. А вы, господин советник, были в Ленинграде?

Бор г. В Ленинграде — нет, в Петрограде — да.

Чумаков. И каковы ваши впечатления?

Бор г. (*криво улыбаясь*). Самые приятные! Самые отрадные! Прекрасный город. Северная Венеция!

Две застывшие улыбки скрестились, как шпаги.

Входит Кольцова.

(*Поклонившись.*) Советник Бор г.

Кольцова. Очень рада. (*Предлагая сесть.*) Прошу.

Бор г садится, разглядывая свою загадочную собеседницу с любопытством в пределах, дозволенных его официальным положением и правилами приличия.

Бор г. Мадам Кольцова, вы знаете, что уже несколько столетий существует торжественный церемониал вручения верительных грамот его величеству. Его параграфами предусмотрено все, за исключением одной только мелочи...

Кольцова. ...Что посланником может оказаться женщина.

Бор г. Совершенно верно, мадам Кольцова. В связи с этим перед нами возникает совершенно безвыходное положение.

Кольцова. Безвыходными мы охотно называем такие положения, из которых почему-либо не хотим найти выход.

Борг. Прекрасный парадокс, мадам Кольцова. Но посудите сами — проблема костюма... Согласно протоколу, посол должен быть в парадном мундире...

Кольцова. ...или во фраке и цилиндре.

Борг. Какое дамское платье может соответствовать фраку?

Кольцова. Я полагаю — черное.

Чумаков. Безусловно.

Борг. Черное? Не будет ли это напоминать похороны?

Кольцова. Но если я надену белое, не будет ли это напоминать венчание? Или первое причастие?

Борг. Да, пожалуй...

Кольцова (*чувствуется, что ее забавляет этот диалог*). Поскольку дипломатия — это искусство компромиссов, не избрать ли нам черное платье с белой отделкой?

Борг. Прекрасно. Надеюсь, платье будет строго закрытым?

Кольцова. До ушей. (*Для убедительности подкрепляет это заявление соответствующим жестом.*)

Борг. Далее. Согласно придворному этикету, посол разговаривает с королем стоя. Смеем заметить — стоя! Я льщу себя надеждой, что...

Кольцова. ...я забуду, что я дама, и не вздумаю сесть в присутствии короля. Разумеется, если он сам...

Борг (*насторожившись*). Что — «если»?

Кольцова. Если его величество сам не предложит мне сесть.

Борг. Король хорошо знает церемониал, госпожа Кольцова. Благодарю за беседу. Итак, завтра в два часа пополудни вы будете приняты его величеством. (*Направился к двери, но остановился.*) Простите, мадам Кольцова, вы в первый раз в нашей стране?

Кольцова (*с той же протокольной улыбкой*). Нет, мне уже приходилось бывать в вашей стране, господин советник.

Борг, откланявшись, уходит.

(*Чумакову, встревоженно.*) Почему он задал мне этот вопрос?

Чумаков. Может, просто из вежливости?

Кольцова. Или хочет напомнить мне дела тех далеких лет и готовит дипломатический скандал?

Чумаков. От них всего можно ожидать! (*Сардонически.*) Прекрасный город! Северная Венеция!

Затемнение

Советское полпредство. На сцене — Кольцова и Свенсон.

Кольцова (*показывая Свенсон висящее на «плечиках» платье*). Ну как? Может это платье выглядеть как эквивалент фрака в глазах его величества?

Свенсон. Пожалуй. (*Доставая из коробки туфли.*) Туфли фирмы «Крейц и сыновья».

Кольцова (*приходя в ужас*). Боже, какие высокие каблуки! На этих ходулях я не дошагаю до короля...

Свенсон. Теперь такие носят.

Кольцова. Придется тренироваться. (*Втискивает ноги в туфли и пытается сделать несколько шагов.*) Какое-то орудие инквизиции! Способ сделать женщину еще более неустойчивой! (*Снимает туфли.*) Ну, с проблемой одежды покончено, Кристина? Можно заняться делами?

Свенсон (*решительно*). Нет. В торжественных случаях для дам полагаются еще меха.

Кольцова. Меха? Но откуда у меня могут быть меха? Хотя... постойте! (*Подходит к шкафу, открывает дверцу и извлекает из шкафа жакет.*) Ну как, Кристина, может это сойти за мех в глазах его величества?

Свенсон (*удивленно подняв брови*). Это?! Но это какая-то кошка!

Кольцова. Не оскорбляйте чистопородного русского зайца! Эту кацавейку я купила в Москве. Сказочно дешево. !!!

Свенсон (*вешая платье в шкаф*). Елена Николаевна, а где же ваши вещи? Платья?

Кольцова. Там, в шкафу.

Свенсон (*недоуменно разглядывая два-три платья, висящие в шкафу*). Вот эти? !!

Кольцова. Да.

Свенсон. Извините, Елена Николаевна. Я скромная служащая, но в моем шкафу гораздо теснее...

Кольцова. Ничего, Кристина, зато у меня перед вами есть преимущество. Ненавижу вещи. Они принижают человека, пригибают его к земле, лишают крыльев. И вообще, не так важны вещи, как умение их носить. *(С роскошной небрежностью набрасывает на плечи заячий жакет.)* Придется только ампутировать рукава... Ну, как?

Свенсон. Ну что ж, пожалуй, на вас это выглядит как нечто вполне благородное.

Кольцова *(поворачиваясь)*. Вот видите! Выдавать кошку за льва — это же элементарный прием дипломатии со времен Ришелье и Меттерниха. Но то, что ненавистно мне как политику, я вполне могу позволить себе как слабая женщина.

З а т е м н е н и е

Советское полпредство. Портной примеряет фрак Чумакову, на лице которого написана мука.

Портной *(накалывая фрак)*. Я вам скажу так, господин Чумаков: каждому человеку предначертана его судьба. Одни рождаются для поэзии, другие — для коммерции. Вы рождены для фрака!

Чумаков. Мои родители об этом не подозревали.

Портной. Поверьте, я знаю, что говорю. Портным известны такие дипломатические тайны, о которых не осведомлена даже секретная полиция. Вот, например, германский посол славится своей атлетической фигурой. На самом деле он получил ее бандеролью из Лондона.

Чумаков. Фигуру? Бандеролью?

Портной. У него надувной торс, господин Чумаков. По утрам он накачивает его велосипедным насосом и пристегивает к своему позвоночнику. Но это, конечно, абсолютно секретно. *(Продолжая примерку.)* У вас плечи гимнаста или моряка. Если бы я не знал, что вы дипломат, я бы подумал, что вы простой матрос.

Чумаков. Может быть, я им и был.

Портной. Извольте шутить! Мы-то с вами знаем, что дипломатом может быть только потомственный аристократ вплоть до четвертого колена.

Чумаков. До какого колена?

Портной. До четвертого. Рукава надо чуточку укоротить. Пройдитесь! Позвольте полюбопытствовать, господин советник, куда вы намерены отправиться в этом великолепном фраке?

Чумаков. На прием к королю.

Портной (*потрясен*). На прием к его величеству?! (*Неожиданно, мгновенно распарывает наметанный фрак, как бы разнимая его на составные части.*)

Чумаков (*удивленный в свою очередь*). Что вы делаете?

Портной. Если вы в моем фраке... Вернее, если мой фрак на вас идет на прием к королю, то это должен быть не фрак...

Чумаков. Не фрак? А что же?

Портной. Поэма! Симфония! Хорал Баха!.. Начнем все сначала!

Затмение

Часть зала в королевском дворце. На сцене — золоченое кресло и маленький атласный диванчик. Входит король. Он в парадном мундире, эполетах и орденах. За ним следует придворный.

Придворный. Ваше величество, посольская процессия уже подъезжает к дворцу. Сейчас госпожа Кольцова будет здесь.

Король. Какая нелепость! Наши архаические протокольные нормы лишают меня права на элементарную вежливость, принятую даже у полинезийцев! Я не могу предложить даме сесть!

Входит советник Борг. Залыхавшись, он наспех отвешивает почтительный поклон.

Борг (*встревоженно*). Ваше величество!.. Ошеломляющее обстоятельство! Мадам Кольцова... Елена Кольцова не может быть принята в качестве посла!

Король. Что это значит?

Борг. Вообще она незаконно находится здесь! Она не имеет права ступить на нашу землю!

Король. Что за мистика?

Борг. Оказывается, госпожа Кольцова была выслана из нашей страны навечно.

Король. Навечно? За что?

Борг. За преступные призывы к свержению законной власти, то есть вашего величества.

Король. Кем она была выслана?

Борг. Указом вашего величества. *(Протягивает королю бумагу.)*

Король *(посмотрев указ)*. Хм... Да...

Борг. Газеты готовят сенсационное разоблачение.

Король *(придворному)*. Предупредите, что я ее не приму.

Придворный поспешно выходит.

Борг. Боюсь, что она уже поднимается по лестнице...

Король *(гневно)*. Почему вы меня не предупредили вовремя? Разве русские скрыли от нас этот факт?

Борг. Нет, ваше величество. Просто мне никак не могло прийти в голову, что дипломат Кольцова и какая-то неизвестная эмигрантка — одно и то же лицо... Это моя вина...

Король. Необходимо телеграфировать в Москву и отменить агреман!

Входит придворный.

Придворный *(растерянно)*. Полномочный представитель Советского Союза, ее превосходительство госпожа Елена Кольцова!

Борг. Катастрофа!..

Король. Не волнуйтесь, господа. Сейчас я дам ей понять, что ей уместнее было бы вручать не верительные грамоты, а отзывные! *(Садится в кресло, принимая бесстрастную позу.)*

Входят Чумаков и Кольцова. В парадном и вместе с тем строгом платье, она сегодня особенно красива и величественна. Король продолжает хранить неподвижность статуи, но глаза его с живым любопытством обращены к этой женщине, столь разительно непохожей на ту, которую он себе представлял. Кольцова проходит через всю сцену легкой походкой, исполненной удивительного достоинства и вместе с тем подлинного изящества.

Кольцова *(подойдя к королю)*. Ваше королевское величество! По поручению правительства Союза Советских Социалистических Республик имею честь вручить вам верительные грамоты. *(Протягивает королю пакет.)*

Король как бы не замечает протянутый пакет. Возникает томительная, напряженная пауза. Наконец король неохотно берет пакет.

Король (*весьма мрачно*). Очень рад. (*Передает пакет Боргу, стоящему сзади.*)

Кольцова. Ваше величество, позвольте вам представить советника нашего полпредства господина Чумакова.

Чумаков кланяется.

Ваше величество, мое правительство выражает надежду, что нашим странам удастся достичь взаимопонимания.

Король. При столь явном различии наших государственных принципов это было бы идеальным.

Кольцова. Мне кажется, ваше величество, эта разница не мешает нашим странам вместе бороться за коллективную безопасность в Европе.

Король молчит.

Кроме того, почему бы нашим странам не начать взаимовыгодный торговый диалог?

Король. Торговый диалог? Но меня могут спросить: не окажутся ли в дорожном чемодане такой очаровательной дамы вместе с образчиками товаров образчики революций? (*Иронически посмотрел на Кольцову.*) В свое время кое-кто пытался привезти их в нашу страну...

Кольцова. Наш лидер, Владимир Ильич Ленин, сказал, что революция не может быть предметом экспорта, ваше величество.

Король. И тем не менее некоторые лица усиленно пропагандировали у нас марксизм. Уж не собираетесь ли вы и меня сделать марксистом?

Кольцова. Что вы, ваше величество! Мы ставим перед собой только реальные задачи.

Король (*слегка улыбнувшись*). Вы прибыли к нам из Мексики?

Кольцова. Совершенно верно, ваше величество.

Король. Вы часто встречались с президентом?

Кольцова. Я не раз имела удовольствие беседовать с ним.

Король. Интересно, о чем?

Кольцова (*с самой приятной улыбкой*). О многом, ваше величество. Но первым долгом он обычно предлагал мне сесть,

Король (*явно смутившись от неожиданности*). Ах, извините, мадам... (*Галантным жестом предлагает ей золоченое королевское кресло.*) Простите вас!

На лицах Борга и придворного отражаются ужас, потрясение, почти физическая боль.

Кольцова. Я полагаю, ваше величество, садиться сюда мне не совсем удобно.

Король. Вы хотите сказать, кресло короля ненадежное место в наше время... как доказала ваша революция. Действительно, сядем лучше здесь. (*Показывает на маленький атласный диванчик.*)

Кольцова. Благодарю. (*Садится.*)

Борг (*придворному, шепотом*). Чудовищное нарушение протокола!

Король (*сидясь рядом с Кольцовой*). Отстаивать коллективную безопасность — благородная, но сложная задача. Тем более оригинально, что Москва поручила ее решению даме. Не будет ли этот труд слишком обременительным для вас, госпожа Кольцова? Ведь до сих пор считалось, что дипломатия не может быть уделом женщины!

Кольцова. Ваше величество, мне хорошо известно, что вы великолепно вышиваете гладью. А искусство вышивания ведь всегда считалось недостижимым для мужчин. Однако это занятие не мешает вашему величеству великолепно справляться с вашими высокими государственными обязанностями.

Король. Вы видели мои вышивки?

Кольцова. Да. И не могла найти на обратной стороне ни одного узелка. Это феноменально!

Король (*явно польщенный*). У каждого свой секрет, мадам. (*Поднялся, в раздумье прошелся, снова сел.*) Ну что ж... Может быть, и вам удастся преодолеть все трудности вашей миссии.

Кольцова. Я не теряю надежды, ваше величество. Фигурально выражаясь, там, где невозможен брак по любви, вполне возможен брак по расчету.

Король встает, показывая, что аудиенция окончена. Кольцова тоже поднимается.

Король. Итак, желаю успеха, госпожа Кольцова.

Кольцова. Благодарю вас, ваше величество!

Король (*проводя ее*). Если не ошибаюсь, Макиавелли как-то сказал, что искусство дипломатии похоже на искусство вышивания. (*Галантно берет ее под руку, к ужасу Борга и придворного.*)

Кольцова. В таком случае, ваше величество, я постараюсь, чтобы на обратной стороне моих вышивок вы не обнаружили бы ни одного узелка. (*Поклонившись, выходит.*)

Король возвращается.

Борг. Ваше величество...

Король (*думая о своем*). Да, да!.. Макиавелли...

Борг. Как же теперь быть, ваше величество? Согласно Венской конвенции, тотчас же после вручения верительных грамот посол считается приступившим к исполнению своих обязанностей.

Король. Вот видите. Не можем же мы нарушать Венскую конвенцию!..

Затмение

В темноте звучит радио, слышится голос диктора: «Господа и дамы! Передаем дипломатическую хронику. Сегодня во дворце состоится прием, на котором впервые будет присутствовать новый советский посол Елена Кольцова...»

Часть дворцового зала в день приема. По-видимому, прием происходит где-то рядом, а здесь появляются лишь отдельные группы гостей.

На сцене — придворный. Затем входит Борг.

Борг. Вы читали сегодня газеты?

Придворный. Разумеется.

Борг. И ничего не заметили?

Придворный. Ничего.

Борг. Разрешите обратить ваше внимание, вот здесь, между сводкой погоды и рекламой зубной пасты...

Придворный (*пытается рассмотреть напечатанное*). Что-то очень мелко...

Борг. Нонпарель — самый мелкий шрифт. Так пожелал его величество. Я специально захватил лупу.

Придворный (*читая сквозь лупу*). «Указ его величества о высылке навечно из нашей страны Елены Кольцовой отменяется указом его величества».

Борг. Недаром римляне говорили: что не могут сделать легионы, то может сделать одна женщина!

Уходят.

Появляется Кольцова в сопровождении Чумакова. Кольцова в вечернем платье; на плечах знакомая нам заячья жакетка с «ампутированными» рукавами, выглядящая и впрямь как пелерина. На авансцене Кольцову окружают репортеры с лампами, камерами, фотоаппаратами.

Первый корреспондент. Вы направляетесь на дворцовый прием, госпожа Кольцова? У меня к вам только один вопрос. Скажите. . .

Второй корреспондент (*по-видимому, представляющий рабочую прессу*). Простите! Госпожа Кольцова, как вы относитесь к поступку бывшего сотрудника вашего полпредства господина Срезневского, продавшего свою душу капиталистам?

Кольцова. Он совершил выгодную сделку — получил кучу золота в обмен на кучу мусора.

Корреспонденты смеются.

Корреспондентка (*худая и длинная, как вешалка*). Правда ли, что в вашей стране женщины национализированы и все жены общие?

Кольцова. Я впервые узнала об этом из вашего журнала. Это что, юмористическое издание?

Корреспондентка. Что вы, это серьезный женский журнал.

Кольцова. Успокойтесь, мадам, вам национализация не угрожала бы. . .

Корреспондентка. Как это понимать?

Второй корреспондент (*подчеркнуто громко*). Национализируется только то, что имеет какую-нибудь ценность. Госпожа Кольцова, вы были в числе тех, кто вместе с Лениным совершал русскую революцию?

Кольцова. Революцию вместе с Лениным совершал весь русский народ.

Первый корреспондент. А что дала революция вашему народу?

Кольцова. Вы были в нашей стране?

Первый корреспондент. Да. Я проехал вашу страну и не обнаружил даже, извините, теплых уборных.

Кольцова. Каждый видит то, что его интересует. Мул Александра Македонского...

Первый корреспондент. Мул?..

Второй корреспондент. Мул. Ну, осел...

Кольцова. Мул Александра Македонского совершил с ним все походы...

Второй корреспондент. ...и не стал от этого ни капли умнее.

Кольцова. Просто впечатления мула вряд ли интересуют человечество.

Корреспондентка. Bravo, bravo! Мадам Кольцова! Последний вопрос: как называется мех, из которого сделана ваша пелерина?

Кольцова. Мадам, неужели вы не разбираетесь в мехах?

Корреспондентка. Как он называется? Как?..

Чумаков. Этот зверь называется русак.

Первый корреспондент. Русак?.. Ах, это, кажется, особо ценная порода русского соболя?

Чумаков. Безусловно.

Чумаков и Кольцова уходят.

Снова часть дворцового зала. Время от времени доносится торжественный голос церемониймейстера: «Посол Франции маркиз д'Эспераж с супругой!», «Испанский посол герцог Фуэнтес с супругой!», «Посол Великобритании лорд Гудвин с супругой!», «Полномочный представитель Советского Союза Елена Кольцова!»

Появляются Чумаков и Кольцова.

Кольцова. Иван Никитич, среди гостей я заметила министра соседней страны... моего старого знакомого по Женеве. Быть может, с его помощью удастся завязать нужные знакомства. (*Оглядев Чумакова.*) А фрак сидит отлично, господин Чумаков!

Чумаков. Еще бы! Потомственный аристократ вплоть до четвертого колена!

Проходят.

Среди гостей появляются Хельмер, его сестра графиня Рунге, рыжеволосая красавица в несколько экстравагантном туалете, и министр соседней страны, пожилой господин в золотых очках, с толстой сигарой в зубах.

Рунге. Вы видели ее? Говорят, когда мадам Кольцова вручала верительные грамоты, его величество предложил ей сесть.

Министр. Не может быть! Это нарушение церемониала.

Рунге (*восторженно*). Его величество нарушил протокол, но зато показал себя настоящим мужчиной. Женщины на стороне короля!

Снова появляются Кольцова и Чумаков.

Кольцова (*вынимая из сумки пудреницу и будто бы поправляя прическу, издали разглядывает в зеркальце присутствующих*). Вы видите этого лысеющего господина в мятых брюках, похожего на профессора?

Чумаков. Отлично вижу.

Кольцова. Его величество Хельмер. Наш злейший враг. И наша главная цель на этом приеме. (*Вглядываясь в зеркальце.*) А мой министр с ним рядом... с фабричной трубой в зубах. Постойте, постойте... Почему они вместе? А-а! Хельмер строит заводы в соседней стране. Видно, идет крупный торг по этому поводу...

Чумаков (*улыбнувшись*). Первый раз вижу, чтобы дамскую пудреницу использовали как перископ подводной лодки.

Кольцова в сопровождении Чумакова проходит мимо интересующей ее группы гостей.

Министр (*почтительно поклонившись*). Госпожа Кольцова! Я рад вас видеть!

Кольцова (*задерживаясь*). И я также, господин министр. А вы по-прежнему курите самые длинные сигары в мире?

Министр. Гаванские. «Корона». Сэр Уинстон Черчилль утверждает, что этот сорт отлично отрезвляет после виски. Знакомьтесь, господа. Графиня Рунге... Ее брат, господин Хельмер... Госпожа Кольцова — один из самых пламенных трибунов на Женевской конференции.

Кольцова. Позвольте вам представить советника нашего полпредства, господина Чумакова.

Хельмер. Газеты утверждают, что в красноречии госпожа Кольцова превзошла самого бога красноречия Гермеса.

Кольцова. Ну, если вы уже потревожили тень Гермеса, следует вспомнить, что Гермес был также и богом торговли.

Рунге (*министру*). Она остроумна...

Министр. Это только начало. Вы еще увидите, на что способна эта женщина.

Хельмер. Понимаю, мадам Кольцова. Но деловые люди в Европе не уверены, можно ли торговать с большевиками — будут ли они точно выполнять свои обязательства?

Кольцова. Большевики — люди слова. Они не раз доказывали это.

Хельмер (*саркастически*). Ну да, они пообещали сделать революцию в России и не замедлили выполнить свое обещание.

Кольцова. Вот видите! Значит, они умеют вовремя рассчитывать по своим обязательствам.

Хельмер. Довольно парадоксальный аргумент.

Кольцова. Если бы мы с вами заключили соглашение о кредитах, это во многом избавило бы вас от капризов мировой конъюнктуры. Вы получили бы хорошие заказы.

Хельмер. Большевики пытаются спасти меня от кризиса!.. Как трогательно!

Кольцова. Волею дукунт фата, нолею трагунд.

Министр (*переводит*). «Желающего судьба ведет, нежелающего тащит». Это, кажется, Теренций.

Хельмер. Теренций Публий жил за сто пятьдесят лет до рождения Христова... А вот совсем недавно советник вашего полпредства господин Срезневский пытался вести с нами переговоры. К сожалению, мы лишены были возможности закончить эти переговоры — он бежал от вас и попросил у нашего короля политического убежища.

Чумаков. Но ведь история знает случаи, когда даже прославленные маршалы изменяли своим императорам.

Рунге (*желая сгладить острый угол*). Господа! Я ничего не понимаю ни в политике, ни в экономике, ни в кризисах. Я знаю только одно — если мы будем торговать с русскими, я смогу купить такой очаровательный

мех, как у госпожи Кольцовой! (*Увлекает Кольцову в сторону.*)

Они идут по авансцене. Из зала доносится вальс.

(*Восхищенно глядя на Кольцову.*) Мне кажется, что такая женщина, как вы, с таким сильным характером, повелительным умом и такой внешностью, должна подчинять себе не только людей, но и саму судьбу... Мне кажется, что вы всегда были счастливы в любви...

Кольцова. Вы так думаете? Вы думаете, сильные — самые счастливые? Счастье... Для меня — это девятнадцатый год... Вам это ничего не говорит, графиня. А для меня — это война... дороги... вокзалы... И глухая станция в степи... Она называлась Гребешки... Да-да, Гребешки!..

Освещена одна Кольцова. Звуки вальса постепенно вытесняются свистом ветра и далекими паровозными гудками. В темноте возникает голос, монотонно повторяющий: «Цэ Гребешки? Чи вы мене слухаете? Цэ Гребешки?»

Постепенно высвечивается железнодорожная станция. У старинного телефонного аппарата — диспетчер в домотканой свитке и старой форменной фуражке. На его лице, как давнишняя пыль, нестираемая тупость и безразличие. У окна — начальник станции. Несколько мгновений Кольцова в своем вечернем платье еще остается в этой вновь возникшей декорации.

Маленькая станция на перекрестке больших дорог гражданской войны... Сколько их оставалось тогда за окнами моего вагона!.. Жизнь — вечное движение... Вечное преодоление... (*Уходит в затемнение.*)

Диспетчер (*в телефонную трубку*). Цэ Гребешки... Куда ж вы згынулы, трясця вашу мать? Цэ Гребешки... Щось трэмтыть, а ничего не слышно...

Начальник станции (*передразнивая*). «Трэмтыть»... Эх ты, серость. Миазм... А человек рожден, чтобы мыслить, постигать корень жизни! «Что наша жизнь — игра!» — как сказал композитор Джузеппе Верди...

Широко шагая, входит Чумаков.

Чумаков. Что здесь происходит? Узловая или ярмарка в Кыржополе?

Начальник станции. Именно ярмарка, гражданин пассажир.

Чумаков. А ну встать, чернильница! Голову оторву! Ну чего глаза вылупил, как монашка на голого черта?

Начальник станции. Виноват, господин братишка! Прежде глядишь в окно — какая погода, а нынче — какая власть на дворе. И каждый грозитя голову оторвать. А голова не редиска — другая не вырастет.

Чумаков. Вот именно что редиска. *(Показывает на его красную фуражку.)* Сверху красная, а в середине? Белая? Деникинская? Будешь разговаривать с командующим.

Появляется Седых, в черкеске и папахе. На ремне через плечо — маузер в деревянной кобуре.

Седых. Вы начальник станции? Немедленно ликвидировать пробку! Пропустить наш бронепоезд! Даю двадцать минут.

Начальник станции. Виноват, господин товарищ командующий! Войдите в положение — люди разбежались... Атаманша Маруся диспетчера повесила на выходном семафоре, насилиу вчера новенького нашел. *(Показывает на диспетчера.)* И тот придурок.

Седых *(вынимает из кармана часы)*. Вот часы — Павел Буре. Точный ход. Пропустите бронепоезд — награждаю вас этими часами. Не пропустите — расстреляю по законам военного времени. Действуйте!

Начальник станции *(в панике)*. Двадцать минут!... Маневровых нет, вручную сортируем... Ваше превосходительство... *(Падает на колени.)*

Чумаков. Да ты что? Совсем очумел!.. А ну, марш!

Чумаков и начальник станции выходят.

Седых *(диспетчеру)*. Слушай, друг, отстучи телеграмму. Пиши: «Москва, Совнарком. Прошу срочно сообщить, где находится товарищ Кольцова».

Диспетчер. Почекайтэ трошки...

Седых. «Где находится товарищ Кольцова. Командарм Седых».

Диспетчер. Як вы казали? Яка подпысь?

Седы х. Командарм Седых. (Выходит.)

Внезапно с диспетчером происходит разительная перемена — куда делась его сонливость, тупая маска, простонародный украинский говор.

Диспетчер (*поднимается, жадно вглядывается в окно — что происходит на путях. Затем берет трубку телефона, в трубку*). Яворы! Вызываю Яворы! Яворы? Кто цэ на проводи? Ротмистр князь Новосильцев? (*Вытнулся по-офицерски.*) У аппарата поручик Сверчевский. (*Говорит поспешно, прислушиваясь, не идет ли кто-нибудь.*) Имею важное донесение. Только что прибыл командарм Седых... Седых!.. С бронепоездом и воинским эшелонном. Двигается в направлении Иваньковцы. Прошу сообщить господину полковнику. Да, продолжаю работать здесь диспетчером! Жэ ву суэт кордиаль ле бонер, мон шер пранс. Жэспер ке ля виктуар де нотр армэ нэ па люэн. (*Услышав, что кто-то входит.*) Ну, пока усэ! Бувайтэ! (*Кладет трубку, принимая прежний туповатый вид.*)

Входит Кольцова. Она в кожаной куртке и высоких шнурованных башмаках — «румынках», какие носили в гражданскую войну.

Кольцова. Здравствуйте. Где начальник станции?

Диспетчер молчит, наклонившись над своими бумагами.

Будьте любезны ответить — вы кто, глухой или саботажник?

Диспетчер. Начальнык станции? Вин дэсь на путях.

Кольцова. Я народный комиссар пропаганды.

Диспетчер. Ну и шо?

Кольцова. Необходимо прицепить наши агитвагоны. Нам сегодня же надо добраться до Яворов.

Диспетчер. Куды-куды?

Кольцова. До станции Яворы. (*Направляется к двери.*)

Диспетчер (*с неожиданной энергией*). Почекайтэ! Нэ трэба шукаты начальныка. Зараз усэ зроблю. Вы бы так сразу и казали, шо вам на Яворы, товариш народный комиссар! Почекайтэ трошки! (*Яростно крутит ручку*

телефонного аппарата, прибоорматывая.) Значится, вам на Яворы... Цэ добре... Вам там будуть дужэ ради...

Кольцова садится на станционный диванчик, прислонившись головой к засалившейся спинке.

Яворы! Яворы! Кто цэ на провóди? Да-да, цэ знову я... Призналы? Отправляю до вас составом четырнадцать народного комиссара пропаганды. Да-да, не чего-нибудь другого, а пропаганды! Приготовьте тэплу зустрич. Ну, до побачення. (*Повесил трубку.*) Вам там будут дужэ ради, товариш комиссар.

Кольцова. Вот спасибо.

Диспетчер. Благодарить будете пóтим. Вот зараз позвонимо у Билохатку, шоб пропустилы бэз неякой за-дэржкы.

Кольцова. Нет, все-таки спасибо... Приятно встретить доброжелательного человека. Извините, я ужасно устала... (*Борется со сном.*)

Диспетчер. Так бы сразу казали, що на Яворы. Пройдэтэ як штык скрызь масло...

Кольцова засыпает.

Билохатку! Билохатка? Дай жезл четырнадцатому. Зрозумыв?

Входит Седы х.

Седы х. Телеграмму отправил?

Диспетчер. Видправыв. Без задэржкы, товариш командующий.

Седы х. Спасибо. (*Отходит от диспетчера, видит спящую Кольцову.*) Лена?.. Лена!..

Кольцова (*проснувшись*). Андрей!..

Они ринулись друг к другу, но тут же замерли, подчиняясь обстоятельствам. Несколько мгновений длится взволнованное молчание.

Седы х. Ну совсем как в детской сказке... Мужик потерял рукавицы...

Кольцова. Какие еще рукавицы, глупый...

Седы х. Искал по всему свету, а они за поясом... Я так искал тебя, Лена... Дай хоть поглядеть на тебя... Остриглась... Совсем как хлопчик...

Кольцова. А ты совсем сухопутный стал... Ничего в вас морского не осталось, товарищ командующий!

Седых. Нет, осталось, гляди! *(Вынимает из кармана свою старенькую матросскую бескозырку.)*

Вбегает взволнованный Чумаков.

Чумаков. Товарищ командующий! Прорыв с левого фланга! Белые заняли станцию Яворы!

Седых. Яворы? Когда?

Чумаков. Еще вчера утром.

Кольцова. Белые в Яворах?

Чумаков *(увидел Кольцову)*. Елена Николаевна! Каким ветром?

Диспетчер поднимается и идет к двери.

Кольцова *(бросаясь наперерез диспетчеру)*. Стойте! Куда вы? Зачем вы хотели отправить меня в Яворы? Диспетчер. Видкиля я знав, що там были?

Кольцова. Он лжет! Он разговаривал по телефону с хорошо знакомым человеком! *(К Седых.)* Он знал, что белые в Яворах!

Внезапно диспетчер, опрокинув ногой стол, ринулся к двери.

Седых. Стой! *(Схватил его за свитку так, что полетели пуговицы.)*

Чумаков, ощутив карманы диспетчера, извлекает наган.

А белышко-то шелковое, французское... Как у нашего каперанга барона Нольдена с крейсера «Уссурийск»... *(Чумакову.)* В особый!

Чумаков *(скрутив диспетчеру руки)*. Ну, пошли, ваше благородие! *(Вынув из кобуры револьвер, выводит диспетчера.)*

Кольцова и Седых остались одни. Они прикинули друг к другу с горькой нежностью, как бы боясь, что события вот-вот разлучат их снова.

Седых. Лена...

Кольцова *(сквозь слезы счастья)*. Не говори ничего... Помолчи. А то, боюсь, все сейчас исчезнет...

За окном два раза прозвонил станционный колокол.

Ой, у меня в голове все перепуталось. Будто колокола звонят...

Седых. И верно, звонят... К отправлению, Лена.. Мне пора.

Кольцова. Погоди... Хоть минутку!

Седых. Есть такая морская примета. (*Вынимает из кармана бескозырку.*) Вот, бери... Сохранишь — свидимся.

Слышится свисток и ответный гудок паровоза.

(*Грустно развел руками.*) Как говорится — наше время истекло! (*Крепко обнимает Кольцову и выходит.*)

Гудок паровоза, нарастающий шум поезда. Кольцова в изнеможении опустилась на станционный диванчик. Пауза. Тени пронесшихся вагонов скользят по ее лицу.

З а т е м н е н и е

Кабинет Борга. На сцене — Борг и Хельмер.

Борг. Господин Хельмер! Я просил вас о встрече, чтобы сообщить новость, имеющую исключительное значение. Разумеется, пока совершенно конфиденциально.

Хельмер. Ну об этом можно было и не предупреждать.

Борг. Только что наш новый кабинет министров принял антигосударственное... нет, антинациональное решение!..

Хельмер. Предоставить Советской России кредиты на сумму в сто миллионов.

Борг. Вы уже знаете?

Хельмер. Как видите. А чего еще можно было ожидать от правительства социал-демократов?

Борг. И вы говорите об этом так спокойно?! Активность советского посольства становится просто опасной! Еще недавно на приемы к русским никто не ходил. Это считалось компрометантным. Сейчас там можно встретить всех — от радикалов до генералов! Наши лесопромышленники ходят туда пить русскую водку, хотя именно стараниями госпожи Кольцовой русский лес потеснил их на европейском рынке.

Хельмер. Да-а... Меню московской кухни становится слишком острым и привлекательным.

Борг. Лекции господина Луначарского, визиты господина Эренбурга... Сейчас госпожа Кольцова организует Общество дружбы с Советской Россией... (*Патетически воздев руки.*) Дружбы!..

Хельмер (*усмехнувшись*). Я сам подумываю, не вступить ли в него? Нельзя же отставать от прогрессивных тенденций века! А что касается кредитов — скажу вам больше, господин советник. Я сам подсказал новому правительству этот законопроект — предоставить России кредиты.

Борг. Вы... шутите?

Хельмер. Нисколько. Даю вам слово.

Борг (*пораженный*). Это анекдот? Или загадка?

Хельмер. Просто небольшая шахматная комбинация. Но если даже вы, господин советник, с вашим опытом и с вашей проницательностью ее не разгадали, значит... значит, для мадам Кольцовой она будет не под силу. (*Поднимаясь.*) В среду парламент должен утвердить решение нового, прогрессивного социал-демократического кабинета. Вы увидите, какой спектакль разыграется в этот день!

Затмение

В другом секторе сцены освещается кабинет Кольцовой. Она напряженно работает. Перед ней ворох газет, она отчеркивает какие-то абзацы.

Кольцова. «Предоставление кредитов Москве — антигосударственный шаг...» (*Разворачивает другую газету.*) «Социал-демократы подкуплены большевиками...» Неужели хотят сорвать решение о кредитах?

Звонит телефон.

(*Взяла трубку.*) Да, слушаю!

Голос телефонистки. Соединяю с Москвой...

Голос Седых. Алло! Лена? Это я... Здравствуй.

Кольцова. Андрей! (*Голос ее дрогнул и замер.*) Здравствуй!.. Ну, что у тебя? Как ты живешь?

Голос Седых. Вот получил новое назначение. Скоро уезжаю из Москвы. Далеко и надолго. Быть может, ты приедешь?

Кольцова. Сейчас — никак... не могу, Андрей...

Голос Седых. Понимаю... (*Пауза.*) Я послал тебе свою новую книгу «Упреждающий удар как вид стратегического маневра».

Кольцова. Да-да, я уже получила. Там, где ты говоришь об упреждающем ударе парфянских войск, есть историческая неточность. Я тебе написала в письме.

Голос Седых. Спасибо. *(Помолчав.)* А может, все-таки приедешь?

Кольцова. Если бы ты был рядом, я объяснила бы тебе...

На другом конце сцены, в светлом пятне, появляется Седых. На петлицах его гимнастерки четыре ромба — командарм второго ранга, на груди — четыре ордена. Он порывисто делает несколько шагов вперед. И вот они уже идут навстречу друг другу, приближаются, останавливаются посредине сцены. И телефонный разговор как бы превращается в живой разговор наедине.

Сейчас здесь очень сложно.

Седых *(перебивая)*. Мне тоже сложно. Сложно без тебя.

Кольцова. Пойми — это жестокая необходимость.

Седых. Когда я вспоминаю нашу жизнь, в памяти прежде всего возникают вокзалы, аэродромы, суeta сборов, бесконечные прощания... За все эти годы мы были вместе считанные месяцы... Нет, недели!

Кольцова. Больше всего на свете мне хотелось бы дотронуться до тебя рукой. *(Протягивает руку, но словно натыкается ладонью на стекло.)* Так просто... И так недостижимо...

Седых. Вот и я всю жизнь стремлюсь к тебе, бегу... И не могу приблизиться. Я уже поседел в этой погоне. Я устал, Лена...

Кольцова. Ты еще никогда не говорил так. Нескладно все получается.

Седых. Так хочется простого человеческого счастья!...

Кольцова *(стараясь казаться спокойной)*. А я не сумела сделать тебя счастливым.

Седых. И у тебя тоже... Ни семьи, ни дома...

Кольцова. Если любовь перестала приносить счастье, надо остановить часы вовремя... Это ты хотел сказать?

Пауза.

Ну и что ж ты молчишь? Ты ведь никогда не был малодушным.

Седых. Жизнь-то проходит...

Кольцова *(грустно улынувшись)*. Жизнь остается. Проходим мы...

Внезапно слышится резкий и громкий женский голос: «Ваше время истекло». Луч прожектора, освещающий Седых, мгновенно гаснет. В световом пятне остается одна Кольцова.

(Еще не понимая.) Кто это? Кто это сказал?

Тот же голос. Это с телефонной станции, мадам. Ваше время истекло. Разъединяю.

Кольцова. Ах так!.. Спасибо. *(Блестят слезы на глазах, наедине с собой она не пытается их скрыть. Только сейчас заметно, чего ей стоил этот разговор.)*

Пауза. Входит Чумаков. Не желая мешать, он тихо направляется к двери.

(Не поворачивая головы.) Иван Никитич! Вы читали вечерние газеты?

Чумаков. Да. Настоящая артиллерийская подготовка. Но к чему?

Кольцова. Деяносто из ста, что завтра консерваторы провалят решение о кредитах.

Чумаков. Консерваторы? Но ведь Хельмер выступает за кредиты.

Кольцова. Хельмер — старый игрок. Глобальный шулер! Он-то и заманил нас в западню. Устал вход коврами и наглухо задраил все выходы. Одним ударом он хочет поразить две цели: подорвать престиж Советского Союза, а заодно выразить в парламенте недоверие социал-демократам и свалить их кабинет.

Чумаков. Черт побери! В моей книге я отдал весь жар своего сердца Марату, его бескомпромиссности, его неистовой борьбе с Жирондой. И вдруг сегодня я готов драться за социал-демократов! Но социал-демократы у власти — для здешнего рабочего класса это несомненный политический прогресс!..

Кольцова. Что же нам делать?

Чумаков. Да... Как принято говорить в Версале, мы с вами крепко лопухнулись... Не можем же мы отменить заседание парламента.

Кольцова. Разумеется, не можем. *(Задумалась на мгновение.)* А почему не можем? Есть в стратегии такой

маневр — упреждающий удар. (Пауза.) А что, если мы сами откажемся от кредитов?

Чумаков. Что?!

Кольцова. Да, откажемся. И сегодня же пошлем об этом ноту в правительство. Официальная мотивировка — условия недостаточно выгодны для Советского Союза.

Чумаков. Постойте, постойте! Но кредитов мы добивались все эти годы!

Кольцова. Недопустимо, чтобы нам сказали «нет». Первыми произнесем «нет» мы.

Чумаков. И громовые речи в парламенте, составленные нашими врагами, останутся у них в кармане?!

Кольцова. К удивлению господина Хельмера.

Чумаков. Вот это лихо!

Кольцова. Пошли согласуем нашу ноту с Москвой. Не огорчайтесь, Иван Никитич! Останутся у власти социал-демократы — будут и кредиты. Через год-другой. Обещаю вам это, неистовый Марат!

Затемнение

Через сцену протянута теннисная сетка. Король, в спортивных шортах и белом пуловере, с теннисной ракеткой в руке, вытирает полотенцем лоб.

Король (*своему противнику Хельмеру*). Поздравляю вас, вы проиграли мне и этот сет. И прошу заметить — с сухим счетом: шесть — ноль. Ну как, отдаете драхму?

Хельмер. Нет.

Король. Ну что ж, в таком случае извольте выполнять условие, господин финансовый советник.

Хельмер. Уж лучше я проползу под сеткой. . . (*Покорно становится на колени и, отдуваясь, лезет под теннисную сетку.*)

Король. Второй проигрыш за день! Не слишком ли много, господин Хельмер?

Хельмер (*выползая из-под сетки*). Почему второй, ваше величество?

Король. Потому что первое поражение вам нанесла сегодня Москва. Подумать только — крупнейшие госу-

дарственные мужи готовили мадам Кольцовой сенсационный провал, а она одна одним росчерком пера обыграла вас — и тоже с сухим счетом. Вы сеяли драконов, а пожали блох!

Хельмер. *(отряхивая песок с колен).* У этой дамы мужская тактика в игре, ваше величество.

Король. И точный удар. Она заставила весь мой парламент проползти под сеткой. И при этом на обратной стороне ее вышивок я не заметил ни одного узелка!..

Затемнение

В темноте грохочут барабаны, звучат прусские военные марши. Слышится истерический голос немецкого диктора: «Дас хауптквартир бэрихтэт: ди дейчен офицерн зэен дурьх дэн фельдштэхер ди палэстэ фон Невски проспект... Ленинград верт зихь ди лецтэн штундэн...» Военная музыка и треск немецких барабанов звучат из радиоприемника в советском посольстве. Подле радиоприемника — Чумаков, Кристина Свенсон и сотрудник посольства Гончаренко.

Чумаков. Немецкие офицеры видят в бинокль дворцы Невского проспекта... Не верю! *(Поворачивает верньеры приемника. Слышен треск и вой немецких глушителей.)*

Свенсон. Рядом с нами германское посольство выставляло карту продвижения своих войск. Флажки со свастикой вокруг Ленинграда, вокруг Смоленска, на Украине...

Чумаков. Хоть бы одну нашу станцию поймать... Забивают, сволочи!

Гончаренко. У нас с сегодняшнего дня двойной наряд полиции вокруг посольства. Охраняют.

Чумаков. Вернее, изолируют. Как чумных на острове.

Внезапно в соседней комнате слышится звон разбитого стекла. Гончаренко бежит туда и возвращается с камнем в руке.

Гончаренко. Опять стекло высадили!

Свенсон. Третье за неделю!

Гончаренко. Скоро можно будет составить небольшую минералогическую коллекцию.

Входит Кольцова. Она приметно осунулась, выглядит утомленной, в волосах засветилась седина.

(Показывая на камень.) Вот, Елена Николаевна...

Кольцова. Этот камень брошен не в наши окна, а в здешний нейтралитет.

Гончаренко (*протягивая записку, в которую был завернут камень*). Елена Николаевна... Вас предупреждают: если выедете за ворота посольства — будут стрелять.

Свенсон. Мне стыдно, что эти люди — мои соотечественники.

Кольцова (*разрывая записку*). Товарищ Свенсон, будьте любезны, скажите шоферу, чтобы с этого дня подавал мне машину только с расчехленным флагом. По городу будем ездить на самой малой скорости. Товарищи, прошу вас, ведите себя так же, как всегда. Так же появляйтесь на улицах, в концертах, в театрах... Даже, пожалуй, почаще. И передайте это всем сотрудникам посольства, товарищ Свенсон.

Свенсон уходит.

Гончаренко. Елена Николаевна! Отпустите меня...

Кольцова. Что?

Чумаков. Куда?

Гончаренко. Не могу я больше здесь! Ни одного дня, ни одной минуты... В Ленинграде каждый камень воюет, а я, ленинградец, прохлаждаюсь здесь, в этом мирном захолустье... Отпустите меня, Елена Николаевна.

Чумаков. Ну, кончился приступ гамлетизма? Парень с Кировского завода, коренной путиловец, а вибрируешь, как интеллигент начала века.

Гончаренко. Я не вибрирую. Я воевать хочу.

Кольцова. Товарищ Гончаренко...

Чумаков. Простите, Елена Николаевна. Нет, вибрируешь! И слово какое выбрал — прохлаждаться!.. Немцы хотят столкнуть в пропасть войны и эту страну... А мы не должны допустить, чтобы у нашей Родины появился еще один противник.

Кольцова. Правильно.

Чумаков. Да, мы тут, в глухом отсеке войны, в кочегарке истории. Наша работа черная, незаметная. Но и кочегары дают ход кораблю, товарищ Гончаренко!

И перестань сверкать глазами! Что поделаешь — историческая необходимость.

Кольцова (*искося поглядев на Чумакова*). Сдается, я уже слыхала когда-то подобный разговор...

Чумаков (*улыбнувшись*). Ошибки молодости не так уж страшны, утверждал Гёте. Важно не таскать их за собой до старости. (*К Гончаренко*.) И поправь, пожалуйста, галстук.

Свенсон (*появляется в дверях*). Елена Николаевна, к нам приехала графиня Рунге.

Кольцова. Рунге? Просите.

Рунге (*входя*). Мадам Кольцова, я понимаю — вам сейчас не до меня. Я к вам на несколько минут.

Кольцова. Я очень рада. Прошу, садитесь.

Рунге (*порывисто*). Ваш рассказ о мужестве советских людей так взволновал меня, что мне захотелось хоть в чем-нибудь быть вам полезной. Госпожа посол, наш Красный Крест приносит в дар детям Ленинграда, пострадавшим от варварства немцев, вагон медикаментов. (*Передает Кольцовой бумагу*.)

Кольцова. Благодарю. Передайте мою глубокую благодарность всем, кто принимал в этом участие.

Рунге. Я так рада, что это обстоятельство позволило мне посетить вас.

Кольцова. Как здоровье вашего брата господина Хельмера?

Рунге. Неважно. Нервы! Ведь у него несколько заводов за границей, в соседней стране, столь неразумно ставшей союзницей Гитлера.

Кольцова. Заводы? Там? Вот не подозревала.

Рунге. И его не очень-то веселит мысль, что эти заводы может разбомбить ваша авиация.

Чумаков. Все может случиться. Война!..

Кольцова (*поглощенная какой-то осенившей ее идеей*). Да-а... Это было очень неосмотрительно со стороны вашего брата — вложить туда такие большие капиталы. (*Поглядев на Чумакова*.) Кажется, в русском языке есть такой технический термин — лопух...

Чумаков. Лопухнуться.

Рунге. Как-как?

Чумаков. Лопухнуться, графиня...

Входит Свенсон.

Свенсон. Прошу прощения, мадам. *(Кольцовой.)* К вам советник Борг.

Кольцова *(удивленно)*. Борг? Сюда?.. Просите.
Входит Борг. Свенсон уходит. Борг здоровается сухо и официально.

(Боргу.) Прошу, господин советник.

Борг продолжает стоять.

Рунге *(после неловкой паузы смотрит сначала на Кольцову, потом на Чумакова)*. Извините, что помешала, госпожа Кольцова. Я приехала к вам, хотя советник Борг под строжайшим секретом сообщил мне, что сейчас никому не рекомендуется посещать советское посольство.

Борг *(раздраженно)*. Вы меня неправильно поняли, графиня.

Рунге. Вам следует знать, господин советник, что я не умею хранить государственные тайны. Должна сказать вам, мадам Кольцова, — не люблю немцев! *(Уходя и в упор глядя на Борга.)* И тех, кто относится к ним... как бы это сказать... чересчур лояльно. До свидания. *(Выходит, провожаемая Гончаренко.)*

Гончаренко тотчас же возвращается.

Кольцова. Я слушаю вас, господин советник.

Борг. Я принужден был приехать сюда, потому что для вас небезопасно выезжать за пределы посольства. Глубокоуважаемый посол! Сегодня советская дальноточная артиллерия обстреляла северный берег нашей страны. В связи с этим имею честь вручить вам ноту моего правительства. *(Передает пакет.)*

Кольцова *(прочитав врученную Боргом бумагу, с ледяным спокойствием)*. Так. Я ознакомлю с этой нотой мое правительство, господин советник.

Борг. Приложение к ноте — карта с описанием района, пораженного вашей артиллерией. *(Извлекает из портфеля и передает Кольцовой какой-то предмет.)* И вещественное доказательство — осколок советского снаряда, обнаруженный нашей береговой службой.

Кольцова. Советского снаряда? Что, на нем есть обратный адрес?

Гончаренко рассмеялся.

Борг (*метнув уничтожающий взгляд в его сторону*).
Обстоятельства чересчур серьезны и не оставляют места для юмора, мадам Кольцова. Россия вряд ли заинтересована в том, чтобы мы были вынуждены нарушить наш нейтралитет. Особенно в той драматической ситуации, которая сложилась для вашей страны.

Кольцова. Я думаю, что вступление в войну и вашей стране не принесло бы никакой пользы, господин советник. В этой ноте все перевернуто с ног на голову... Если вообще у этой ноты есть голова. Когда-то в вашей стране обыкновенного русского зайца приняли за соболя. Я не стала спорить из вежливости. Но тот, кто русского медведя примет за трусливого зайца, — тот обязательно просчитается, господин советник.

Борг. Мое правительство настоятельно требует объяснений по поводу данного инцидента, госпожа Кольцова.

Кольцова. Они будут даны, господин советник.

Борг уходит. Гончаренко и Чумаков склонились над картой и нотой.

Чумаков. Чепуха какая-то!

Кольцова. Чепуха!.. Но кому-то понадобилась эта чепуха. Боюсь, как бы из этого яйца не вылупился крокодил. Надо действовать. (*Направилась к выходу. Внезапно пошатнулась, схватилась за сердце.*)

Чумаков (*бросаясь к ней*). Что с вами?

Кольцова. Что-то мне нехорошо... Очень нехорошо...

Чумаков усаживает ее в кресло.

Чумаков (*к Гончаренко*). Ну что ты стоишь?! Врача! Скорее врача!

Свет гаснет. Возникает музыка — Седьмая симфония Шостаковича, ее тревожное, грозное начало.

Снова свет.

Кольцова полулежит в кресле, ноги ее покрыты пледом. Рядом Свенсон, в руках у нее мензурка с лекарством.

Кольцова (*нетерпеливо*). Ну что, Кристина, нашелся Иван Никитич?

Свенсон. Нет. Оказывается, он уехал еще ночью.

Кольцова. Куда же?

Свенсон. Ничего не сказал. Очевидно, не хотел вас беспокоить.

Из радиоприемника продолжают звучать тяжелые тевтонские ритмы.

Кольцова (*устало откинувшись в кресле*). Какая тревожная, какая могучая музыка! Шостакович. Из Ленинграда. Кристина, надо попросить Москву, чтобы нам обязательно прислали партитуру этой симфонии.

Свенсон (*делая пометку в блокноте*). Хорошо.

Кольцова (*вслушиваясь*). Вот она — поступь войны... Кристина, как хорошо, что вы здесь. Когда бо-лешь... или на отдыхе... начинаешь вдруг ощущать свое одиночество... безмерное одиночество... Как горь-ко, что нет Андрея. Рано оборвалась его жизнь...

Свенсон. Мне это особенно понятно, Елена Нико-лаевна. Если только вам это не будет мешать... я всегда буду с вами. Всегда.

Кольцова. Спасибо, Кристина.

Свенсон. Ведь сумма двух одиночеств — это не просто двойное одиночество...

Кольцова. Нет, это двойное мужество, Кристина. (*Сжимает ее руку. И вдруг резко поднимается.*)

Свенсон. Что вы делаете?

Кольцова. Надо действовать. Надо ответить Боргу...

Свенсон. Вам категорически запрещено вста-вать...

Кольцова. Нельзя медлить! Будет поздно!

Входит Чумаков.

Иван Никитич! Где вы пропадали?

Чумаков. Ездил на место обстрела. На северное побережье.

Кольцова. Ну и что?

Чумаков. Собственными глазами убедился — огонь всдут с островов.

Кольцова. Немцы?

Чумаков. А кто же еще? По-видимому, испытывают новое реактивное оружие. (*Протягивает ей фотографии.*) Вот. Осторожно! Они еще влажные! Видите — следы по-паданий? Фотографии с абсолютной точностью подтвер-ждают направление огня.

Кольцова. Иван Никитич! Это же очень, очень важно!

Чумаков. Но самое важное, Елена Николаевна, стоит за дверью.

Кольцова. Как прикажете понимать?

Чумаков. В буквальном смысле. *(В дверь.)* Папаша Гунар!

Входит седобородый старик с обветренным лицом.

(Показывая на Кольцову.) Вот это и есть советский посол, папаша Гунар.

Старик *(почти кричит, как будто он находится на другом берегу реки)*. Добрый день, госпожа! Я из деревни Брунколлен. Меня зовут Гунар.

Кольцова *(удивленно)*. Вы можете говорить тише. Я хорошо слышу.

Старик. Не обращайтесь внимания! У нас в Брунколлене все так орут. У нас круглые сутки шумит море... и ветер... Поэтому, когда мы приезжаем в город, оказывается, что мы говорим чересчур громко.

Чумаков. Понятно, папаша Гунар.

Старик. Я должен был утром уйти в море. Сейчас самый лов сельди. Но наши рыбаки сказали: «Поезжай в столицу, папаша Гунар, и обязательно разыщи русского посла. А твою долю улова мы тебе отдадим». Я опять кричу?

Кольцова. Нет-нет...

Чумаков. В самый раз.

Старик. Так вот... *(Извлекает из кармана робы какой-то предмет, завернутый в клетчатый платок, и начинает медленно разворачивать.)* Во время обстрела эта штукавина угодила прямо в борт моего баркаса. Она была еще тепленькая. Старики сказали мне: «Передай в руки самому русскому послу, чтобы случайно не пропастилась по дороге». *(Передает ей наконец кусок металла.)*

Чумаков. Ни за что не хотел мне доверить.

Кольцова. Осколок снаряда!..

Старик. Клеймо... Там клеймо... Пастор Иенсен нам перевел.

Кольцова *(разглядывая клеймо, с волнением читает)*. «Ин Дейчланд хэргештельт...» «Сделано в Германии для немецкой армии». Вы даже не знаете, что вы

для нас сделали! Спасибо, папаша Гунар! Можно мне вас поцеловать?

Старик (*громко*). Кого?

Кольцова. Вас. Я говорю — поцеловать можно?

Старик. Меня? Конечно, можно! Знал бы — бороду сбрил!

Кольцова трижды, по-русски, целует старика.

Давненько меня никто не целовал. Эх, жаль, не видела моя старуха!.. Я, наверное, опять чересчур громко ору?

Кольцова. Ничего, папаша Гунар!

Старик. Ну, до свидания! Мне пора к старухе. Вот будет что порассказать в Брунколлене! Никто не поверит, что меня целовал сам русский посол! (*Серьезно.*) Мы все вместе с пастором Йенсенем будем молить бога, чтобы вы поскорее разделались с Гитлером.

Кольцова. Спасибо, папаша Гунар.

Свенсон. Я вас провожу.

Старик. А?

Свенсон. Вы поедете в машине посла.

Старик. Я — в машине посла? Ну, старуха просто спятит!.. (*Выходит, сопровождаемый Свенсон.*)

Кольцова (*разглядывая осколок*). Это наш козырной туз. Его бить нечем.

Входит Гончаренко.

Гончаренко (*передавая Кольцовой бумагу*). Елена Николаевна, шифровка из Москвы. (*Чумакову.*) Везет!.. (*Выходит.*)

Кольцова (*прочитав*). Вас отзывают в Москву. Восвать.

Чумаков (*радостно*). Правда? (*Спохватившись.*) Честное слово, Елена Николаевна... Ни сном ни духом... Так это же вспомнили обо мне в Наркомате морского флота!..

Кольцова огорченно молчит.

Елена Николаевна... Я знаю, сейчас здесь трудно... Но вы... вы не можете не понять...

Кольцова. Разве матери было когда-нибудь легко провожать сына на войну? (*Поднимаясь.*) Ну что ж... Пусть хранит вас судьба...

Чумаков. Мне будет очень не хватать вас... (*Целует Кольцову руку, она целует его склоненную голову.*)

Затмение

Освещается кабинет Борга. На сцене Кольцова и Борг.

Кольцова (*по-видимому, продолжая свой демарш*).
Мое правительство решительно протестует против нарушения вашей страной Гаагской конвенции 1907 года о правах и обязанностях нейтральных стран. Немецкие войска систематически следуют через вашу территорию в соседнюю страну, воюющую против нас. Через ваше воздушное пространство летят самолеты германской авиации.

Борг. Но это почтовые самолеты, мадам Кольцова.

Кольцова. Конечно, почтовые. В своих бомболюках они везут пасхальные открытки, каждая весом в полтонны. На стапелях ваших верфей строятся корабли фашистского военно-морского флота.

Борг. Это пассажирские суда, мадам Кольцова.

Кольцова. Разумеется, пассажирские. А орудийные калибры установлены на них только в качестве архитектурных украшений.

Борг. Но позвольте себе напомнить, мадам Кольцова, вы обещали предоставить объяснения по поводу обстрела нашей территории.

Кольцова. Объяснения? Вот они! (*Передает ноту.*)
Ответная нота моего правительства. (*Вынимает несколько фотографий.*) Приложение к ней — фотографии, подтверждающие направление обстрела. (*Помедлив, достает осколок.*) И вещественное доказательство — осколок снаряда, переданный мне рыбаком из местечка Брунколлен.

Борг взял осколок.

На нем есть обратный адрес: «Сделано в Германии для немецкой армии».

Борг (*растерянно, осматривая клеймо на осколке*).
Да... Действительно...

Кольцова. Ну, а карты, которые вы прилагаете к вашим нотам, а потом перепечатываете во всех ваших газетах, — это же подарок немецким артиллеристам! Бес-

платная корректировка их стрельбы! Мое правительство решительно протестует против превращения вашей страны в испытательный полигон фашистской Германии!

Борг. Я доведу это до сведения моего правительства.

Кольцова. Буду вам признательна, господин советник. *(Уходит.)*

Борг *(один, ей вслед)*. Бестия!..

Затмение

В темноте звучит голос Левитана: «От Советского Информбюро. Войска Донского фронта закончили разгром и уничтожение Сталинградской группировки противника. В ходе контрнаступления разгромлены пять вражеских армий. В связи с полной ликвидацией окруженных войск боевые действия в районе Сталинграда прекращены».

Советское посольство. Кольцова, в высоком, до горла, фартуке, растирает что-то в кастрюле. Ей помогает Свенсон, подавая различные специи.

Кольцова. Больше перца, Кристина. Как можно больше перца. Теперь попробуйте.

Свенсон *(попробовав с кончика ложечки соус и поперхнувшись)*. Добавить еще щепоточку динамита, и этим соусом можно будет взрывать мосты.

Кольцова *(занятая стряпней)*. По-испански этот соус называется «релямпа-хо» — удар молнии. В полпредстве в Мексике у нас был повар Гильермо, наполовину индеец. Он готовил эту адскую смесь и выдавал ее за соус. Сегодня эту взрывчатку мы подадим господину Хельмеру — для начала. А главное — самое острое блюдо — я ему уже приготовила.

Входит Гончаренко, неся какие-то бумаги.

Ну, пока все. Будьте любезны, Кристина, помогите мне снять фартук. *(Пока Свенсон развязывает тесемки.)* Больше всего на свете люблю стряпать. Э-эх, какая домашняя хозяйка во мне умерла!..

Фартук сброшен; и под ним на темном вечернем костюме сверкают советские ордена, иностранные кресты и звезды. Кольцова мгновенно преображается — меняется ее осанка и даже манера двигаться.

Гончаренко *(протягивая бумаги)*. Елена Николаевна! Правительство его величества имеет честь сообщ-

шить — запрещен транзит всякого транспорта из Германии.

Кольцова. Наконец-то...

Гончаренко. Вы заметили, как изменился господин Борг? Чем дальше наши войска продвигаются на Запад, тем любезнее он улыбается Востоку.

Кольцова. Еще бы! Ведь теперь не сорок первый, а сорок четвертый год. Есть еще что-нибудь?

Гончаренко (*помедлив*). Елена Николаевна... Я не хотел говорить вам сегодня... в день приема... Письмо из Москвы... От жены Ивана Никитича.

Кольцова. Что случилось? Ну, не тяните!

Гончаренко. Иван Никитич... погиб.

Кольцова (*глухо*). Известны подробности?

Гончаренко. Да. Его эсминец конвоировал американские транспорты в Мурманск. В Баренцевом море, где-то недалеко от Норвегии, их торпедировала немецкая подводная лодка. Эсминец вел огонь, уже погружаясь в воду. Ну, а потом их доби́ли с «юнкерсов»...

Кольцова (*после трудной паузы*). Проклятая, проклятая война!.. А ведь именно сегодня нам с вами необходимо, как никогда, владеть собой, своими чувствами и мыслями... И улыбаться... Сегодня нам придется много улыбаться... Особенно господину Хельмеру. Москва поставила перед нами важную задачу. В ее разрешении большую роль может сыграть именно Хельмер. В общем, так: в разгар приема я должна остаться с господином Хельмером наедине. Наш разговор возникнет случайно, совершенно случайно. Но эта случайность должна быть хорошо организована.

Гончаренко. Понимаю. Не зря говорят французы: лучший экспромт тот, который хорошо подготовлен!

Затмение

Освещается та же декорация.

Сцена пуста, но откуда-то доносится шум приема — музыка, звон бокалов, обрывки разрозненной речи. Входит, почти вбегает Хельмер. За ним Кольцова и графиня Рунге.

Хельмер (*обмахивая рот салфеткой*). Уф!.. Это не соус, а жидкое пламя... Где тут у вас огнетушитель?

Гончаренко (*вынимая из бара бутылку московской водки*). Вот он.

Хельмер. Пожалуй, это мысль! Как это по-русски говорится — клин клином. . .

Рунге. У вас лучший повар в столице, мадам Кольцова!

Хельмер. У меня такое чувство, будто я проглотил шаровую молнию!

Кольцова. Я горжусь — значит, соус удался!

Рунге. Мне кажется, это авторская гордость. Вы сами готовили? Я угадала?

Кольцова. Что ж подделаешь, из всех послов мира я в самом невыгодном положении. Приходится исполнять сразу две должности — посла и его жены.

Хельмер. А жалование одно!

Кольцова. Зато вы, господин Хельмер, оказались гораздо богаче, чем я предполагала.

Хельмер. Почему вы так решили?

Кольцова. Вы так спокойно относитесь к финансовым потерям, которые вас ожидают. . .

Хельмер (*насторожившись*). Что вы имеете в виду, мадам Кольцова?

Кольцова (*пропустив вопрос Хельмера мимо ушей*). Вы посетили последнюю выставку картин, графиня?

Рунге. Нет, еще не успела.

Гончаренко. Кстати, графиня, вы хотели посмотреть собрание мексиканских картин госпожи Кольцовой. Могут быть вашим гидом.

Рунге. Да, да! Это очень интересно! Я слышала — сам Диего Ривера писал портрет госпожи Кольцовой? Извините, господа! (*Поднимается, уходит вместе с Гончаренко.*)

Хельмер. Что же вы все-таки имели в виду, мадам Кольцова?

Вместо ответа Кольцова снимает ватного петуха, которым накрыт электрический самоварчик, и сажает его на телефон.

Понимаю. . . В наши дни так высоко развита радиотехника. . .

Кольцова. Прошу.

Садятся.

У вас ведь радиозавод в соседней стране? И даже не один, а добрый десяток? Представляю, как неприятно все это потерять...

Хельмер. Так, так... Значит, вы убеждены, что там скоро будет ваша армия?

Кольцова. Я вам это обещаю. Причем в самое ближайшее время.

Хельмер. Что ж... Вы единственная женщина на свете, которой я верю.

Кольцова. Почему именно я?

Хельмер. Потому что вы единственная женщина, которой удалось меня обмануть. Я имею в виду историю с кредитами. Вы отказались от ста миллионов, а через год получили миллиард.

Кольцова. Ах, это старая история... А сейчас пишется новая. Именно в этот момент в Москве звучит салют в честь наших доблестных войск, разгромивших немецкую группировку армии «Север».

Хельмер (*встревоженно*). Что же вы посоветуете мне делать?

Кольцова. Помочь стране, в которую вы столь опрометчиво вложили такие большие капиталы, в выборе благоразумного решения — просить Москву о перемирии.

Хельмер. Вы же знаете, кто там сейчас во главе правительства... Вряд ли они решатся порвать с Гитлером.

Кольцова. Но там есть и трезвые умы... Реальные политики.

Хельмер. Понимаю, кого вы имеете в виду... самые длинные сигары в мире... Помнится, господин министр — ваш друг по женевским конференциям?

Кольцова. Он и ваш друг. Дайте ему понять, что Москва не оставляет двери закрытыми для переговоров. Я бы сочла возможным побеседовать с ним... о литературе... о живописи...

Хельмер (*обдумав, решительно поднимается*). Завтра же я вылетаю к нему.

Кольцова (*прощаясь*). Да! Метеосводка сообщает, что там сейчас оттепель. Мокрый снег с дождем. Не забудьте захватить зонтик.

Хельмер (*удивленно*). Зонтик?

Кольцова. Зонтик!..

Хельмер уходит. Светский лоск мгновенно сходит с Кольцовой. Она устало опустилась на диван. Появляется Гончаренко.

Гончаренко. Ну как, Елена Николаевна? Что-нибудь удалось?

Кольцова. Разговор с Хельмером — это первый раунд. Бой еще впереди. Страна, в которую он вложил свои капиталы, должна быть выведена из войны. Это и есть задача Москвы.

Гончаренко. Выведена из войны?! Но как? Мы не можем даже переговоры вести с этой страной — блокированы все дипломатические каналы. И потом — это самая верная союзница Гитлера!

Кольцова. Блокированы каналы... Дорогой мой, это только в элементарной математике кратчайшее расстояние между двумя точками — прямая линия. А в пространстве Эйнштейна — это изогнутая траектория. Попробуем пойти по этой сложной кривой... Важно, чтобы Хельмер вернулся не один. *(Откинувшись на спинку дивана.)* Устала... У нас есть фотографии, где мы сняты с Иваном Никитичем. Отыщите их, пожалуйста.

Гончаренко. Хорошо. Елена Николаевна, а теперь надо идти к гостям. А то ваше отсутствие могут заметить.

Кольцова. Да-да... Вы правы... *(Поднимается и вместе с Гончаренко направляется к выходу.)*

Затемнение

Снова свет. Та же декорация.
На сцене Кольцова.

Гончаренко *(появляясь на пороге)*. Елена Николаевна, к вам господин Хельмер.

Входит Хельмер.

Кольцова. С благополучным возвращением, господин Хельмер! Как погода?

Хельмер *(без воодушевления)*. Отличная. Обильные осадки... в виде фугасных бомб разных калибров. Двести самолетов полковника мадам Гризодубовой бомбили город как раз в день моего приезда.

Кольцова. Ай-ай-ай!.. Какая неприятность!

Хельмер *(с плохо скрытым раздражением)*. Ну, я-то был в полной безопасности. Я укрылся под зонтиком, который вы так любезно посоветовали мне захватить. Сознаться, мадам, вы организовали этот фейерверк, чтобы сделать меня еще более решительным в переговорах?

Кольцова. Что вы, господин Хельмер! Мне так неприятно... Просто случайное совпадение.

Хельмер. Такое же случайное, как и приезд нашего общего друга. Совершенно случайно он уже здесь. *(Отворив дверь.)* Прошу вас, господин министр! *(Выходит, оставив дверь открытой.)*

Появляется министр соседней страны, с которым мы когда-то познакомились на дворцовом приеме.

Кольцова. Господин министр! Очень рада вас видеть... Прошу вас.

Садятся.

Да-да, мы оба не помолодели с тех пор, как виделись в последний раз.

Министр. Что ж поделаешь, стареть — это единственный способ бороться со смертью...

Кольцова. Как здоровье, господин министр?

Министр. Средне. Гипертония...

Кольцова. Советую пить клюквенный сок. Отлично снижает давление.

Министр. Зато каждая ваша бомбежка опять его повышает.

Кольцова пододвигает гостю ящичек с сигарами.

О-о! «Корона»! Мои любимые сигары!

Кольцова. Вы всегда утверждали, что этот сорт табака рождает трезвые мысли. А вам сейчас так необходим здравый смысл.

Министр. Да-а... Если говорить откровенно, немцы снабжают нас вместо сигар отвратительными капустными листьями... *(С наслаждением закуривает.)* Кто бы мог предположить, что нас с вами разделит линия фронта.

Кольцова. Так давайте вместе подумаем, как бы ее устранить. Мы оба пожилые люди, господин министр,

и можем позволить себе роскошь говорить правду. Одну только правду...

Министр. Что ж... Правда бывает иногда самой лучшей политикой. Так вот, Елена Николаевна, для нас это не так просто — выйти из игры. Даже те из нас, кто хотел бы порвать с Германией, боятся вас. Боятся, что Москва потребует безоговорочной капитуляции и превратит нашу страну в русскую провинцию.

Кольцова. Могу вам дать слово, что Советский Союз всегда будет уважать независимость вашего народа.

Министр. Это ваше слово?

Кольцова. Это позиция Москвы.

Министр. Это самое главное, за чем я сюда ехал.

Кольцова. Но, разумеется, немецкие войска на вашей территории должны быть интернированы и разоружены. Вы сами понимаете, господин министр, что советское командование не желало бы встретить эти дивизии на других фронтах.

Министр *(в раздумье)*. Разоружить пятнадцать отборных дивизий — не сыграть партию в бридж...

Кольцова. Вы позволите дать вам ан консэ амикаль — дружеский совет? Не затягивайте переговоры! Вы же понимаете, каждый день промедления дает нам моральное право ввести наши войска на вашу территорию, господин министр. А нам бы этого очень не хотелось! *(Последние слова она произносит с ласковой, почти нежной интонацией и подкупающей улыбкой.)*

Министр *(разводя руками)*. Искусство дипломатии — это умение говорить самые неприятные вещи самым приятным образом. Вы в совершенстве владеете этим искусством, мадам Кольцова.

Кольцова *(наполнив рюмки)*. Пусть все конфликты решаются за круглым столом переговоров. В сигарном дыму, а не в дыму пожарищ и взрывов!

Министр. К сожалению, законы дипломатии не всегда совпадают с законами геометрии, как сказал Клемансо. За этим круглым столом много острых углов! Разрешите откланяться! *(Встает.)* Закончив прелиминарные переговоры с мадам Кольцовой, я отбываю под бомбы мадам Гризодубовой.

Кольцова. Вот видите, значит, я не зря боролась за женское равноправие!

Министр. Поверьте, я постараюсь сделать все, что от меня зависит. Имею честь кланяться.

Гость уходит. Кольцова гасит свет. Садится в кресло, смотрит на пламя камина. Дверь за ее спиной открывается, и в полумраке возникают какие-то фигуры. В одной из них мы узнаем Гончаренко.

Гончаренко. Елена Николаевна!.. Вы только не волнуйтесь, Елена Николаевна!.. Выхожу из посольства, и... вот! *(Показывает на своего спутника.)*

Кольцова. Кто это?

Гончаренко. Не узнаете?

Вошедший. Это я...

Кольцова включает свет. Перед ней — человек в старом пальто с чужого плеча, стоптанных грубых башмаках, мятой выцветшей шляпе. На его изможденном лице сквозь многодневную небритость видна смертельная усталость. Лишь когда он снимает шляпу с забинтованной головы, в нем можно узнать Чумакова.

Кольцова *(еще как бы не веря)*. Иван Никитич!..

Гончаренко. Он самый...

Кольцова. Жив!.. Боже мой... Каким чудом? *(Вместе с Гончаренко усаживает обессиленного Чумакова в кресло.)* Откуда вы?

Чумаков. Из Норвегии... Из Тронхейма...

Кольцова. Но как вы туда попали?

Чумаков. Сейчас... Сейчас все объясню. *(К Гончаренко.)* Карту Норвегии и карандаш...

Гончаренко выбегает и вскоре возвращается с картой.

Наш эсминец потопили... Около Нордкапа. Ну, сутки болтались в открытом море... В шлюпке... Обморозились... Ночью подобрали рыбаки, норвежцы. Привезли в Тронхейм... Теперь — самое главное. *(Берет карандаш, показывает по карте.)* Вот — южная Норвегия... Берген. А тут, к югу, маленький поселок Ньюхавен... Немцы здесь строят завод тяжелой воды. Завод строят заключенные... Потом их уничтожают... Но одному... удалось бежать. Там, в Норвегии, немцы пытаются создать новое оружие... атомную бомбу. Надо им помешать... помешать во что бы то ни стало... Союзники ищут... но бомбят не там. А завод вот здесь... *(В изнеможении опускает голову прямо на карту и мгновенно засыпает.)*

Входит Свенсон.

Кольцова. Кристина, коньяку! Дайте ему коньяку!
Свенсон. Кому? (*Увидев Чумакова.*) Кто это?
(*Узнав.*) Не может быть... Что же вы стоите? (*Бросается к бару.*)

Гончаренко. Выхожу из посольства — вижу у ограды какое-то привидение. Вглядываюсь — неистовый Марат собственной персоной! Хотел тут же тащить его к врачу, а он и слышать не желает. К вам, срочно к вам, и никаких гвоздей!

Свенсон осторожно вливает коньяк из рюмки в рот Чумакову.

Чумаков (*открывает глаза*). Еще...

Свенсон. Молодец! (*Наливает еще одну рюмку.*)

Кольцова. Ну, рассказывайте... Рассказывайте!

Чумаков. В Тронхейме норвежские партизаны свели меня с тем парнем... ну, что бежал из Ньюхавена. Он коммунист. Так что все точно. Абсолютно точно. А потом... надо же было добраться до вас! Норвежские моряки запрятали меня на свою грузовую коробку... прямо в угольный бункер. И вот я здесь... Дома!.. Черт меня побери!

Свенсон, не выдержав, расплакалась.

Ну вот... Да что с вами? Да перестаньте же реветь! У вас же скандинавский характер, черт побери!

Свенсон (*сквозь слезы*). Вы забываете, что скандинавский гранит — вулканического происхождения.

Кольцова. Кристина, немедленно пошлите телеграмму его жене. (*Подходит к телефону, снимает трубку.*) Это Кольцова. Мне нужно связаться с Москвой. Да, срочно.

Свенсон. На нем целая тонна угольной пыли!

Гончаренко. А мы окунем это привидение в теплую ванну!

Кольцова. Ну, с чудесным возвращением, Марат Никитич!

Затмение

Еще в темноте звучит финал Седьмой симфонии Шостаковича. Вспыхивают аплодисменты. Свет. Королевская ложа концертного зала. Из зрительного зала появляется король в сопровождении Борга. Король приметно постарел, опирается на палку...

Борг. Все-таки странно, ваше величество... Весь зал поднялся и аплодирует мадам Кольцовой, как будто она написала эту симфонию, а не Шостакович!

Король. Вы находите это странным? А я — нисколько. Просто мой народ проявляет национальный здравый смысл. Нам повезло, что мадам Кольцова была у нас русским послом в эти трудные годы.

Борг (*задумавшись*). Да... Кто знает — если бы не она... Точнее, если бы не дальновидность Москвы... может быть, и мы быди бы ввергнуты в эту кошмарную войну.

Король. А мы до сих пор даже не удосужились наградить посла Москвы.

Борг. Я позволю себе напомнить, ваше величество, у нас в стране женщина не может быть награждена орденом.

Король. Вот она, стерилизованная монархия двадцатого века! Нечто вроде безалкогольного виски... Как же быть?

Борг. Я бы осмелился посоветовать вашему величеству даровать ей ваш портрет. Быть может, с собственной надписью.

Король. Очень нужен такой очаровательной женщине портрет какого-то древнего старика с брюзгливым характером и полным комплектом морщин! Скажу по секрету: я даже перестал писать письма — мне противно наклеивать марки с моим изображением. Ну, если нет другого выбора, прикажите ретушерам как следует поработать над моей физиономией. Так сказать, вернуть леву зубу и гриву!

Из концертного зала появляются Хельмер и графиня Рунге.
Слышны новые взрывы аплодисментов.

Рунге. Вы видели, ваше величество, как публика приветствует советского посла?

Борг. Ну, это стараются галерка и ярусы.

Рунге. К сожалению, господин советник, историю делает галерка, а не партер.

Появляется Кольцова.

Король. Поздравляю вас, госпожа Кольцова! Это настоящий триумф русского искусства!

Кольцова. Благодарю вас, ваше величество. Я счастлива сообщить вам еще об одном триумфе светлых сил. Только что я получила сообщение из Москвы. Скоро об этом узнает весь мир. В Москве подписано соглашение о перемирии с вашим восточным соседом.

Хельмер (*облегченно вздохнув*). Наконец-то!

Кольцова. Огонь прекращен по всей линии этого фронта.

Король. Это счастливая новость, мадам Кольцова!

Рунге. Кто бы мог подумать! Одна женщина разоружила пятнадцать отборных дивизий!

Король. Но у этой очаровательной женщины был неплохой дипломатический аргумент — наступление советских армий...

Борг. Железный аргумент в буквальном смысле слова.

Кольцова. Нет, господин советник, победило не только железо, не только тайки и пушки, но и добрая воля Москвы. Советский Союз имел все моральные основания ввести войска в эту страну. Но не сделал этого, верный принципам мира. В этой воле Москвы я вижу контуры будущего, когда самые острые споры будут решаться не на поле боя, а за столом переговоров. Чем губительней оружие, тем спасительней разум...

Постепенно свет меркнет, как бы отключая Кольцову от этой декорации. Продолжая свой монолог, Кольцова переходит на авансцену.

На заднике пустой сцены возникает яркое звездное небо.

(*Обращается в зал.*) Разум дал человеку крылья, направил его мысль в беспредельность вселенной, научил читать письмена созвездий. Вот там, в созвездии Скорпиона, маленькая красноватая звездочка. Ее зовут Антарес. По-гречески это значит Антимарс. Древние называли ее звездой мира... Пусть же звезда мира вечно освещает вам дорогу, мои дорогие друзья, мои дети, мои внуки!...

Занавес

Перебесенник

ДРАМА
В ТРЕХ
ДЕЙСТВИЯХ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Бондарев Сергей Трофимович — генерал.
Рубцов Иван Степанович — полковник, 42 лет.
Рубцов Алексей — его сын, капитан, 22 лет.
Шеринг Вальтер, 27 лет.
Хмелько Галя — лейтенант, 19 лет.
Цыллеников Федосей Захарович — старшина, 46 лет.
Судариков, 36 лет.
Татарников Андрей Лукьянович, 37 лет.
Аникин Павел Нилович, 45 лет.
Домбровская Ядвига — лейтенант, 23 лет.
Рахимбаев, 20 лет.
Адъютант Бондарева.
Калмыков — лейтенант.
Губкин — сержант.
Незнакомый лейтенант.
Связисты.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Березовая роща. Розовые столбы солнечного света стоят между белых берез. Быть может, эта роща служит фоном для всего действия пьесы — то пронизанная утренним солнцем, то тревожно багровая от дальних зарев войны, то серо-черная от дыма и облаков, то серебристо-зеленая от лунного света. Звучит лесное утро — птичий голоса, далекий гудок проходящего поезда.

Между деревьев появляется седой человек в пиджаке и темном галстуке. Это Сергей Трофимович Бондарев. Хотя ему уже за шестьдесят, но он не утратил энергичной четкости движений — прям, крепок, подтянут.

Бондарев. Как все позаросло кругом!.. Удивительно короткая память у природы — еще короче, чем у людей... А мы ведь здесь долго стояли... Ох как долго... Вот уже двадцать лет прошло с того весеннего дня, когда отгремели последние выстрелы войны. Давно перепаханы старые окопы... Но и сегодня продолжаются поиски героев, чьи имена затерялись тогда в дыму сражений. Тайны их судеб раскрываются иногда самым удивительным образом. В долинах Прованса и Приднепровья, в горах Кавказа и Савойи, в излуине Дона, на ледяных плато Норвегии находят их следы... Вот и я все эти годы искал человека, чье нравственное мужество открылось мне не сразу... Это случилось именно здесь, в тысяча девятьсот сорок втором году. Была глухая осень. Непролазная грязь на дорогах... О нашем фронте в сводках писали: существенных изменений не произошло. Длилась оперативная пауза. Одним словом, было затишье...

Свет гаснет.

КАРТИНА ПЕРВАЯ

На фоне рощи возникает внутренность избы. Здесь как бы соседствуют предметы привычного крестьянского обихода с военной штабной обстановкой. Множество семейных фотографий в простеньких рамках: солдаты с георгиями, красноармейцы в буденовках, красноармейцы в фуражках, колхозные трактористы, женихи и невесты. В углу — потемневший образ с мерцающей лампадкой. Большая русская печь. На стене рядом с ухватом висит автомат. На столе полевой телефон, карта. Сбоку на койке спит человек, накрывшись с головой шинелью. Рядом на полу стоят его сапоги.

Судариков, без гимнастерки, в бязевой нательной рубашке, надевает китель с полковничьими петлицами. Над карманами — боевые ордена и медали. Судариков застегивает китель на все пуговицы, подходит к мутному зеркальцу, мерцающему на стене, принимает бравую позу и охорашивается, выпячивая колесом грудь, украшенную орденами.

Судариков (*мечтательно*). Эх, в такой полной форме заснять бы на карточку, да и послать домой... чтоб Нюрка глянула. (*Вздыхнув.*) Нюрочка...

Звонит один из телефонов.

(*Снимает трубку.*) «Ястреб» слушает. Никак нет, полковник Рубцов еще в госпитале. А это откуда спрашивают? Из госпиталя?! Чудеса!.. (*В недоумении кладет трубку, подходит к зеркалу, видит в нем входящего Рубцова.*)

Полковник Рубцов в гимнастерке, одна нога в сапоге, другая в бинтах и в больничной туфле. Он приметно хромает, опираясь на костыль.

Рубцов (*рассматривая Сударикова*). Ты что это в мой мундир вырядился?

Судариков. Виноват, товарищ полковник.

Рубцов. На мое место метишь?

Судариков. Плох тот солдат, который не хочет быть генералом, как сказал товарищ Суворов. (*Поспешно снимает китель и надевает гимнастерку с петлицами сержанта.*)

Рубцов (*смеется*). Ишь ты... Всегда прав окажешься. (*Заметив спящего человека, с удивлением.*) Это кто же на моей койке развалился?

Судариков. Капитан из Москвы. С командировочным предписанием к полковнику Рубцову... к вам то есть.

Рубцов. Да что у меня, эвакупункт или вокзал? Глянь, протянул конечности, как у себя дома.

Судариков (*хитро улыбаясь*). А фамилие капитана — Рубцов Алексей Иванович.

Рубцов (*не в силах сдержать неожиданную радость*). Леша? Не может быть... (*Прихрамывая, на цыпочках подходит к койке. Неожиданно ополчившись на Сударикова.*) Тише ты... что топаешь...

Судариков (*вполголоса*). Что это вас так рано из госпиталя выписали, товарищ полковник?

Рубцов (*устало опустившись на лавку*). Если прикатят за мной доктора — не пускать. И часовым скажи.

Судариков. Есть медицину не пускать! Убегли, значит, товарищ полковник... (*Выходит.*)

Рубцов отставляет костыль и, преодолевая боль, подходит к спящему. Бережно отвернув шинель, смотрит на сына с нежностью, неожиданной в этом человеке.

Рубцов (*очень тихо, про себя*). Леша... Сынок...

Судариков (*входя, громко*). Так что приказал часовым занять круговую оборону!

Рубцов. Тсс!..

Алексей просыпается.

Алексей. Отец... (*Еще не проснувшись окончательно, вскочил в одних носках и вытянул руки по швам.*) Товарищ полковник! Капитан Рубцов по окончании разведшколы прибыл в ваше распоряжение! (*Вынимает из планшета бумаги и протягивает их отцу.*)

Рубцов (*смеясь*). Вольно! В сапоги хоть вденся... спящая красавица! (*Пока Алексей надевает сапоги, подробно просмотрел бумаги.*) Здравия желаю, капитан!

Алексей. Здравствуй, папа! (*Заметив забинтованную ногу отца.*) Что с тобой? Ранен?

Рубцов. Так... пустяки...

Судариков. Хороши пустяки — чуть ногу в госпитале не отпилили.

Алексей. А мы сейчас обследуем. Зря, что ли, я столько лет в медицинском маялся...

Рубцов (*шутливо обороняясь*). Да брось ты... (*Сударикову.*) Чем языком зря полоскать, собери-ка нам, Судариков, малую походную... (*Угловато, неловко обнимает сына.*) Лешенька!.. Стало быть, вместе воевать будем...

Алексей. Подумай, отец, какое удивительное совпадение! Между прочим, начальник школы спросил, когда вручал предписание: «Скажите, капитан, а полковник Рубцов случайно не ваш родственник?»

Рубцов. Хитер старик... Да мы с ним всю гражданскую вместе прошагали... Ну, дай хоть посмотреть на тебя. Целый век не виделись. (*Любовно рассматривает сына.*) Ничего, ничего... Молодцом! А, Судариков? Даже в плечах раздался... Но франт! Сапожки, португеза... Блеску сколько! Сразу видно — из столичного гарнизона.

Алексей (*виновато улыбаясь*). Нам всем такое выдали.

Рубцов. Ну ничего, кончится затишье — живо пооботрешься. В норму придешь.

Судариков ставит на стол флягу, открывает консервы.

Видишь, как живем? (*Наливает в стаканы.*) Шампанское марки «сырец», а на закуску — «второй фронт», или «улыбка Рузвельта». Это мы так американскую колбасу окрестили. Со свиданием!

Поднимают стаканы. За дверью слышится шум. Входит Домбровская. У нее красивое, строгое, почти аскетическое лицо. Волосы гладко причесаны. Грубая гимнастерка сидит на ней с непонятным шиком, ноги обуты в сапоги на каблучках. Мягкая польская интонация проскальзывает в ее речи.

Домбровская. Товарищ полковник, разрешите доложить. Разведчики из дивизии Жигалина взяли пленного. Офицера. Комдив велел доставить его к вам.

Рубцов (*отставив стакан*). Офицера? Не может быть! Давайте сюда!

Домбровская выходит, вынимая из кобуры ТТ. И через мгновение возвращается с немецким офицером и Калмыковым. Он еще в маскхалате, на шее у него автомат. Мундир офицера перепачкан грязью. На поясе лакированная кобура от парабеллума. Рукав мундира разорван, локоть наспех перевязан платком с ржавчиной просочившейся крови.

(*Разглядывая пленного.*) Так, так... Завоеватель... Тоже мне — Фридрих Барбаросса! (*Калмыкову.*) Где поймали?

Калмыков. Да не поймали, товарищ полковник. Можно сказать — сам поймался.

Рубцов. То есть как это — сам поймался?

Калмыков. Нормально. Выкинул белый флаг по всей форме и пришел.

Рубцов. Что с ним, ранен?

Калмыков. Да так... малость подстрелили в суматохе... пока белый флаг не разглядели...

Офицер. Хэрр обэрст, эрлаубэн зи...

Рубцов (*перебивая*). Вас пока не спрашивают. (*Калмыкову*.) Что при нем обнаружено?

Калмыков. Вот документы.

Домбровская (*переводит*). «Воинское удостоверение. Триста первая пехотная дивизия, полевой штаб. Предъявитель сего лейтенант Шеринг является офицером связи оперативного отдела штаба дивизии».

Рубцов. Вот так селезень...

Алексей. Не селезень, а целый гусь.

Калмыков (*вынимая из-за пазухи маскхалата немецкий парабеллум и какой-то альбом с рисунками*). Вот еще что у него нашли.

Рубцов (*разглядывая*). Рисунки какие-то... А ну-ка, спросите его — почему он пришел? И чье задание выполняет?

Домбровская. Вэсхальб зинд зи ди фронтлиние юбэргэтрэтэн?

Алексей (*на безукоризненном немецком языке*). Унд антвортэн зи, биттэ, нах вэссэн ауфтраг?

Домбровская с интересом взглянула на Алексея.

Офицер. Их вердэ аллес хэрри обэрст эрклерэн. Их биттэ хэрри обэрст ум айн гэшпрэх унтэр фир аугэн.

Домбровская. Товарищ полковник, он хочет кое-что сообщить вам лично. И просит удалить посторонних.

Рубцов (*пожав плечами*). Калмыков, Судариков, выйи!

Калмыков и Судариков выходят.

(*Домбровской*.) Переведите ему, что...

Офицер (*по-русски, хотя и с заметным акцентом*). Переводить не надо. Господин полковник, я могу говорить по-русски.

Рубцов (*скрыв удивление*). Что же вы хотели мне сообщить?

Офицер. Я хотел просить господина полковника отправлять меня к полковнику Полюнофф.

Рубцов. Полюнову? Интересно — зачем?

Офицер. Очень прошу. Или по крайней мере доложить обо мне.

Рубцов (*жестко*). Здесь распоряжаюсь я! Отвечайте на мои вопросы. Откуда вы знаете русский язык?

Офицер. Я его специально изучал.

Рубцов. В какой разведывательной школе?

Офицер. Я изучал дома... А потом... потом имел практика с вашими партизанами.

Рубцов. Вы их допрашивали?

Офицер. Нет, я с ними... вар фэрбундэн... имел связь.

Рубцов. Оч-чень оригинальная легенда. Чересчур оригинальная, чтобы быть правдой.

Офицер. А может быть, чересчур оригинальная, чтобы быть ложью, господин полковник? (*Внезапно отрывает петлицу воротника своего мундира и извлекает оттуда аккуратно сложенный листок бумаги. Протягивает Рубцову.*)

Рубцов (*читает*). «Василий Иванович! В связи со сложившейся ситуацией «Верный» вынужден уйти. Помогите ему. Он может быть вам весьма полезен. Твой...» Чья это подпись?

Офицер. Татарникофф. Ваш партизанский генерал.

Рубцов. А кто это «Верный»?

Офицер. Так звали меня партизаны.

Рубцов. А чем вы докажете?

Офицер. Полюнофф знает меня.

Рубцов. Откуда?

Офицер. Он меня видел.

Рубцов. Где?

Офицер. Там. Когда прилетал.

Рубцов. Что это за «сложившаяся ситуация»?

Офицер. Мне угрожал провал. Надеюсь, вы понимаете, господин полковник, если бы меня, германский офицер... как это по-русски... энтларфт, энтларфт...

Алексей. Изобличили.

Офицер. Данкэ зэр... изобличили в связях с русские партизаны, то... то я не имел бы сейчас удовольствие беседовать с вами. И я подумал, что будет гораздо полезнее, если я окажусь здесь, чем в подвале гестапо.

Рубцов. Полезней? Для кого?

Офицер. Фюр Дейчланд. Для Германии.

Рубцов. В этом-то я не сомневаюсь, что вы работаете для Германии.

Внезапно офицер покачнулся, прислонился к стене, чтобы не упасть.
Входит Судариков.

Что с вами? Судариков! В медсанбат, на перевязку!

Судариков. Ай момент! Ну, пошли, паразит! Отвоевался, Фридрих Барбоса!

Офицер (с порога). Вы меня отправите к Полюнофф?

Рубцов (усмехнувшись). А ты очень к нему торопишься?

Офицер. Так точно.

Рубцов. Не тужи — свидитесь!

Офицер и Судариков выходят.

(Домбровской.) Надо немедленно попытаться связаться по радио с Татарниковым.

Алексей. А кто такой Полюнов?

Рубцов. Полковник Полюнов — председатель штаба партизанского движения при нашем фронте.

Алексей. Так почему ты сейчас не позвонишь ему?

Рубцов. В том-то и загвоздка — до Василия Ивановича Полюнова даже по ВЧ не дозвонишься... Полковник Полюнов убит.

Домбровская. Еще на прошлой неделе.

Рубцов. И конечно, их разведка это прекрасно знает. Именно на этом факте они построили свою версию. Ход-то в общем довольно примитивный... Е-2 — Е-4.

Домбровская. Грубая немецкая работа. Как всегда, считают противников дураками.

Рубцов. Да!.. Ведь я же забыл вас познакомить, товарищи офицеры.

Алексей. Капитан Рубцов.

Домбровская. Очень приятно. Ядвига Домбровская.

Рубцов. Вы бы еще сказали — «папи Ядя»!.. (Передразнивает.) «Очень приятно»... Второй год в армии, а здороваетесь, как на семейной вечеринке.

Домбровская (вспыхнув). Пшепрашем... Извините.

Рубцов (Алексею). Представляешь — на днях вручал ей командующий медаль «За отвагу»... Так она вышла перед строем и говорит — «мерси».

Домбровская. Не «мерси», а «спасибо», товарищ начальник. Дзенькуе бардзо.

Рубцов. Ну, идите на рацию, действуйте... дзенькуе бардзо. Кровь из носа — свяжитесь с Татарниковым.

Домбровская. Есть, товарищ полковник! (Выходит.)

Рубцов (Алексею). Полячка из Варшавы... Сидела в тюрьме. Сначала у поляков, потом у немцев. Бежала. Коммунистка. Немцев ненавидит люто! Несколько раз ходила на задание — с десятков фрицев ухлопала самолично... (Поглядев на налитые стаканы.) Ну что ж, спецпаек скушает.

Берут стаканы, поднимают. Резко распахивается дагер. Входит Бондарев в кавказской бурке и папахе. Рубцов и Алексей, поспешно отставив спирт, встают и вытягиваются перед вошедшим генералом.

Бондарев. Так... Интересная картина! Я-то думая — полковник Рубцов лежит в госпитале, глотает микстуру и запивает кипяченым молочком... А что мы видим? (Снимает папаху, сбрасывает бурку. Под буркой петлицы со звездами генерал-майора.)

Рубцов. Виноват, товарищ генерал.

Бондарев. Приезжаю в эвакуогоспиталь, а мне во-снврач, заикаясь, докладывает: «Удрал ваш герой!»... Уж не в окно ли, как гоголевский Подколесин?

Рубцов. Никак нет, товарищ член Военного совета. Удрал как полагается — через дверь.

Бондарев (строго). Безобразие! Партизанщина!

Рубцов. Виноват, товарищ член Военного совета!

Бондарев. «Виноват», «виноват»... Затвердили как дятел. Потрудитесь объяснить.

Рубцов. Хотели меня в тыл эвакуировать. А у меня уже все в порядке... (Шагнул, пошатнулся) почти.

Бондарев (смягчаясь). Вот именно «почти». (Снова строго.) За недисциплинированность и самочинные действия объявляю вам выговор. (Прошелся по комнате.) Ну а за проявленный героизм и отлично проведенную разведывательную операцию по поручению Военного совета армии вручаю вам орден Отечественной

войны. *(Достал из планшета коробочку и передал ее Рубцову. Рукопожатие.)* Поздравляю, полковник.

Рубцов *(вытянувшись)*: Служу Советскому Союзу!

Бондарев обнял Рубцова и трижды по-русски поцеловал его.

Товарищ генерал, может, отметите с нами? *(Наливает.)* Тем более сын ко мне приехал из Москвы.

Бондарев *(Алексею)*. Вольно, вольно, капитан.

Рубцов протягивает Бондареву стакан со спиртом.

А насчет этого я пас, Иван Степанович, проклятая язва держит меня в монашеском чине. Даже курить бросил. *(Алексею.)* Неплохого отца выбрали вы себе, капитан. Ну и отчаюга ваш батя! Ведь, между нами говоря, вовсе не обязательно ему было возглавлять разведку. Но победителей не судят, а, как видите, награждают. Еще раз от души поздравляю!

Рубцов. Спасибо, товарищ генерал. Разрешите доложить — у нас необыкновенное происшествие. Перешел фронт немецкий штабной офицер из триста первой стрелковой дивизии.

Бондарев. Сам перешел? Офицер? Да что вы!

Рубцов. Вот, принес письмо от командира партизанской бригады Татарникова к полковнику Полюнову. Говорит, что Полюнов его лично знает.

Бондарев. Но ведь Полюнов погиб.

Рубцов. В том-то и дело, товарищ генерал. Помоему, брехня.

Бондарев. Правда часто бывает неправдоподобной. Проверить и немедленно доложить. Это крайне важно, крайне важно. С пленными-то у нас, прямо скажем, не густо... *(Поднимается.)* Ну, мне пора.

Далекий выстрел тяжелого орудия.

(Поглядел на часы.) Так и есть — четырнадцать ноль-ноль. Немцы уже пообедали и начинают артобстрел. Если у вас часы отстают, капитан, можете поставить — не ошибетесь. Что значит в обороне сидеть — даже привычки сложились. *(Взглянув на наполненный стакан, махнул рукой.)* Э-эх, была не была! Кто, в конце концов, над кем хозяин — язва надо мной или я над язвой? Шут с ней! Ваше здоровье, полковник!.. *(Выпивает, выходит.)*

Рубцов. Мировой мужик! Умница!

Алексей. Чем-то он похож на Кирова. Не находишь?

Рубцов. А чего же... последние годы он был секретарем обкома в Орле. А вообще-то кадровый военный. Политработник. Академию Ленина окончил. В Испании воевал... *(Берет стакан.)* Ну, вспомним этот день — тринадцатое октября!

Алексей. А еще говорят: чертова дюжина — несчастливое число.

Рубцов. Только предупреждаю — никаких льгот не последует. Уж не взыщи! Служба. Жить будешь в общем офицерском блиндаже.

Входит Судариков.

Судариков. Перевязали фрица, товарищ полковник.

Рубцов *(снова отставив стакан)*. Давай сюда... этого Барбароссу!

КАРТИНА ВТОРАЯ

На авансцене Бондарев.

Бондарев. Среди фронтовых будней мысль моя все снова и снова возвращалась к немецкому перебежчику. Позже, на Волге, под Яссами и Кишиневом, такая фигура, как какой-то пленный лейтенант, казалась всего лишь мелкой пешкой. Противник сдавался в плен целыми дивизиями и армейскими корпусами, во главе со своими генералами. Но тогда... осенью сорок второго, за каждого пленного давали орден. Мне хотелось проникнуть в психологическую тайну этого перебежчика. Что это — искреннее веление человеческого сердца? Или шахматный ход противника?

Открывается занавес.

Штаб армии. Хозяйство члена Военного совета Бондарева. Быть может, это блиндаж, вписывающийся в березовую рощу. А может быть, и помещение бывшего краеведческого музея в маленьком районном городке. Обычные экспонаты — чучела птиц и зверей, рыцарь в латах. На его железных плечах висит парадный генеральский

мундир. На шлем надвинута фуражка. Рядом со старинной музейной пушкой — современный пулемет РПД. Стол завален штабными бумагами. На столе фотография женщины средних лет и молодой девушки с косами.

Бондарев подходит к столу, склоняется над картой.

Появляется адъютант.

Адъютант. Товарищ генерал, какой-то Аникин просит часовых пропустить. Не то гражданский, не то военный — не разберешь. . .

Бондарев. Аникин? Не может быть! А ну давайте его сюда.

Адъютант выходит.

Неужто Пашка Аникин собственной персоной?

Входит худой человек в ватнике, обросший бородой, с изможденным лицом. Бондарев поднимается к нему навстречу.

Пашка! . .

Аникин. Серега! . .

Бондарев. Что с тобой? С какого ты света явился?

Аникин. С того. . . *(Замолчал, не в силах говорить от волнения.)*

Бондарев. Ну-ну, успокойся. . .

Аникин. Поверить не могу, что опять дома. . . со своими. . . Ведь я же в плену был, Серега. Думал — конец, не вырвусь. . .

Бондарев. Вот какая оказия. . . А я-то считал — ты до сих пор где-нибудь секретарем райкома.

Аникин. Да нет, удалось на фронт. Комиссаром батальона. А под Смоленском контузило. Очнулся в плену, в лагере. Ну вот, бежал. Живьем дошли немногие. А я — вот видишь. . . Прошу тебя, Сергей, помоги мне разыскать мою часть. Двести шестьдесят седьмая стрелковая.

Бондарев. Не волнуйся, разыщем. Только малость в себя приди, Паша. . .

Аникин *(взяв со стола фотографию)*. Лиля, Ольга. . . Где они? В эвакуации, наверное?

Бондарев молчит.

Ты что?

Бондарев. Потом. . . Об этом потом. . .

Входит адъютант.

Адъютант. Товарищ генерал, к вам полковник Рубцов.

Бондарев. Пусть войдет. (*Показывая на Анцикина.*) И вот что, капитан, распорядитесь — помыться, покормить, переодеться.

Адъютант и Анкин выходят.

Бондарев ставит фотографию на место, глядит на нее.

Появляется Рубцов.

Рубцов (*kozyряя*). Товарищ член Военного совета! Полковник Рубцов прибыл по вашему приказанию!

Бондарев. Почему задержались, полковник? Мы уж тут тревожились.

Рубцов. Не смогли проехать, товарищ генерал. Грязища — по ступицы. Всего десяток километров, а пришлось лететь на У-2.

Бондарев. Ну, докладывайте.

Рубцов. Как я и предполагал, товарищ генерал, с Татарниковым связи нет.

Бондарев (*с удивлением*). А почему вы это предполагали?

Рубцов. Потому что с самого начала для меня было ясно — все ссылки этого Барбароссы на несуществующих свидетелей строго продуманы. Прикиньте сами, товарищ генерал, — письмо от кого? От исчезнувшего Татарникова. К кому? К убитому Полюнову. Случайное совпадение или расчет на мертвые души?

Бондарев. Ну а что показывает сам Вальтер Шеринг?

Рубцов (*вынимает из полевой сумки бумаги, передает их Бондареву*). Вот протоколы допроса. Перебежчик сообщает, что у триста первой дивизии недавно появился новый сосед. Вот здесь. (*Отмечает по карте.*)

Бондарев (*углубившись в протоколы*). Дивизия, переброшенная из Европы? Очень, очень любопытно. . . Между прочим, наша авиационная разведка тоже доносит, что на узловой Кряжево наблюдается большое оживление. Если сопоставить это с показаниями вашего фрица, есть, пожалуй, над чем задуматься. . . А?

Рубцов. Если только немцы специально не послали перебежчика с этими сведениями, чтобы нас дезориентировать.

Бондарев. Это, конечно, может быть. Ну, что там еще?

Рубцов. Еще картинки какие-то при нем обнаружены. *(Передает знакомый нам альбом.)* Брали на химию — ничего.

Бондарев *(с интересом рассматривает)*. Картинки, говорите?

Рубцов. Еще передал он штабной шифр.

Бондарев. Ну и как?

Рубцов. Код оказался правильным.

Бондарев. Вот видите.

Рубцов. Так, может, это блесна?

Бондарев. Что?

Рубцов. Взять на блесну — подбросить второстепенные сведения, чтобы войти в доверие.

Бондарев. Ну а если все-таки допустить, что немец говорит правду?

Рубцов. Да разве можно хоть одному немцу верить, товарищ генерал? Что Шеринг, что Геринг — одна колода.

Бондарев *(улыбнувшись)*. Но был еще Меринг — германский революционер. И был Либкнехт, и есть Тельман...

Рубцов. Были, товарищ генерал. Были вчера. А сегодня... Война все отменила. Где сейчас их коммунисты?

Бондарев. Где их коммунисты? В концлагерях, на эшафотах...

Рубцов. А может, среди тех, кто строчит с пуза из автоматов по старикам и детям? Кто оставил одни печные трубы вместо домов? Трубы да виселицы!.. Будет в нашем сердце хоть капля жалости к немцам — значит, предали мы память наших близких! Их слезы! Их кровь!

Бондарев. Предали память близких!.. *(Взволнованно зашагал по комнате, остановился перед фотографией, стоящей на столе, взял ее.)*

Входит Цыпленков.

Цыпленков *(видя, что генерал смотрит на фото, не сразу решается начать говорить. Потом произносит тихо)*. Товарищ генерал... вас по ВЧ спрашивают... Москва.

Бондарев *(Рубцову)*. Извините, я сейчас. *(Выходит.)*

Рубцов. Что с ним?

Цыпленков молчит.

(Подходит к столу, берет фотографию, на которую смотрел Бондарев.) Кто это?

Цы пленков. Ольга Николаевна это... жена товарища генерала. И дочка ихняя, Лиля... Не успели они из Орла выехать... расстреляли немцы обеих... Дочке-то восемнадцать не сравнялось... Никого теперь у генерала нету... Никого... *(Бережно вытер и поставил фотографию на место, направился к двери.)*

Входит Бондарев.

Рубцов *(показывая на фотографию)*. Простите, товарищ генерал... Не знал я...

Бондарев *(очень тихо)*. Я вас не виню, Иван Степанович, не виню... Трудно подняться над личным горем. Очень трудно... По себе знаю... Но — необходимо! Мы, коммунисты, обязаны видеть перспективу сквозь дым войны... Вот вы говорите: Либкнехт, Тельман — это «вчера» Германии. А может быть, ее «завтра»? А? *(Пауза.)* Так вот. Только что центральный партизанский штаб подтвердил, что в городе Кряжеве действительно был немецкий офицер по кличке Верный, связанный с нашими подпольщиками. Он очень много помогал нашим людям — снабжал документами, устроил несколько побегов военнопленным...

Рубцов. Офицер-то, может, и был, товарищ генерал... Да только что из этого?

Бондарев. Понимаю. Вы думаете — офицер мог и провалиться, гестапо его упрятало, а вместо него подсунули другого?

Рубцов. Вот именно, товарищ генерал.

Бондарев. Да, скорее всего, так оно и есть... Должно быть, вы правы, Иван Степанович.

Рубцов. Человек что капуста, товарищ генерал. Сто листов сдерешь, пока до кочерыжки доберешься.

Бондарев. И все-таки давайте познакомимся с вашим немцем!

Конвоир вводит Шеринга.

(С интересом глядя на немца.) Вальтер Шеринг?

Шеринг. Яволь, господин генерал.

Бондарев. Сколько вам лет?

Шеринг. Двадцать семь.

Бондарев. *(заглядывая в протокол допроса)*. Окончили художественное училище в Лейпциге?

Шеринг. Яволь, господин генерал.

Бондарев. Вы утверждаете, что были связаны с нашими подпольщиками и партизанами. И якобы даже помогали им.

Шеринг *(волнуясь)*. Господин генерал! Я не буду лгать, что делал это только из любви к вам... к вашей стране.

Бондарев. Что ж, откровенность в вашем положении — не худший вариант.

Шеринг. Я поступал так из любви к моей родине. *(Пауза.)* И, может быть, из сочувствия к вам.

Рубцов. И из сочувствия к нам вы оккупировали нашу страну?

Шеринг. Господин полковник! Оккупирована не только ваша страна, но и моя. Мою родину — Германию — тоже оккупировали фашисты. Я сын Германии и люблю ее, как мать... я горжусь ее историей, ее культурой. Но сегодня Германия тяжело больна. То, что происходит сейчас, ведет ее к историческому позору...

Бондарев. Не только к позору — к катастрофе.

Шеринг. Да, к национальному несчастью. Если мать больна, может ли ее сын стоять в стороне, господин генерал? Я долго думал... Старался... аллес цу фэрштэнн... осмыслить, что происходит... Мой отец — инвалид первой мировой войны. Он был в плену в Россия. С тех пор в нашем доме жил интерес к русским... Отец учил меня русскому языку. Мы слушали ваше радио... пока это было возможно. И вот я попал в Россию... Правда, совсем не так, как хотел.

Бондарев. А теперь давайте рассуждать здраво — почему мы должны вам верить?

Рубцов. Ведь если разобраться — кто вы? Перебежчик. Сегодня вы предали своих, а завтра предадите нас.

Шеринг. Господин полковник, я не предаю свою родину, я ее защищаю. Перебежчик не я, а те, кто перебежал в лагерь нацистов. Но я не обижаюсь на вас, господин полковник.

Рубцов. Вы правы — в вашем положении не обижаются.

Бондарев *(вынимая из стола альбом, отобранный разведчиками у Шеринга)*. Это ваши работы?

Шеринг. Да. Я занимаюсь главным образом графикой.

Бондарев. Я бы сказал — очень своеобразная манера. Ну что ж, у вас, немцев, помнится, большие традиции в этом жанре! Дюрер, Крахан, Гольбейн Младший. . .

Шеринг. В Дрездене есть уникальное собрание Дюрера. Я сожалею, что вы лишены возможности увидеть это.

Бондарев. Ничего. Мы будем иметь эту возможность. *(Рассматривает альбом.)* В какой технике вы работаете? На металле?

Шеринг. Резцом по меди, господин генерал.

Бондарев. Так, так. . . *(Заглядывая в протоколы допроса.)* Вы показали, что у вас в штабе замечаются признаки активности?

Шеринг. Так точно, господин генерал. Недавно командир дивизии генерал Вальде ездил в штаб армейской группы. . . какое-то секретное совещание.

Бондарев. Стало быть, вы предполагаете, что готовится наступление?

Шеринг. Не знаю, господин генерал.

Бондарев *(прошелся по комнате, подошел к Рубцову)*. Да вы ранены, полковник, у вас кровь на гимнастерке?

Рубцов. Пустяки! Так, царапнуло. . . «Мессер» нас перехватил, когда сюда летели. Потому и задержались.

Бондарев. «Мессер»? Как же вы ушли от него на У-2?

Рубцов. Летчик попался — орел! С виду дробненький, как из детского сада, но — тигр!

Бондарев *(смеется)*. Стало быть, орел и тигр в одном лице?

Рубцов. Именно, товарищ генерал. Представляете себе — идем бреющим. . . Да он сам лучше расскажет, товарищ генерал.

Бондарев *(вызвав адъютанта)*. Товарищ капитан, летчика ко мне.

Адъютант *(отворяет дверь)*. Младший лейтенант, к генералу!

Входит летчик — молодой, стройный, похожий на мальчика. Он в унтах, комбинезоне и шлеме. При виде члена Военного совета летчик замирает в позиции «смирно», лихо, с фронтовым вывертом приложив руку к шлему.

Рубцов (*подходя к летчику*). Вот он, чертяка. Без него не сюда бы нам прилететь, а на тот свет. Ну и парены! (*Хлопнул летчика по плечу так, что тот пошатнулся.*)

Бондарев. Может, сто грамм? Как говорят украинцы — после переляку?

Летчик (*неожиданно тонким и нежным голосом*). Я не пью, товарищ генерал.

Рубцов, пораженный догадкой, поворачивается и снимает с летчика шлем. По плечам комбинезона рассыпались длинные золотистые волосы.

Рубцов (*в изумлении*). Баба!.. Виноват, женщина... Вот так история! А мы при ней всех родственников поминали. когда «мессер» налетел!

Бондарев. Дайте на вас посмотреть... гибрид тигра и орла! Прямо Жанна д'Арк! Позвольте, я вас откуда-то знаю.

Летчик. Товарищ генерал-майор, так вы же мне орден вручали на прошлой неделе. (*Резко, по-уставному, повернув голову налево.*) Младший лейтенант Хмелько.

Шеринг с восхищением и изумлением смотрит на девушку. Бондарев перехватывает его взгляд.

Бондарев (*адъютанту, показывая глазами на Шеринга*). Товарищ капитан, мы пока закончили. (*Делает жест рукой «увести».*)

Адъютант уводит Шеринга.

Значит, вы и есть та самая знаменитая Галя Хмелько. Чем это вы так немцам насолили, что они вас чуть не каждый день поминают?.. По радио грозятся подбить...

Галя. А мы им спать не даем, чуть ночь придет — висим над их окопами и кидаем подарки. Вот и надоели им хуже комаров...

Бондарев. Как же это вы от фрица уленетывали на вашей этажерке?

Галя. Смеяться будете, товарищ генерал. Идем над населенным пунктом Дерюгино. А там как раз церквушка! Вот мы и стали виражи вокруг колокольный закладывать. (*«Рассказывает» руками, как это обычно делают летчики.*) «Мессер» как ни нацелится — все мимо да

мимо. У него же другой радиус разворота, чем у нашего У-2. Покружился, покружился — так ни с чем и отвернул. Видно, расстрелял боекомплект. Наверное, с полчасика крутились. Комедия!

Бондарев (*серьезно*). Да уж куда смешнее... Безоружные — против «мессершмитта»...

Галя. Вот товарищ полковник бил по «мессеру» из пистолета.

Рубцов. И, так сказать, словесными очередями... (*Посмотрел в сторону Гали.*) Извините, товарищ младший лейтенант.

Бондарев (*глядя на девушку*). Галя... А мою дочь зовут Лиля... (*Поправился.*) Звали... Можете быть свободны, товарищ младший лейтенант. Спасибо. (*Поцеловал ее в лоб.*)

Галя выходит.

Рубцов. Что делать с немцем, товарищ генерал?

Бондарев (*в раздумье*). Если бы все было провокацией, он, несомненно, указал бы направление удара и срок, чтобы ввести нас в заблуждение. Он сказал — «не знаю». Это аргумент в его пользу. (*Приняв решение, вставая.*) Прежде всего необходимо проверить и уточнить эти сведения и данные авиационной разведки — срочно послать человека в армейский тыл противника. Задание очень сложное. Сегодня же буду говорить об этом в разведотделе фронта. Хорошо бы найти человека с безукоризненным знанием языка...

Рубцов (*после паузы*). Есть такой человек, товарищ генерал.

Бондарев. Кто такой?

Рубцов. Капитан Рубцов.

Бондарев. Сын?

Рубцов. Так точно.

Бондарев. Уж больно молод...

Рубцов. С начала войны — в разведке. Был на серьезных заданиях, в том числе агентурных. Как особо отличившийся, был послан в Москву на переподготовку.

Бондарев. Значит, сын... (*Помолчав, подошел к Рубцову, взял его за плечи.*) Вот она жизнь, Иван Степанович...

Рубцов. Служба, товарищ генерал. Война...

Бондарев. Да, война! Будь она проклята! (*Пауза.*)

План для капитана Рубцова разработайте с нашей фронтовой разведкой и доложите мне.

Рубцов. Есть! А «крыша» у меня на примете.

Бондарев. Крыша? Ах да! На вашем языке — это версия...

Входит адъютант.

Адъютант. Товарищ генерал! К вам лейтенант Домбровская из разведотдела. Говорит — по неотложному делу.

Бондарев. Проси.

Адъютант выходит.

Рубцов. Что-то стряслось...

Входит Домбровская.

Домбровская. Товарищ генерал, разрешите обратиться к полковнику. Только что расшифрован радиоперехват противника... Армейский штаб запрашивает триста первую дивизию, есть ли сведения от агента, переброшенного к нам тринадцатого октября.

Рубцов. Тринадцатого октября?

Домбровская. День, когда появился Шеринг. Вот текст немецкой шифровки. *(Передает бумагу Рубцову, тот — Бондареву.)* Все сходится, как мы и предполагали.

Рубцов. Как в пасьянсе. Вот тебе и Барбаросса! *(После паузы, скосив глаза на Бондарева, с очень грубого спрятанной иронией.)* Что же будем делать с немцем?

Бондарев *(огорченно)*. Продолжать проверку! Как вы выражаетесь — добираться до кочерыжки.

Рубцов *(пожав плечами)*. Разрешите идти?

Бондарев. Идите.

Рубцов и Домбровская выходят. Бондарев в раздумье шагает по комнате. Появляется Аникин. Он свежевыбрит и одет в новую шинель.

Бондарев. До чего же ты отошал, Пашка! Ровню половина осталась.

Аникин *(пытается улыбнуться)*. Половина — зато лучшая.

Бондарев. Смешно, Пашка, ей-богу... Всю жизнь ты мечтал похудеть...

Аникин. И не говори. . . Мотался по району, работал до измору, а все толстел. Гимнастику делал, на строгой диете сидел. . .

Бондарев. Какие пироги твоя Таисия пекла — ты и не притрагивался.

Аникин. Положим, это вы с ней думали, что не притрагивался. А я их по ночам из буфета воровал. Мне потом эти пироги в лагере снились, в Кряжеве.

Бондарев. погоди! Где, говоришь? В Кряжеве?

Аникин. Ну да! В кряжевском лагере.

Бондарев. А ты случаем не слыхал такую фамилию — Шеринг? Вальтер Шеринг?

Аникин. Шеринг? Нет, не слыхал. А кто это?

Бондарев. Так, один немецкий офицер. Говорят, будто помогал нашим.

Аникин. Был такой офицер. Но имя — другое. Точно помню — другое.

Бондарев. А ты его видел?

Аникин. Один раз довелось. Если бы не он, не сидел бы я сейчас с тобой.

Бондарев. Но ты бы его узнал?

Аникин. Шут его ведает. . . Видел-то всего один раз. . . Да и то в полутьме. . . А какое это имеет значение?

Бондарев. В общем, так. . . Поедешь со мной.

Аникин. Зачем?

Бондарев. Ты увидишь Вальтера Шеринга. . . Если это только действительно Вальтер Шеринг!

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Декорация первой картины. Разведотдел армии. На сцене Рубцов.
Входит Домбровская.

Рубцов (*поглядев на Домбровскую*). Слушайте, лейтенант, что это за прическа у вас сегодня? Будто на бал собрались.

Домбровская. Просто хотелось напомнить, что я женщина.

Рубцов (*немного встревоженно, приняв это, по-видимому, на свой счет*). Кому напомнить?

Входит Алексей.

Домбровская (глядя на Алексея). К сожалению, наверное, только самой себе...

Алексей. Капитан Рубцов прибыл по вашему приказанию.

Рубцов. Вольно! Садись, Алеша. Есть серьезный разговор. Необходимо послать человека туда, в тыл. Задание Военного совета и разведотдела фронта.

Алексей. Слушаю, отец.

Рубцов (вынимает из сейфа бумагу, протягивает Алексею). Вот... Что ты об этом скажешь?

Алексей (просматривая документ). «Маршбэфель. Дер санитэтсгэфрайтэр Конрад Клауберг вирд мит зофортигэр виркунг цур фельдгруппэ абгэштелт...» «Ефрейтор санитарной службы Конрад Клауберг направляется для прохождения службы...»

Рубцов. Этого фельдшера мои разведчики взяли в плен по дороге в госпиталь, к месту службы.

Алексей (погладев на отца). И вместо него в госпиталь может прибыть другой?

Рубцов. Не исключено.

Алексей. А говорят — бога нет! (Показывая на небо.) Старик все оттуда предусмотрел! Теперь я понимаю, зачем я в медицинском институте небо коптил.

Рубцов. погоди, не горячись. Подумай хорошенько.

Алексей. Я уже подумал. Жду ваших приказаний, товарищ полковник.

Рубцов. Я знал, что ты так скажешь.

Домбровская (с внезапным волнением). Иван Степанович... Но это же... это... (Не в силах совладать с собой, резко поворачивается и выходит.)

Алексей. Что с ней?

Рубцов. Не знаю... Нервы... (Помолчав.) Эх, Алеша, сынок... Не гадал я, что надо будет принимать мне такое решение... Трудно тебе там придется.

Алексей. Ну что ты, отец! В первый раз, что ли? Все будет ин бэстэр орднунг. Пэрфэкт, как говорят немцы.

Рубцов (стараясь быть спокойным). Необходимо разработать операцию под ажур. Во-первых, предписание надо изготовить на другую фамилию.

Алексей. Ясно. Клауберга могут там знать в лицо.

Рубцов. Документ уже делают в разведотделе фронта. А вообще-то, Алеша, вариант перспективный...

Нигде так не развязываются языки, как на больничной койке...

Входят Бондарев и Аникин.

Бондарев. Держу пари, полковник, ломаете голову: за каким шутом Бондарев приехал? Этот немец... Шеринг, здесь? Давайте его сюда.

Рубцов (Алексей). Введите пленного.

Алексей выходит.

Бондарев. А пока знакомьтесь — батальонный комиссар Аникин. Сегодня только добрался до нас из плена.

Алексей и Домбровская вводят Шеринга. Бондарев внимательно глядит на Шеринга и Аникина, оценивая ситуацию.

Пауза.

(Шерингу, показывая на Аникина). Вы узнаете этого человека?

Шеринг (взглянув на Аникина). Нет, господин генерал.

Бондарев. Поглядите внимательно.

Шеринг. Нет, господин генерал, не узнаю.

Снова воцаряется пауза.

Аникин (шагнув к Шерингу). Кряжево... Станция... Мы грузили уголь... Помните? (Вынимает бумагу.) Вы же достали мне этот документ... удостоверение полевой жандармерии.

Шеринг (поглядев на документ). О-о! Натюрлих! Только это я не доставал... это я делал. Делал сам. Простите, но вы были тогда... мит айнем гроссэн бард... с большой борода. И очень черный от уголь... Как один африканский негус. Конечно, узнаю! Зэльбстфэрштэнд-лих! Вам удалось добраться сюда? Я очень рад... Я счастлив!

Аникин. Спасибо вам... спасибо... товарищ Верный! (Взволнованно жмет руку Шерингу.)

Бондарев (рассматривая документ Аникина, Шерингу). Вы сами сделали этот аусвайс?

Шеринг. Так точно, генерал! Ведь я — график! Мой отец был... как это... купфэрштэхэр... гравер. Отец и я... мы работали в цинкографии.

Бондарев. А вы могли бы изготовить что-нибудь посложнее? Скажем, штабной пропуск?

Шеринг. Постараюсь, господин генерал.

Бондарев (*указывая на Шеринга*). Препроводите его в цинкографию армейской газеты. Обеспечьте ему все необходимое.

Рубцов. Лейтенант Домбровская, займитесь.

Домбровская (*расстегивает кобуру, чтобы вынуть пистолет, но, перехватив осуждающий взгляд Алексея, застегивает ее*). Проще бардзо. (*Выходит вместе с Шерингом.*)

Бондарев. Вы должны понять, полковник, какой клад попал нам в руки.

Рубцов (*вытянувшись*). Есть, товарищ генерал.

Бондарев. Что — «есть»? Вы-то со мной согласны?

Рубцов. Нет, товарищ генерал. Я давно уже не верю в сказки о кладах, товарищ генерал. (*После паузы.*) Мне бы хотелось поговорить с вами без посторонних, товарищ генерал.

Бондарев. Что ж... (*Аникину.*) Паша, я сейчас...

Аникин и Алексей выходят.

Я вас слушаю.

Рубцов. А как же с радиоперехватом, который мы расшифровали? Ведь из него совершенно ясно, что Шеринг — агент?

Бондарев. Но вы же прекрасно понимаете, полковник, что после побега Шеринга немцы заменили шифр. А старым шифром они воспользовались в последний раз, чтобы скомпрометировать Шеринга в наших глазах.

Рубцов. Но пока это только гипотеза, не больше.

Бондарев. Не гипотеза, а явная провокация. Ну, поехали в штаб. (*Выходит.*)

Затмение

Снова разведотдел армии. Над окном висит клетка с попугаем. Домбровская печатает на машинке. Судариков засыпает попугая корм.

Судариков. Ишь переборчивый какой! Интеллигенция... Нос воротит. Жри, военнопленный...

Входит Алексей.

Алексей. Попугай? Откуда?

Судариков. Трофейный. Конкин приволок... наш разведчик. Прямо за пазухой. Ночью ходили они туда... кинули в блиндаж противотанковую «тещу» — дюжины фрицев как не бывало! А у попугая только легкая контузия. Нынче с утра оживел. Только разговаривать отказывается...

Алексей. Может, это не попугай, а эрзац немецкий? Крашенная ворона?

Судариков. Уж чего-чего, а в этом предмете понимаю. Я ведь в гражданке колхозной птицефермой заведовал. У меня этих птичьих душ без малого тыща была. Ай момент! (*Попугаю.*) А ну скажи — «Гитлер капут!» Бастует, фриц паршивый... Вот какая гордая насекомая...

Домбровская (*оторвавшись от машинки*). Гемютлих — как будет по-русски? Выскочило из головы...

Алексей. Уютно.

Домбровская (*переводит*). «Блиндажи должны быть уютными». Приказ немецкого генерала.

Алексей. Уютными? Смешно...

Домбровская (*жестко*). Смешно? По-моему, отвратительно! Они пол-Европы сожгли... разрушили... оставили без крова! Мерзавцы! А блиндажи у них, видите ли, должны быть уютными. Гэмютлих!

Алексей. Только... Вы не обидитесь? Окончание получается у вас слишком жестким. Гэмютлих.

Домбровская. Какая разница?.. Отвратительный язык. Кончится война — на второй день забуду этот собачий лай. Ненавижу! Ненавижу!

Алексей. Ну, знаете ли, это просто бессмысленно. И глупо. При чем тут язык?

Домбровская. А вас когда-нибудь допрашивали на этом языке? А вам когда-нибудь командовали: «Хинлегэн! Ауф!» — «Встать! Лечь! Встать! Лечь!» И вы падали лицом в осеннюю грязь, на лагерном плацу, в помой... в отбросы... в дерьмо... «Хинлегэн! Ауф! Хинлегэн! Ауф!» (*Внезапно задохнулась слезами.*)

Алексей (*растерянно*). Простите меня... Простите... Ну, успокойтесь... Не надо... (*Обнял ее за плечи.*)

Домбровская (*повернувшись к нему и улыбаясь сквозь слезы*). И вы меня простите... Ну, давайте поупражняемся. Гэмютлих...

Алексей. «Ха» в конце должно звучать почти как «ша».

Домбровская. Откуда вы так хорошо знаете немецкий?

Алексей. Моя мать преподавала немецкий. Я изучал его с детства. Еще мальчишкой я мечтал стать разведчиком, как отец... Но родители решили за меня, что я должен стать врачом. Как видите, жизнь распорядилась в мою пользу. А ну, продолжим. Их биттэ дих...

Домбровская. Их биттэ дих... Их вартэ ауф дих... Их либэ дих... Их либэ дих...

Алексей. Вот-вот, уже лучше. Постарайтесь еще точнее.

Домбровская. Точнее? (*Посмотрев на него в упор.*) Я тебе кохам. (*Повернувшись, вышла.*)

Алексей удивленно смотрит ей вслед.

Судариков. Что это будет — их либэ дих?

Алексей. Это значит — я тебя люблю.

Судариков. А-а... (*Попугаю.*) Ешь, дурак трофейный. Заряжайся с дула... Их либэ дих... Ферштеен?

Рубцов (*входит*). Спустишь-ка в погреб, Судариков, сними с этого фельдшера обмундирование и башмаки. Доставь сюда.

Судариков. Ай момент!

Рубцов (*Алексею*). Значит, так — выбрасываться лучше всего здесь, в районе Гряжского леса. Выйдешь в этом квадрате, пойдешь по азимуту тридцать градусов. Здесь немцы построили рокадную дорогу. Прямо до госпиталя.

Алексей. Ясно.

Рубцов. Вылетишь послезавтра в двенадцать ноль-ноль. Я договорился со штабом воздушной. Повезет тебя лейтенант Хмелько. (*Поглядев на часы.*) Я ее уже вызвал.

Алексей. Ясно.

Рубцов. Да, между прочим, о чем ты сегодня утром в разведотделе фронта с этим Барбароссой совещался?

Алексей. Он сообщил мне много интересного: об обстановке там... Дал список офицеров, их характеристики, связи.

Рубцов (*встал, зашагал по комнате*). Не нравится мне это... Как бы тебе не провалиться на его информа-

ции. Может, всё это — ловушка? Такой, брат, бильярд получится — вместо шара собственную голову в лузу загнать можно!..

Алексей. Но ведь Аникин подтвердил...

Рубцов. «Аникин», «Аникин»... А кто он, этот Аникин, ежели его с наждачком пошкурить? Ведь в плену был... Вот, чувствую, клюнул Бондарев на подсадную утку... Велел этого Барбароссу освободить, конвоира снять... Я, конечно, приказ выполнил — с автоматом за ним не ходят. Но, будь уверен, здесь, брат, каждая береза глазами укомплектована. А вообще надо было бы этого перебежчика сдать в особый отдел Бубенцову — и дело с концом.

Алексей. Но мы совершили бы ошибку.

Рубцов. Знаешь что, если рассуждать по-государственному, то лучше... как это сказать... совершить ошибку в эту сторону, чем в ту...

Алексей. Что? Что ты сказал? Извини меня, отец, но я ничего не понимаю!.. То, что ты говоришь, — это...

Рубцов. Молод, горяч. Хлебнешь жизни — поймешь. Да какое право имеем мы ему верить? Перебежчик есть перебежчик.

Судариков *(входит)*. Разрешите доложить, товарищ полковник. Так что обмундирование с пленного фрица с боем захвачено!

Рубцов. Как это — с боем?

Судариков. Не отдавал, гад ползучий! Кусаться стал, кобель бешеный! Вот — палец наскрозь так и просадил!

Рубцов. Смотри, Судариков, взбесишься! Может, тебя в госпиталь послать — укол сделать?

Судариков. Пришлось ему сапогом поддать... по центру тяжести.

Алексей примеряет френч прямо на гимнастерку.

Рубцов. Да он тебе, никак, впору?

Входит Шеринг. Он в красноармейской шинели без петлиц и знаков различия, в ушанке без звезды.

Шеринг *(щелкнув каблуками)*. Господин полковник! Разрешите обратиться к господину капитану? *(Алексейю.)* Сегодня утром я называл вам фамилии... Я много

вспоминал... Я думаю, весьма полезный для вас есть обер-лейтенант медицинской службы доктор Отто Герхард Фогельзанг. У него маленькое звание... Но его отец у нацистов... как это сказать?.. айн гроссэр партайбонцэ... большой партийный шишка... И все важные начальники имеют перед этой маленький лейтенант большой рэшпэкт... хотят иметь с ним дружба.

Алексей. А кто? Кто именно?

Шеринг. Особенно начальник штаб дивизия. Это очень важно. Майор Фришенгут, его... как это говорить?.. его однобутыльник.

Алексей (*смеясь*). Собутыльник.

Шеринг. Да, да, собутылкин! Постарайтесь сделать с ним знакомство... Айнэ бэкантшафт махэн. Это очень, очень полезно.

Алексей (*повторяя про себя*). Доктор Отто Герхард Фогельзанг.

Рубцов (*протягивая Шерингу пачку папирос*). Курить хотите?

Шеринг. Благодарю, господин полковник. Я уже привык к махорка. (*Вынимает кiset, пытается свернуть козью ножку.*)

Алексей. К махорке привыкли, а заворачивать по-русски не научились еще. Дайте я вам сверну!

Шеринг (*смеясь*). Как это называется по-русски? «Козья нога»? Цигэнбайн? Это искусство немцам неизвестно.

Рубцов. Ну, Алеша, пошли к портному. (*Сударикову, незаметно указывая на Шеринга.*) Останешься здесь. (*Шерингу.*) Помните — за свою информацию отвечаете головой!

Шеринг. Господин полковник, вы мне так часто об этом напоминаете, как будто у меня не одна голова, а несколько.

Рубцов. Голова-то всегда одна... а вот лица может быть и два... (*Выходит с Алексеем.*)

Судариков наигрывает на баяне. Шеринг подходит к окну, вынимает блокнот и начинает что-то рисовать. Заметив это, Судариков, заподозрив пеладное, пытается заглянуть, что рисует немец. Шеринг как раз переворачивает листок и снова начинает что-то рисовать. Входит Галля. На этот раз она в гимнастерке, пилотке, брюках, заправленных в сапоги. На ремне ТТ в большой кобуре. Через плечо авиационный планшет с картой.

Г а л я (*озабоченным, деловым тоном, Сударикову*).
Полковник у себя?

С у д а р и к о в. Скоро вернется.

Ш е р и н г (*заметив Галю, поспешно сложил и спря-
тал блокнот*). Я представлял вас раньше совсем другой.

Г а л я. Когда это — раньше?

Ш е р и н г. Там, на той стороне. Я видел ваше фото
в немецких листовках.

Г а л я. Вы были у немцев в тылу?

Ш е р и н г. Так точно, был. Мне вы казались большой,
могучей, как греческая амазонка. Или — как Ника Са-
мофракийская.

Г а л я. Это богиня? Спасибо за комплимент. У нее
же нет головы.

Ш е р и н г. Зато у нее за спиной крылья... как у вас.

Г а л я. Вы говорите с акцентом — вы не русский?

Ш е р и н г. Нет.

Г а л я. Наверное, латыш?

Ш е р и н г. Нет.

Г а л я. Эстонец?

Ш е р и н г. Нет.

Г а л я. Во всяком случае, из Прибалтики. У нас в вол-
ку есть девушка оттуда, так она вроде вас разговари-
вает. А что это вы рисовали?

Ш е р и н г. Небо... Деревья... Птицы...

Г а л я. Покажите.

Ш е р и н г (*поколебавшись*). Пожалуйста. (*Вынимает
блокнот.*)

Г а л я (*переворачивая страницы*). Небо... деревья...
птицы... А это? (*Вопросительно посмотрев на Шеринга.*)

Ш е р и н г. Это — вы.

Г а л я (*пораженная*). Когда это вы меня нарисовали?

Ш е р и н г. Задолго до того, как вы сюда пришли.

Г а л я. Странно... Почему? (*Переворачивая страни-
цы.*) Я! Опять я! Еще! Комедия! (*Смеется.*) Послушайте,
что это вы так однообразны?

Ш е р и н г. Это не однообразие — это верность теме.

Г а л я. Можно взять один рисунок?

Ш е р и н г. Пожалуйста. Можно все.

Г а л я (*вырвав страничку*). Спасибо. Бабушке по-
шлю.

Ш е р и н г. А ваша бабушка где?

Г а л я. В Чулыме. Знаете, городок такой в Сибири? Вы были в Сибири?

Ш е р и н г. Нет. *(Усмехнувшись.)* Но, возможно, туда попаду.

Г а л я. Обязательно поезжайте! Вот сегодня получила от бабушки письмо. «Внученька, остерегайся сквозняков! Переходи осторожно улицу!» Комедия!

Ш е р и н г. Ну и как вы там у себя *(показывает на небо)* переходите осторожно улицу?

Г а л я. Стараюсь... Только у меня к вам просьба... Пожалуйста, больше никогда меня не рисуйте.

Ш е р и н г. Вам не нравятся мои рисунки?

Г а л я. Ну что вы! Просто у нас в полку считается нехорошо... вроде приметы. Глупости, конечно... Но почему-то так получается: как чей-нибудь портрет нарисуют — так обязательно собьют. На днях художник приехал из Москвы, так, знаете, никто из девчат не захотел ему позировать. Даже неудобно вышло. Замполит целую беседу провел о предрассудках... Не обижайтесь, пожалуйста! Я тоже хочу что-нибудь вам подарить на память. *(Роется в карманах. Потом вспоминает — открывает планшет.)* Вот, платочек. Хотите?

Ш е р и н г. Спасибо. *(Рассматривает узор на платочке.)* Это называется... вышивка?

Г а л я. Да.

Ш е р и н г. Бабушка вышивала?

Г а л я. Нет, это я.

Ш е р и н г. Вы? Когда же?

Г а л я. Между вылетами. Сидишь под плоскостью по тревоге номер один. Ну, и от скуки... Пока оружейники кассеты с бомбами подвешивают... *(Вздыхнув.)* Очень люблю вышивать гладью. А у вас есть бабушка?

Ш е р и н г. Есть.

Г а л я. Где она?

Ш е р и н г. В Нойдаме.

Г а л я. Это какой же области?

Ш е р и н г. Если считать по-вашему, наверное, берлинской.

Г а л я *(растерянно)*. Почему — берлинской?

Ш е р и н г. Потому что я — немец.

Г а л я. Вы — немец? Шутите...

Ш е р и н г. Есть вещи, которыми шутить нельзя. Да, я немец. Вам это неприятно? Что ж... я понимаю... Для

вас я только один из тех... объект бомбежки. Цель — не больше. Вы видите любого немца не иначе как в перекрестии прицела!..

Галя молча возвращает Шерингу блокнот с рисунками, отворачивается.

Входят Рубцов и Алексей. Алексей в немецком мундире, подтянутый, в очках с золотой дужкой — он выглядит чрезвычайно достоверно.

Алексей (*Шерингу*). Нун, ви зээ их аус? Биттэ — оффэнхэрцлих!

Шеринг. О-о, прима! Ви айн эхтэр дейтше! (*Отдает команду.*)

Алексей выполняет ее с поистине прусской четкостью.

Им гляйхшритт — марш! Абтайлюнг — хальт! Ганц абтайлюнг — кэрт ум! (*Одобрительно, Алексею.*) Зэр гут...

Рубцов (*Шерингу*). Прошу выйти!

Судариков и Шеринг выходят.

Галя (*козырнув, Рубцову*). Товарищ полковник! Младший лейтенант Хмелько — в ваше распоряжение!

Рубцов. Ну как жизнь, младший лейтенант?

Галя. У нас в полку говорят — живем в рифму, товарищ полковник.

Рубцов. Как это — в рифму?

Галя. Ночью летаем — днем отдыхаем.

Рубцов (*смеясь*). А-а... (*Серьезно.*) Значит, так, товарищ младший лейтенант. В ночь с двадцатого на двадцать первое перелетите через линию фронта. С вами будет пассажир. (*Вынимает из сумки карту, показывает.*) Выбросите его на парашюте вот в этом квадрате, в районе Гряжского леса.

Галя. Ясно, товарищ полковник.

Рубцов (*указывая на Алексея*). Вот ваш пассажир.

Галя (*невозмутимо*). Есть, товарищ полковник.

Рубцов (*несколько озадаченно*). Что же вы не удивляетесь — фрица повезете.

Галя. Мне удивляться не положено, товарищ полковник. Мне положено доставить. (*После паузы.*) Если тут у вас по каждому поводу удивляться — так воевать некогда будет.

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ

На просцениуме в луче прожектора появляется Б о н д а р е в.

Б о н д а р е в. Прошло почти две недели с тех пор, как капитан Рубцов был переброшен в армейский тыл противника. Хотя в сводках Информбюро о нашем участке фронта по-прежнему говорилось — «ничего существенного не произошло», но по сотне мелких признаков мы угадывали, что противник производит большую перегруппировку сил. Для чего? Для какой цели? Надо ли вам рассказывать о том значении, которое мы придавали опасной миссии капитана Рубцова? Но капитан Рубцов молчал.

Освещается разведотдел армии. Р у б ц о в диктует Д о м б р о в с к о й, которая печатает на машинке. У нее прежняя гладкая прическа.

Р у б ц о в. «Начальнику разведотдела фронта. Донесение. Перед фронтом армии на сегодня действуют шесть пехотных дивизий противника, численностью сорок две тысячи штыков. Двести двадцатая пехотная дивизия со штабом в населенном пункте Крутогорск...»

Звонит телефон.

(Снимает трубку.) «Ястреб» слушает... Так... так... ясно... (Помрачнев на глазах, кладет трубку.)

Д о м б р о в с к а я (осторожно). Опять ничего от капитана Рубцова?

Рубцов (*овладев собой, продолжает диктовать*). «...со штабом в населенном пункте Крутогорск, состоит из двух мотопехотных полков...» (*Заметив, что Домбровская перестала печатать*.) Что же вы не печатаете?

Домбровская. Извините...

Рубцов (*продолжая диктовать*). «...из двух мотопехотных полков и одной танковой бригады, численностью...»

Тихо, на цыпочках входит Судариков, стараясь шагать бесшумно в своих кирзовых сапогах. В руках у него блюдечко с водой и кулек с пшеном.

(*Не меняя интонации*.) Какого черта являются в целоположенное время?

Домбровская недоуменно смотрит на Рубцова.

(*Внезапно повернувшись к Сударикову и повысив голос*.) Распустились! Безобразия!

Судариков (*выронив блюдце*). Извините, товарищ полковник!

Рубцов (*увидев рассыпавшийся корм*). Это еще что такое?

Судариков. Пшено, товарищ полковник. Довольствие для военнопленной птицы системы «попугай».

Рубцов. Мещанство развели! Выкинуть ко всем чертям!

Судариков. Есть выкинуть ко всем чертям! (*Берет клетку*.) Только жалко, товарищ полковник. Больно сознательная животная.

Рубцов. Добренькие мы все стали... Всех нам жалко: попугаев немецких... и немцев... Христос всех прощал, а что получилось? (*Сударикову*.) Что получилось, спрашиваю?

Судариков (*вытянув руки по швам*). Распяли, товарищ полковник.

Рубцов. Ну держись, Барбаросса! Не вернется Алешка — я из тебя самого «козью ногу» сделаю! (*Сломал руками воображаемую козью ножку, резко повернулся, вышел*.)

Судариков (*попугая*). Вишь, какие дела, оккупант! Надо было тебя в блиндаж к связисткам снести. Девчата — нация жалостливая. Эх!.. Хорошая мысль приходит опосля!

КАРТИНА ПЯТАЯ

Перед занавесом. На просцениуме темно. В луче прожектора часовой Рахимбаев с автоматом на шее.

Рахимбаев (*всматриваясь вдаль*). Стой! Кто идет?

Появляется человек в драном крестьянском полушубке, в старой шапке, небритый.

Человек в полушубке. Свои.

Рахимбаев. Кто — свои?

Человек в полушубке. К генералу Бондареву. Срочно. Да опусти ты свою пушку!

Рахимбаев. Отойдн, стрелять буду!

Человек в полушубке (*решительно шагнул к часовому*). Крикни адъютанта.

Рахимбаев (*кричит*). Уйди, говорю!

На шум выходит заспанный Цыпленков.

Цыпленков. Какого лешего кричишь?

Рахимбаев. Вот, гражданский генерала спрашивает. И нахально меня окружает.

Цыпленков (*окинув взглядом прищельца*). Куда прешь? Кто ты есть? Документы! (*Тоже наводит автомат.*)

Человек в полушубке. Член Военного совета меня ждет. Доложи — капитан Рубцов.

Цыпленков. Какой ты, к шуту, капитан? Ни знаков различия, ни видимости...

Алексей. Я сказал — разбуди генерала! И доложи немедленно! Выполняй!

Цыпленков (*озадаченный его командирским тоном*). Ладно... Доложу. Только удались на дистанцию, (*Часовому.*) Рахимбаев, держи на мушке. Станет окружать — стрели! (*Уходит.*)

Затемнение

Раздвигается занавес

Декорация второй картины. Хозяйство члена Военного совета Бондарева в помещении краеведческого музея.

Бондарев *(быстро, на ходу застегивая пуговицы кителя, Цыпенкову)*. Давайте его сюда! Живо! Аллюр три креста!

Цыпенков выходит. Появляется Алексей.

Алексей. Товарищ член Военного совета! Капитан Рубцов по выполнению задания прибыл!

Бондарев *(обнимая его за плечи)*. Цел! Здоров? Ну слава богу! Что слышно?

Алексей. Детали разрешите доложить потом. Сейчас главное.

Бондарев. Помыться, поесть?

Алексей. Потом, товарищ генерал. Разрешите доложить?

Бондарев. Слушаю.

Алексей. Работал фельдшером в семнадцатом левом госпитале. В последние дни стали поступать больные из новых дивизий, прибывших из Бельгии и Франции.

Бондарев. Удалось установить номера дивизий?

Алексей. Так точно. Кроме того, из Голландии переброшены танковые части генерала Фалькенхорста. Позавчера поступили оттуда майор с аппендицитом и лейтенант с травмой.

Бондарев. Стало быть, идет переброска войск на наш участок фронта? Тех самых войск, которые им сейчас так нужны на Волге и на Кавказе?!

Алексей. Вот именно, товарищ генерал. Среди офицеров идут разговоры... Немцы убеждены, что мы готовим большое зимнее наступление. Есть интересные подробности.

Бондарев. Что ж, мы не станем их разочаровывать.

Алексей *(показывая на карте)*. Вот здесь противник сильно укрепляет плацдарм. На обратном пути наблюдал передвижение вновь прибывших частей и техники именно в этом направлении. Записей не вел, запомнил.

Бондарев. Сейчас поедem к командующему. Пока запишите, по свежей памяти. Садитесь.

Алексей садится, начинает записывать.

(Снимает трубку полевого телефона.) Товарищ первый? .. Говорит второй. Василий Петрович, извините, что разбудил. Очень важные новости... Есть, выезжаю. (Кладет трубку.)

Алексей. Между прочим, считаю необходимым доложить — задание мне удалось выполнить в значительной мере благодаря сведениям лейтенанта Шеринга. Его информация оказалась первоклассной. Люди, их связи, обстановка... С его данными я проходил всюду, как штык сквозь масло.

Бондарев. Не пришлось что-нибудь разузнать о Шеринге?

Алексей. Еще бы! Его побег вызвал большой скандал. На этом деле сгорело его начальство. Из майора Фришенгута сделали фельдфебеля Фришенгута.

Бондарев. Отец знает, что вы вернулись?

Алексей. Я прямо к вам, чтобы не терять время.

Бондарев (приоткрыв дверь, адъютанту). Товарищ капитан, послать машину за полковником Рубцовым. И пусть захватит немецкого лейтенанта. (Алексею.) Ну, поехали к командующему!

З а т е м н е н и е

Высвечивает просцениум.

По-прежнему Рахимбаев вышагивает с автоматом. Тут же Цыпленков.

Судариков (появляясь). Ай момент! Старшина, закурить есть?

Цыпленков протягивает коробку «Казбека».

Ну и табачок! Не то что у нас — горлодер! Чем начальник выше, тем табак лучше.

Цыпленков. Генеральский. Сам курить бросил — мне отдает.

Судариков. Э-эх, скорее бы опять на махорку... Я ведь в ординарцах по ранению. Малость подзаживет — опять на передовую вернусь, в саперный батальон. А тебя небось здесь за усы держат. Ишь, на генеральских харчах наел полторы морды! ..

Цыпленков. Но-но, потише! Нешто я по своей охоте в нестроевых? Возраст вышел... Зато в ту войну — в первую — георгиевский кавалер полного банта!

Судариков. Ты лучше скажи, кавалер, когда отсюда стронемся? Ведь ты около начальства!

Цыпленков. И не говори! ... Перед людьми совестно. Под Воронежем-то, слышал? Немца в Дон сбросили. Люди наступают, а мы на мертвых тормозах...

Судариков. Так ты там нажми на своего генерала.

Цыпленков. Да от него, что ли, зависит? Стратегии не понимаешь, сапер. Взаимодействие фронтов. Не батальонного масштаба дело...

Снова освещается козьяйство Бондарева. Рубцов и Шеринг ждут возвращения Бондарева. Шеринг тихо играет на губной гармонике. За окном занимается заря.

Рубцов (*поглядев на часы*). Да-а. Задерживаются наши у командующего...

Входит Цыпленков, ставит на стол самовар. Наливает в стаканы «чай».

Цыпленков. Не желаете, товарищ полковник?

Рубцов. Эх, старшина! Кто с утра чай пьет?

Цыпленков. Нешто я больной — чаем угощать! Чистый спирт это! От генерала таю... для гостей. А чайком только для маскировки закрашиваю.

Рубцов (*понюхав содержимое стакана*). Поди ж ты! Военная хитрость!

Входят Бондарев и Алексей.

(*Бросается навстречу сыну.*) Алешенька!.. Вернулся!

Бондарев. И не просто вернулся. Капитан Рубцов доставил важные сведения оперативного характера. Хочу поздравить вас, полковник Рубцов. Командующий армией приказал представить вашего сына к награде.

Алексей. (*Шерингу*). Здорово, Вальтер!

Шеринг. Ну как? Все в порядке?

Алексей. Аллес пэрфэкт! Гленценд! Колоссаль! Одним словом — на большой! Если бы ты знал, как меня нежно полюбил твой доктор Фогельзанг! Мы с ним просто стали однобутыльниками! Спасибо, дружище! (*Трясет его руку так, что Шеринг морщится.*)

Бондарев. Тихо, тихо! С его руками будьте осторожны, капитан! Они нам скоро очень пригодятся. *(Переходя на официальный и вместе с тем сердечный тон.)* Лейтенант Шеринг! От имени Военного совета объявляю вам благодарность... товарищ Шеринг!

Шеринг *(в волнении)*. Товарищ?! Спасибо за это слово... Это слово мне очень дорого... товарищ генерал.

Рубцов *(иронически усмехнувшись)*. В таких случаях у нас отвечают: служу Советскому Союзу!

Шеринг. Служу немецкому народу! И Советскому Союзу!

Бондарев *(Цыпленкову)*. А теперь, Федосей Захарович, хорошо бы перекусить. *(Заметив самовар.)* А-а, самоварчик, я вижу, уже поспел? Чаек — это как нельзя кстати. *(Наливает «чай» в кружку, отхлебнув большой глоток, крикнул от неожиданности. И после паузы, грозно посмотрев на Цыпленкова.)* Предупреждать надо!

Цыпленков *(козырнув)*. Есть предупреждать, товарищ генерал.

Бондарев. За счастливое возвращение капитана Рубцова.

Все сдвигают стаканы. Цыпленков смущенно отошел в сторону, отвернулся. Шеринг отпил глоток из своего стакана, потом, увидев, что остальные выпили залпом, не поморщась, тоже решительно «опрокинул» стакан, но зажебнулся.

Шеринг *(прокашлявшись)*. Айн штаркэр тээ... Весьма сильный чай в русском самоварнике!

Алексей *(хлопает его по спине)*. Ну ничего, привыкай!

Бондарев *(налив стакан Цыпленкову)*. А вы что же, Федосей Захарович? Выпейте с нами.

Цыпленков *(вытер губы тыльной стороной ладони, выпил)*. Ну и спирт! Наскрозь простреливает! *(Понюхал рукав гимнастерки.)*

Бондарев. Что ж вы не закусили?

Цыпленков. С понюшки крепче берет, товарищ генерал. *(Выходит.)*

Бондарев *(повернувшись к Шерингу)*. И за ваши новые успехи, товарищ Шеринг!

Шеринг. Мои?

Бондарев. Вас ожидает важный маршрут. Вам надлежит вернуться туда, откуда вы прибыли.

КАРТИНА ШЕСТАЯ

Березовая роща. Белизна деревьев и тропутая желтизной и осенним пурпуром зелень. Только одна из берез обуглена и расщеплена снарядом.

На сцене Шеринг. Он наигрывает на губной гармонике.
Входит Алексей.

Шеринг. Ну как, Альеша?

Алексей. Вручил на КП предписание генерала Бондарева. Десантный «дуглас» утром «мессеры» малость продырявили. Так что перебрасывать тебя будут на У-2. Вылет в двадцать два ноль-ноль. (*Подсаживается к Шерингу на пенек.*) Знаешь, на КП половина летчиков — девушки. Даже командир полка и тот с ко-сой. Славные парни эти девчата!

Шеринг продолжает наигрывать на губной гармонике. Появляется Бондарев сегодняшнего дня, с седой головой, в штатском костюме.

Бондарев (*в зрительный зал*). Кто из вас бывал в море, тот наверняка наблюдал, как два слоя воды — холодной и теплой — текут, не смешиваясь между собой, один над другим. Примерно то же самое было в городе Крутогорске по ту сторону фронта. Днем в городе вла-ствовали немцы, но, едва наступала темнота, захватчики боялись выходить на улицу. В городе как бы снова во-царялась Советская власть. Это была трудная борьба, полная опасностей и смертельного риска. Готовя насту-пательную операцию, мы поручили крутогорским под-польщикам взорвать немецкие склады с горючим. Чтобы проникнуть в запретную зону, подпольщикам были нуж-ны надежные документы и человек, в совершенстве вла-деющий немецким языком. Можно ли было найти канди-датуру более подходящую, чем Вальтер Шеринг? И я принял решение — перебросить Шеринга на помощь кру-тогорским подпольщикам, несмотря на протесты началь-ника разведки Рубцова.

Шеринг играет на губной гармонике.

Алексей. Люблю эту песню.

Шеринг. «Марш антифашистов». Ее пели наши друзья-ротфронтовцы у нас дома... Тогда уже нельзя было петь ее в полный голос. Пели шепотом... Вот так.

(Тихо поет песню Ганса Эйслера. Ее подхватывает Алексей.)

Друм линкс, цвай, драй,
Друм линкс, цвай, драй!
Во дайн пляц, генноссэ, ист?
Райе дих айн ин унзэрэ айнхайтсфронт,
Вайль ду зэльбст айн арбайтер бист. . .

Бондарев *(прислушиваясь к песне)*. А я помню, как эту песню пели бойцы Интернациональных бригад в Испании. К нам в окопы под Мадрид ее привез немецкий певец Эрнст Буш. Она стала маршем интернационалистов. *(Тихо подпевает Алексею и Шерингу.)*

Алексей. Слушай, Вальтер, когда кончится война — останешься здесь или вернешься домой?

Шеринг. Конечно, вернусь. Ведь там будет так много работы после войны. Если останусь жив. . .

Алексей. Тьфу, тьфу, сплюнь три раза.

Шеринг. И, кажется, есть примета — надо стукнуть по чему-нибудь деревянному.

Алексей. Например, по твоей башке. Не говори глупости — ты обязан остаться живым.

Шеринг. Альеша!.. Если все-таки со мной что-нибудь случится. . . Я прошу тебя. . . Есть такой летчик Хмелько. . .

Алексей *(улыбаясь)*. Галя Хмелько? Да кто же ее не знает?

Шеринг. Передай лейтенанту Хмелько, что. . .

Алексей. Что?

Шеринг *(так и не решившись)*. Просто передай ей привет.

Алексей. Хорошо. Передам.

Шеринг. Впрочем, я обязан уцелеть. Если меня убьют — я подведу Бондарева. Ведь я не сумеем привезти твоему отцу справку, что я убит, а не остался у фашистов.

Алексей. Не суди его строго, Вальтер. Это жизнь его вкрутую сварила. Суровые достались ему времена. . . А ведь где-то в глубине он хороший. Ей-богу! Я всю жизнь мечтал стать таким же бесстрашным, как он. . . О чем ты задумался?

Шеринг. О том, что миром управляет случайность. . . Вот мы болтаем с тобой. . . А ведь я мог послать

тебе в живот очередь из автомата. Какая нелепость! Айне трагишэ думкайт!

Вдали, среди берез, появляется девушка в летной форме.

Алексей. Внимание! Воздух! Лейтенант Хмелько ин дэр люфт!

Шеринг при виде Гали взволнованно поднимается. Девушка идет мимо. Заметив Вальтера, она демонстративно отворачивается.

(Гале.) Товарищ младший лейтенант!

Галя остановилась, козыриула.

Самое невероятное в чудесах — это то, что они случаются.

Галя. Вы остановили меня, чтобы сообщить об этом?

Алексей. Мы только что говорили о вас. И вы появились как чудо! Как будто бы спустились с неба!

Галя (сдержанно). Спускаться с неба — моя специальность.

Шеринг. Здравствуйте! Вы меня не узнаете?

Галя. Почему же, узнаю. Здравствуйте. Извините, я тороплюсь. (Делает движение, чтобы уйти.)

Шеринг. Я должен сказать вам несколько слов... айн пар вортэ... Одна минута — прошу вас.

Алексей незаметно уходит.

Галя (Шерингу, сухо). Что вы хотите мне сказать?

Шеринг. Я думал, больше никогда не увижу вас. Иногда мне казалось, что я видел вас только во сне.

Галя. А мне некогда видеть сны. Каждую ночь по несколько вылетов. А в сводках это называется затишье. Вчера я даже заснула над целью.

Шеринг. Заснули? Как это — заснули?

Галя. Ну, на долю секунды, конечно. Zenitka меня разбудила. Чуть не угодила в хвост! Комедия!

Шеринг. Будьте осторожны! Прошу вас!

Галя. Напрасно волнуетесь.

Шеринг. Понятно. Вы хотите сказать — какое мне дело? И все-таки прошу вас — будьте осторожны.

Галя (рассмеялась). Вы сейчас удивительно похожи на мою бабушку.

Шеринг. Я — на бабушку? Почему?

Галя. Ну да. В каждом письме: «Бойся сквозняков»

Переходи осторожно улицу!». .. Неужели вы думаете, что мне не дорога жизнь? Видите — гриб! Вчера его, наверное, не было. ..

Шеринг. Как он называется по-русски?

Галля. Подосиновик. Выскочил после дождя и не подзревает, что на свете война! А вот муравей тащит мертвую бабочку.

Шеринг. Бабушку?

Галля (*смеясь*). Да нет, бабочку. Смотрите, она же в десять раз больше, чем он! Как будто маленький грузовичок буксирует огромный бомбардировщик. А пахнет как. .. Осенью и тишиной!

Шеринг. Пахнет тишиной? Как хорошо сказано. ..

Раздается протяжный, завывающий гул самолета.

Галля (*глядя в небо из-под ладони*). Ваши пошли. .. Вот тебе и тишина!

Шеринг (*после паузы*). А ваш отец тоже в Сибири?

Галля (*помолчав*). Нет!

Шеринг. А где он?

Галля. Его убили на фронте. .. немцы. ..

Тягостная пауза.

Шеринг. Вам трудно разговаривать с немцем. .. Я не хочу отъединять себя от своего народа. Я разделяю его вину. Но есть вещи, которые не зависят ни от чего — ни от меня, ни от вас. .. Как этот осиновик. .. как этот муравей. .. как эти листья. ..

Галля. О чем вы?

Шеринг. Мы с вами так далеки друг от друга. .. Дальше, чем полюсы земли. .. Как две разные планеты. Но, как это ни покажется странным, я завишу от вас.

Галля (*вспыхнув*). От меня? Что это взбрело вам в голову. .. Я даже ни разу не вспомнила о вас, если хотите знать. (*Делает движение, чтобы уйти.*)

Шеринг. Не сердитесь! Это происходит помимо моей воли. Как это вам объяснить? Это как приливы и отливы. .. Они зависят только от фаз луны. .. Далекой луны. ..

Галля. А луна только мешает нам бомбить. ..

Слова в небе возникает гул самолетов.

(*Поглядела в небо.*) Наши полетели!

Шеринг. П-2. Русские называют «пешка». Отличные машины!

Галя. А вам откуда известно?

Шеринг. Они нас бомбили.

Галя. Ну и как?

Шеринг. Хорошо бомбили. Как говорят у вас — на большой!

Галя (*глядя вслед самолетам, восхищенно*). Сейчас дадут фрицам дрозда!

Шеринг. Дадут дрозда... Айнэ дроссэль гэбэн... Что это такое?

Галя. Это как раз то, что нужно. Ну, я пошла.

Шеринг. Погодите!

Галя остановилась.

Пожалуйста, постойте одну минуту молча. Как хорошо... Я хочу это запомнить.

Стоят в молчании.

Галя (*взглянув в небо*). Посмотрите!

Шеринг (*посмотрев в небо*). А это кто еще летит?

Галя. Так это же айсты! Обыкновенные гражданские айсты. Смотрите, как держат строй! Как в Тушине на параде.

Шеринг. Черт возьми! Оказывается, в небе кроме самолетов летают еще и птицы. Я об этом совершенно забыл!

Галя. А я ведь до сих пор не знаю, как вас зовут.

Шеринг. Вальтер.

Галя. Вальтер? А у меня пистолет — «вальтер».

Шеринг. Значит, мы с вашим пистолетом — как сказать — софамильцы?

Галя (*смеясь*). Однофамильцы.

Шеринг. Одно-фамильцы... Со-бутыльники... Ун-бэграйфлих! Непостижимо!

Галя. Ну, до свидания. Мне пора! (*Повернулась, пошла.*)

Шеринг. Постойте, Галя...

Галя остановилась.

И все-таки я очень прошу вас — переходите осторожно улицу!

Галля. Да не волнуйтесь!.. У нас в полку говорят — летчики не умирают. Летчики просто не возвращаются... *(Поворачивается, идет.)*

Среди берез появляется Алексей.

Алексей *(увидев удаляющуюся Галю)*. Товарищ младший лейтенант, куда же вы?

Галля *(обернувшись)*. Мне на вылет.

Алексей. Что же вы забыли ваш багаж?

Галля *(удивленно)*. Какой багаж?

Алексей *(показывая на Шеринга)*. Вот этот.

Галля *(сердито)*. Отставить шуточки, товарищ капитан. Тем более не так уж это остроумно...

Алексей. А мне некогда шутить. Это и есть сегодня ваш груз.

Галля *(Шерингу)*. Постойте... Так это вы... от генерала?

Шеринг. От генерала Бондарева.

Алексей. И именно его вы должны перебросить в тыл противника сегодня в двадцать два ноль-ноль. Предписание и маршрут на командном пункте. Ну что вы на меня уставились, как сказал Есенин, «синими брызгами»? Вам же удивляться не положено.

Шеринг. Как это? *(Шутливо показывая на Галю и на себя.)* Муравей тащит бабушку...

Алексей. До свидания, Вальтер. *(Крепко обнимает и трижды целует его.)* Хальс унд байнбрух!

Шеринг. До свидания, Альеша! *(Направляется вслед за Галей.)*

Алексей *(Гале)*. В следующий раз будете бомбить немцев — кидайте ваши фугасочки поаккуратней. А то, не ровен час, в него же и угодите! Счастливого полета!

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

КАРТИНА СЕДЬМАЯ

Разведотдел армии. (Эта сцена может происходить и в березовой роще.) На сцене Алексей и Рубцов.

Рубцов. Вот тебе и Фридрих Барбаросса!.. Такого туза прохлопать! А что удивляться — все одна ниточка тянется. Я ведь с самого начала предупреждал генерала, что этот окруженец Аникин — напарник Шеринга... Что они подстраховывают друг друга.

Алексей. Генерал знает, что Аникин арестован?

Рубцов. Еще бы не знать! Дружок оказался изменником родины. А тут — представляешь? — как Бондарева по мозгам стукнет, когда он еще и про Шеринга узнает...

Алексей. До сих пор не могу поверить, что Вальтер... Тут какое-то недоразумение. Он вернется.

Рубцов. Уже вернулся! Обыграл нас как младенцев и вернулся к своим. А мы-то, лопухи, еще десять дней назад ждали его в условленном месте... В дивизии Жигалина проход разминировали. Отвлекающую операцию рядом организовали... Чин по чину. Будь уверен — фриц унес в заглазнике все, что ему было нужно. И самое смешное — мы же его переправили к своим. Так сказать, с доставкой на дом. Анекдот!

Алексей. И все-таки... тут какая-то ошибка.

Рубцов. Не ошибка, а преступление. За такое, брат, под суд... несмотря что генерал. Да и меня, старого дурака, расстрелять за это мало! Э-эх! Надо было не

плясать под чужую гармошку, хоть и генеральскую, а отправить этого фрица куда надо... Чтобы как следует разобрались...

Входят Калмыков и Губкин. Разведчики в масках, замаскированных глиной и грязью. В касках, замаскированных ветками и листьями. На шее автоматы.

Видно, что они только что вернулись с задания. При виде полковника оба вытягиваются.

Рубцов. Вольно. Рассказывайте.

Калмыков. Выполняли мы задание нашего командира дивизии...

Рубцов. Это не надо. Комдив мне уже подробно сообщил. Вы мне расскажите, где вы фрица видели?

Калмыков. К вечеру вышли мы на окраину населенного пункта Полозово. Вышли нормально огородами, прямо к тюрьме... Там у немцев тюрьма, товарищ полковник... Сержант Губкин толкает меня потихоньку: «Гляди, лейтенант, наш фриц!» Обернулся, вижу — верно, тот самый фриц, что здесь в разведотделе болтался...

Алексей. Ведь посылали Шеринга в Крутогорск. А вы видели его в Полозове... Может, вы обознались?

Калмыков. Никак нет, товарищ капитан. Сами знаете — разведчику обознаться невозможно. Да ты скажи, сержант.

Губкин. Он самый, товарищ капитан. Я его в точности знаю. Звать Вальтер. Он меня еще на губной гармошке учил.

Калмыков. В общем, стоит в мундире эсэс с другим же фрицем, нормально курят и о чем-то судачат. Ну, мы им, конечно, представляться не стали, а поскорее смотрелись. Вот и все.

Пауза.

Рубцов. Можете идти. Благодарю от лица службы.

Разведчики выходят.

Вот, брат, какие пироги!.. Чепе... чепе на весь фронт, товарищ генерал! Еще меня поучали! А сами в нашем деле — как сазан в Библии. А может... как знать? Может, и вас надо бы наждачком пошкурить... Хоть и генерал...

Алексей. Как это понимать?

Рубцов. Знаешь, как говорят разведчики: ночка

темная, как кобыла черная, — едешь и щупаешь: не черт ли под тобой? Вот и этого Аникина своим авторитетом прикрыл... в армии оставил, вместо того чтобы под трибунал... И Шеринга проворонил. Тут, брат, есть над чем задуматься. Смекаешь? Жизнь — она сложнее, чем иной раз кажется...

Алексей. Но если не верить таким, как Бондарев... кому же тогда верить?

Рубцов. Как это — кому! Родине, партии, народу...

Алексей. Но партия, народ — это же люди, а не абстракция. Это ты, я, лейтенант Калмыков, Бондарев... Если никому не верить, как же тогда жить?

Рубцов. Как жить? Прежде всего — действовать. Необходимо немедленно предупредить крутогорских подпольщиков... если еще не поздно. Ведь Бондарев дал этому Барбароссе адреса, явки! Сегодня же ночью в Крутогорск пойдет Конкин с документами полиция Ивана Телегина.

Входит Г а л я.

Г а л я. Младший лейтенант Хмелько.

Рубцов. А-а, привет, небесный тихоход! Как дела? По-прежнему в рифму живем?

Г а л я. Нет, сейчас уже не в рифму, товарищ полковник. Ночью летаем, а днем переучиваемся на Пэ-2.

Рубцов. Значит, скоро будем летать на бомбардировщике? Совсем герой! А вы чего ко мне?

Г а л я. Разрешите обратиться к капитану? Товарищ капитан, тот товарищ... то есть гражданин. ну, в общем... немец, которого я тогда в тыл перебрасывала... Он у меня в самолете вот это забыл. *(Вынимает из кармана губную гармонику.)* Как бы ему передать?

Рубцов. Его баян... передать? Ну, это, лейтенант, трудноато.

Г а л я. Почему? *(Почуяв скрытый смысл в словах Рубцова.)* Что с ним?

Рубцов. Сгинул твой музыкант.

Г а л я. Погиб?

Рубцов. Для нас погиб! А для противника — целехонек.

Г а л я. Как это понимать, товарищ полковник?

Рубцов. А так понимать, товарищ младший лейтенант, что советую вам — закинь ты эту дурацкую музы-

ку: подальше. И фрида выбрось из головы. Так лучше будет. Ясно? Как до нас добралась?

Галя. На попутной, товарищ полковник.

Рубцов. Часа через три заходи — пойдет попутная как раз в ваше хозяйство. А пока можете быть свободны.

Алексей. Поберегите эту гармонику, Галя.

Галя выходит.

(Подойдя к Рубцову, решительно.) Отец, в Крутогорск пойду я.

Рубцов. Ты? Нет. Нечего тебе там делать.

Алексей. Ты же сам говорил — никаких поблажек.

Рубцов. Конкин справится.

Алексей. Пойми, отец, я должен пойти. Я не могу быть разведчиком, если я так обманул.

Рубцов. Я сказал — не пойдешь.

Алексей. Вальтер был моим другом. Я ему верил! Сердцем верил. Разведчик не имеет права так ошибаться... Если Вальтер обманул нас — я сам застрелю его. Сам!

Рубцов молчит.

Затемнение

По авансцене идет Судариков. В руках у него клетка с попугаем.

Судариков (попугая, сокрушенно). Ну, куда же мне девать тебя, иностранец? Связистки и те от тебя откристились. Говорят — не до попугаев нынче, скоро двигаться будем. Был бы ты, скажем, грач... или, обратно, ворона. Выпустил бы я тебя в березнячок — летай себе на здоровье! А то у тебя мундир хоть и цветастый, заграничный, а форма одежды — летняя. Не по русскому климату... Враз замерзнешь!.. А жалко!.. Привык я к тебе, скотина заморская... Хоть ты и из расположения противника. Птиц-то всех артиллерия распугала. Один ты и остался... Их либ дих. Соображаешь? Постой-ка, постой!.. Ты ведь кто есть? Пернатое. Снесу-ка я тебя на курятник в деревню. Ежели с петухами споешься — перезимуешь с курами. Вот так-то, африканец! (Уходит.)

Вновь освещается сцена.

Горит фонарь «летучая мышь». На сцене Рубцов. Он работает, склонившись над бумагами.
Входит Домбровская.

Рубцов (*оторвавшись от работы*). Ну как, проводили капитана Рубцова?

Домбровская. До самого штаба дивизии. Капитан Рубцов просил передать вам, чтобы вы не волновались. Все будет в порядке. (*Поглядела на часы.*) Через четверть часа он должен переходить линию фронта. (*Тихо, про себя.*) Виа долороза...

Рубцов. Что?

Домбровская. Виа долороза... Путь страданий. Из католической молитвы. Просто — запомнилось с детства.

Рубцов. Сводку в штаб армии доставили?

Домбровская. Так точно. (*После паузы.*) Между прочим, товарищ полковник, в штабе армии говорят, что у генерала Бондарева какие-то неприятности.

Рубцов. Неприятности? А что тут удивительного? Ясно, что начальник штаба доложил командующему об ошибке Бондарева. Да... Жизнь доказала, кто стоит на правильных партийных позициях...

Домбровская (*в раздумье*). Но ведь... Шеринг... тогда... помог капитану Рубцову...

Рубцов. Помог? Вынужден был помочь! Вынужден! Ясно? Так легла карта в тот момент. Что-то я не узнаю вас сегодня, лейтенант Домбровская. И это говорите вы... Да вспомните, как тот немецкий вахмистр плюнул вам в глаза, когда узнал, что вы — полька. Не пожелал с вами разговаривать...

Домбровская. Того фашиста мы расстреляли.

Рубцов. Да они поляков за людей не считают! Так... за получеловеков.

Домбровская. Мы, коммунисты, не можем опустаться до их морального уровня. Не можем!

Рубцов. Ну, знаете ли... Да вы вдумайтесь, кого вы пытаетесь взять под защиту?

В это время сзади, не замеченный Рубцовым, входит Шеринг. На лбу потемневшая от застывшей крови повязка. Щеки не бриты и ввалились, обозначив скулы. Шеринг в черном эсэсовском мундире. Руки у него связаны за спиной. Сзади незнакомый нам лейтенант в форме танкиста. Лейтенант очень молод и добродушен.

Кто он, этот перебежчик? Враг! Провокатор! Агент противника! Вот кто ваш Вальтер Шеринг! (*Неожиданно увидев Шеринга.*) Вальтер Шеринг?!

Незнакомый лейтенант. Товарищ полковник! Лейтенант Задорожный из Особого отдела двадцать пятой танковой бригады. Ваш сосед... Разрешите доложить. (*Показывая на Шеринга.*) Вот, задержали на самой передовой. Перешел фронт на нашем участке. Говорит — ваш.

Рубцов (*Шерингу*). Откуда вы?

Шеринг. Аллес ист аус... Я ничего не мог сделать... Их вар хильфлос... Хильфлос...

Рубцов (*быстро снимая телефонную трубку*). Дайте «Иртыш». «Иртыш!» «Иртыш!» Капитан Рубцов у вас? Что? Уже ушел? Задержите его!.. Как? Не знаю! Пополам перерваться, но задержать! Жду на проходе. (*Кладет трубку.*)

Домбровская (*взволнованно*). Товарищ полковник... разрешите мне на узел связи?

Рубцов. Да, да...

Домбровская срывается с места.

Стойте! Попытайтесь связаться с командиром шестнадцатого полка... Перехватите капитана Рубцова во что бы то ни стало! Я буду ждать у аппарата.

Домбровская выбегает.

(*Шерингу.*) Что случилось?

Шеринг. Айн гроссэс унглик... Большое несчастье... Я пришел на явку... там был... ну... засада... гестапо... Я должен быть убегать... Айн гроссэс унглик...

Рубцов. Явка провалилась?

Шеринг. Яволь... Ваши товарищи попали в тюрьма...

Рубцов. А где ты болтался потом? Все это время?

Шеринг. Я уходил к партизанам... люди Татарникофф.

Рубцов. Опять Татарников! Мы с ним столько времени связаться не можем, а ты сразу его нашел!

Шеринг. Нет, не сразу! Я долго ходил... лес, болото...

Рубцов. Брось звонить в лапоты! Мы знаем, где ты был. Тебя видели. В Полозове. Ты лучше скажи, как ты провалил явку.

Шеринг. Я?!

Рубцов. Чье задание выполнял?

Шеринг. Товарищ полковник... даст ист я унэр-хёрт!.. Как вы можете так говорить!..

Рубцов. А как ты докажешь, что не провалил явку? Ты... ты предал наших людей! А теперь за это запла-тишь!

Шеринг. Товарищ полковник, я знаю, вы угрожаете мне смертью. Но если солдата убьют в пятницу, значит, ему не надо умирать в субботу или воскресенье... В конце концов, смерть — это только отсутствие, не больше!

Рубцов. Брось философствовать!

Шеринг. Ничего не поделаешь — немцы нация философов.

Рубцов. Нация палачей, убийц!.. Варваров!

Шеринг. Господин полковник! Я понимаю — мне не повезло, что судьба отдала меня именно в ваши руки. Ваш народ добрее вас. И мудрее...

Незнакомый лейтенант. Товарищ полковник, мы на машине майора. Майор приказал быстрее возвращаться. Как же с немцем, товарищ полковник? (*Показывая на Шеринга.*) Ваш он или не ваш?

Рубцов (*молчит, потом снимает телефонную трубку*). Дайте второй... Генерала Бондарева... Спрашивает полковник Рубцов... Что? Генерал в войсках? (*Медленно кладет трубку телефона.*)

Входит Домбровская.

Домбровская. Товарищ полковник, ничего не получилось... Капитан Рубцов уже перешел линию фронта...

Пауза. Издали возникает оружейная канонада.

Нам пора, машина уже ждет.

Рубцов направляется к выходу.

Незнакомый лейтенант. Так как же, товарищ полковник, немец ваш или не ваш?

Рубцов. Наш? Вы сами слышали, какой он наш — провалил крутогорских подпольщиков. Да только времени нет армейской разведке сейчас этим заниматься.

Канонада становится явственнее.

Слышите, какие дела на носу? Вы его взяли, вы с ним и разбирайтесь! *(Выходит вслед за Домбровской.)*

Незнакомый лейтенант. Ясно. *(Шерингу.)* Пошли.

Шеринг медленно поднимается и идет к двери.
На пороге появляется Галя.

Галя. Это вы? Вернулись? Ну это просто здорово!.. Вы ранены! Сильно? Подумать только — пришла бы я на десять минут позже, а вы бы уже ушли. И проехала бы я сюда зря! Комедия! *(Заметила эсэсовский мундир.)* Почему вы... в этом мундире? Да что вы молчите? Что случилось? *(Наконец она заметила лейтенанта с автоматом.)* Куда вы?

Шеринг *(с невеселой улыбкой)*. Куда? Наверное, в Сибирь. Я же обещал приехать в Чулым. Но Сибирь — это лучший вариант для меня.

Галя. Почему... в Сибирь? *(Шагнула вперед.)* Я хочу знать правду.

Шеринг. Правду?

Гул далекой канонады нарастает.

Вы слышите. Это ваша артиллерия. Когда-то великий Гёте сказал: «Солнце, восходя, грохочет!» Чем бы для меня все ни кончилось, я благословляю вашу победу. Поэтому что ваша победа — это свобода моей Германии. И гибель фашизма.

Галя. Это... это действительно так?

Шеринг. Это есть правда.

Галя. Вот и капитан Рубцов тоже... он тоже сказал: «Берегите эту гармонику, Галя...» *(Протягивает Шерингу губную гармонику.)*

Шеринг *(так и не решившись взять гармонику)*. Спасибо... Их данкэ. *(Уходит, сопровождаемый незнакомым лейтенантом.)*

Галя с гармоникой в протянутой руке непонимающе глядит вслед.

КАРТИНА ВОСЬМАЯ

Хозяйство Бондарева. Чувствуется, что временные постояльцы покидают это место. Старшина Цыпленков со свойственной ему обстоятельностью укладывает в ящик пишущую машинку, книги, генеральскую бекешу — одним словом, все то нехитрое имущество, которое сопровождает генерала при перебазировании. На груди Цыпленкова четыре Георгиевских креста. Часто звонят телефоны, стоящие тут же на столе, заключенные в кожаные и деревянные футляры.

Цыпленков (*снимая попеременно то одну, то другую трубку*). Второго нет... Второго нет... Нет второго! (*Кладет трубку. Направляется к ящику.*)

Несколько звонков сразу.

Ишь разблаговестились! Цыц, проклятые!

Опять звонок.

Слушаю!.. В войсках генерал. Когда будет? Ишь чего захотел! Кто выпимши? (*Вытянулся, автоматически отковырял.*) Виноват, товарищ лейтенант... то есть лейтенант-генерал... то есть генеральный лейтенант. Тьфу! (*Положил трубку, некоторое время остается в стойке «смирно», с уважением поглядывая на телефон.*) Вот незадача — на командующего налетел! (*Прислушиваясь.*) Ишь ты, артиллерия звонит! Большие калибры садят... Красота! Одно слово — наступление!.. (*Вздыхнул.*) Вот только генерал наш ходит как с креста снятый. И чего у него на душе? Дымовая завеса... (*Вытаскивает знакомый нам самовар и пытается втиснуть его в ящик.*)

Входит Бондарев. Подходит к столу. Заметил кресты на груди Цыпленкова.

Бондарев. Что это вы сегодня Георгиями рassiялись, Федосей Захарович?

Цыпленков (*вытянувшись по стойке «смирно» с самоваром под мышкой*). По случаю наступления, товарищ генерал.

Бондарев. Значит, по противнику из самовара — огонь! (*Заглядывая в ящик.*) Ай-ай-ай! (*Извлекает из ящика сковородку с ручкой.*) Всю эту дребедень выбросить! (*Выкидывает.*)

Цыпленков (*поднимая и отбирая сковородку*). Выбрасывать легко, наживать трудно...

Бондарев. Кто звонил?

Цыпленков. Все разом... На разные голоса. Будто взбесились. Особенно этот надрывался... московский.

Бондарев. Московский... Видно, и до Москвы уже дошло... Федосей Захарович, закурить найдется?

Цыпленков. Товарищ генерал... но вы же бросили курить!

Бондарев. Видно, не вовремя!

Цыпленков (*твердо*). Не дам!

Бондарев. Ну ладно, ладно, одну. (*Закуривает, сел за стол, задумался.*)

Цыпленков тихо выходит.

Что ж, дурные вести шагают быстро... Утром звонили из Военного совета фронта. Запрашивали объяснение... А что им объяснять, когда я сам ничего не могу объяснить... Неужели Аникин... Паша Аникин мог?! Мы же с Олей его полжизни знаем... (*Берет со стола фотографию жены.*) Нет, нет. Ну конечно же нет! Как я мог хоть на минуту так подумать о Павле!... (*Бережно спрятал фотографию в чемодан.*) Ну а Шеринг? Как же тогда история с Шерингом? Неужели это только шахматная комбинация, в которой я сыграл роль даже не пешки, а доски... куска дерева, по которому прошли фигуры?

Распахивается дверь. Появляется человек в папахе, паискось перечеркнутой красной партизанской лентой. Он высокий, плечистый, в большой пышной бороде. Это командир партизанской бригады Татарников.

Татарников. Товарищ член Военного совета, командир партизанской бригады Татарников прибыл из тыла противника.

Бондарев. Андрей Лукьянович! Вас и не узнаешь в этой черноморовой бороде! Что это вы столько времени молчали?

Татарников. Рацию разбомбило, Сергей Трофимович. Сидели без связи.

Бондарев. Вовремя подоспели. (*Взглянув на часы.*) Через полчаса поедем к командующему. Договариваться о взаимодействии с вами. Перед нами важная оперативная задача, Андрей Лукьянович, сковать на нашем фронте немецкие дивизии, не позволить противнику перебросить их на Волгу и Кавказ.

Татарников. Ясно, Сергей Трофимович. А мы ваше наступление на своей шкуре почувствовали. Сегодня дальнбойные чуть было нас не накрыли. Пришлось поспешно отступать... под натиском превосходящих сил Красной Армии!

Бондарев (*нетерпеливо*). Андрей Лукьянович, одну минутку! (*Достает из сейфа фотографию.*) Узнаете этого человека?

Татарников. Еще бы, Вальтер Шеринг. Он самый!

Бондарев. Стало быть, вы о нем письмо писали?

Татарников. Тогда? Полюнову? Конечно!

Бондарев (*с огромным облегчением*). Слава богу! Спасибо! (*В неожиданном порыве обнял и поцеловал Татарникова прямо в бороду.*) Тьфу, колется! Слушайте, что это вы такую бородищу запустили?

Татарников. В бороде теплее, товарищ генерал.

Бондарев. А не знаете ли вы, что случилось с Шерингом?

Татарников. Станный вопрос, товарищ генерал. Это я вас должен спросить — что с ним? Он же в Крутогорск с вашим заданием приходил. И между прочим, именно Вальтер передал мне ваше распоряжение прибыть сюда. А третьего дня мои ребята помогли ему перебраться обратно, через линию фронта.

Бондарев. Обратно?.. Так где же он? Быть может, убит?

Татарников. Никак нет. Переправили благополучно в районе деревни Ушаковка.

Бондарев. Странно. Очень странно! А что вы можете сказать о Шеринге?

Татарников. Мировой парень, товарищ генерал! Ради нас головой рисковал. Между прочим, это он нам пропуска сделал, когда мы подрывали мост через Сундолу. Помните? Какой мост был! Полюбуйтесь! (*Показывает на орден.*) Вот «трудовик» за то, что построил этот мост, а звездочка — за то, что его взорвал. Диалектика!

Бондарев (*погруженный в свои мысли*). Значит, Рубцов скрыл от меня, что Шеринг вернулся... (*Позвал адъютанта.*) Срочно вызвать ко мне полковника Рубцова.

Адъютант. А полковник Рубцов здесь. Уже с полчаса дожидается — просит принять.

Бондарев. Немедленно сюда.

Татарников отходит к окну. Поворачивается спиной.

Входит Рубцов.

Рубцов. Полковник Рубцов. Разрешите доложить, товарищ генерал. Особым отделом танковой бригады из армии генерала Земцова задержан Вальтер Шеринг в районе деревни Ушаковка.

Бондарев. Где же он?

Рубцов. Там, где его поймали, товарищ генерал. В Особом отделе. Вернее, сейчас уже в Особом отделе фронта. Его туда препроводили в связи с наступлением.

Бондарев (*адъютанту*). Свяжитесь с Особым отделом фронта. Разыщите там Вальтера Шеринга.

Адъютант выходит.

Рубцов. Я вам звонил, товарищ генерал, чтобы сообщить. Но вы были в войсках.

Бондарев. Почему же вы не потребовали передать Шеринга вам?

Рубцов. Я не имел права в условиях наступления держать у себя агента противника. Не дело армейской разведки со шпионами возиться.

Бондарев. Просто Шеринг своим неожиданным возвращением спутал ваши карты. Вы очутились перед выбором — оказаться в дураках в глазах начальства или скрыть свою ошибку. Вы трусили и отвернулись от Шеринга. Думали, наступление все спишет? Нет, не спишет, полковник Рубцов.

Рубцов. Это я-то трус, товарищ генерал? Спасибо. Недавно вы мне орден вручали. Прикажете вернуть?

Бондарев. Черт побери! Я всегда удивлялся этому странному сочетанию! Человек лезет под пули, прет на рожон, но дрожит перед малейшей ответственностью! Не боится потерять голову, но панически трусит потерять должность!

Рубцов. Товарищ генерал! Вы не выслушали меня до конца. Разрешите. . . Шеринг провалил в Крутогорске явки, которые вы ему дали. Предал наших людей. . .

Татарников (*резко повернувшись*). Что?! Провалил явки?

Рубцов. *(пораженный)*. Татарников!

Татарников. Это неправда! Явки были разгромлены перед его приходом. Вальтер сам попал в засаду. Едва унес ноги... Неделю шел по болотам... пока разыскал нас.

Рубцов. Но мои разведчики видели его в эсэсовском мундире с немецким офицером в Полозове.

Татарников. В эсэсовском мундире, который мы же ему и раздобыли. Наши люди пытались освободить из полозовской тюрьмы крутогорских подпольщиков. Нам был нужен Вальтер для этой операции. До зарезу нужен — понимаете? Потому мы его и задержали. Двоих все-таки отбили... Только двоих... Кстати, одного раненого Вальтер на своем горбу приволок...

Входит адъютант.

Адъютант. Товарищ генерал, Особый отдел фронта сообщает: Шеринг отправлен на фильтрационный пункт в тыл. На разъезде Лысково эшелон с военнопленными попал в бомбежку... Много убитых и раненых... Говорят, там такая карусель... Шеринга найти не удалось.

Бондарев. Вот беда... Передайте — продолжать поиски.

Татарников. *(Рубцову)*. Понимаешь, что ты натворил, дураком... Извини, я по-партизански.

Бондарев. *(Рубцову)*. Прошляпить врага — это преступление. Но предать друга, оттолкнуть его, не протянуть ему вовремя руку — это трагическая ошибка... Что может быть страшнее этой ошибки для революционера, для коммуниста? Ну что я могу с вами сделать? Отдать под суд? Формально, пожалуй, не за что. Нет оснований. *(Татарникову)*. Пошли. *(Выходит с Татарниковым.)*

Тихо входит Домбровская.

Домбровская. *(глухим от горя голосом)*. Час тому назад перехвачена немецкая телефонограмма.

Рубцов. Читайте...

Домбровская. *(с трудом преодолевая волнение)*. «К сведению всех фельдкомендатур. Вчера недалеко от линии фронта патруль полевой жандармерии задержал злоумышленника, выдававшего себя за русского полицейского Ивана Телегина...» *(Не может продолжать.)*

Рубцов (почти беззвучно). Алексей...

Домбровская. Капитан Рубцов... (Продолжает читать.) «Разоблаченный большевистский агент оказал сопротивление. Бросив гранату, он убил вахмистра Хельвига и рядового Грюнбаха и погиб сам».

Рубцов. Как там написано? Погиб?!

Домбровская. И погиб сам... (Протягивает Рубцову телефонограмму.)

Рубцов. Алексей... Алеша... (Отвернулся.)

Домбровская. Что же мы наделали, Иван Степанович... Это мы послали его на бессмысленную гибель. Это мы его убили...

Рубцов стоит неподвижно, в сумрачном раздумье. Слезы, быть может впервые в жизни, появляются у него на глазах. Не утирая их, согнувшись от горя, он медленно и тяжело идет к двери.

Входят связисты. Они сматывают провода, снимают телефонные аппараты. За окном парастает далекая артиллерийская гроза.

Первый связист. Слышишь, корпусная стучится!

Второй связист. А ну давай шевелись! Тебя что там, заморозило? Смотри, в Берлин опоздаешь!

Захватив телефонные аппараты, связисты уходят.

В оркестре все громче и громче звучит симфония наступления. В нее вплетаются четкие ритмы революционного марша немецких антифашистов, того самого, который пел Вальтер Шеринг. В отсветах пламени на сцене появляется Бондарев-сегодняшнего дня. Зарево гаснет. Бондарев выходит вперед.

Бондарев. В те бурные дни мне так и не удалось найти Вальтера Шеринга. В грохоте и пламени боев потерялась маленькая человеческая судьба... Но все двадцать послевоенных лет я искал нашего скромного и мужественного друга. Мне помогал в моих поисках Павел Нилович Аникин. Он снова вернулся на Орловщину и работает там в обкоме. Но никаких следов Шеринга нам обнаружить не удалось. И я думал: Вальтер, друг, неужели твоя жизнь так нелепо оборвалась тогда, в той случайной бомбежке?.. Но вот недавно мне удалось побывать на выставке немецкой графики. Внезапно перед одной из гравюр я остановился, охваченный странным волнением. На меня глядело лицо советской летчицы. Да это же Галя Хмелько! Сомнений быть не могло! Милая Галя... Вот такой юной ты погибла в сорок третьем году в воздушной битве на Кубани... Под гравюрой стоя-

ла подпись: «Вальтер Шеринг. Германская Демократическая Республика». Ну, что вам еще сказать, друзья? *(Поглядев на часы)*. Через полминуты он будет здесь...

Прожектор устремляется в зал. Через партер навстречу Бондареву идет Вальтер Шеринг. Он поседел, жесткие морщины легли у губ. Шеринг поднимается на авансцену.

Шеринг. Товарищ генерал... Сергей Трофимович... *(Волнение мешает ему говорить.)*

Бондарев. Вальтер... Друг... *(После первого радостного рукопожатия.)* Давай-ка по-фронтовому... Минуту помолчим и вспомним тех, кто был тогда с нами рядом...

На сцене посеребренная луной березовая роща. Прожектор высвечивает появившуюся среди стволов Галю Хмелько. Возникает музыка. Тихая музыка воспоминаний.

Галя. Неужели вы думаете, что мне недорого жизнь... У нас в полку говорят: летчики не умирают — летчики просто не возвращаются...

Прожектор высвечивает возникшего среди деревьев Рубцова.

Рубцов. Дай хоть посмотреть на тебя, Алеша! Ведь целый век не виделись...

Луч прожектора устремляется к Алексею.

Алексей. Не волнуйся, отец. Все будет ин бэстэр орднунг... Пэрфэкт, как говорят немцы...

Прожектор направляется на Домбровскую.

Домбровская. Их вартэ ауф дих... Их либэ дих... Я тебе кохам...

Среди берез один за другим появляются участники спектакля. Возникает мелодия антифашистского марша. Шеринг поднимает руку в ротфронтовском приветствии. Мелодию антифашистского марша подхватывают все участники спектакля, выходящие на авансцену. Она, как язык пламени, перебрасывается в оркестр, растет, ширится, крепнет.

Занавес

Сверстники

ДРАМА
В ДВУХ
АКТАХ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Светлана Кирсанова } работницы комплексной
Марина Цыганкова } бригады, бывшие вос-
Ольга Малышко } питанницы детдома.
Ерохин Иван Акимович — бригадир комплексной бригады.
Чермен Цхурбаев — взрывник на руднике.
Цыганкова Людмила Викторовна.
Барышев Андрей Кузьмич — заместитель начальника стро-
ительства горнообогатительного комбината в Рудногорске.
Радий — его сын.
Доброхотов Вадим Николаевич — научный сотрудник
Горного института Академии наук СССР.
Руденко }
Жучков } рабочие комплексной бригады.
Рая из Ростова — крановщица, обитательница «транзитной»
койки.
Шофер самосвала.
Сержант милиции.
Гал я — девушка с Украины.

АКТ ПЕРВЫЙ

Действие пьесы происходит на строительстве горнообогатительного комбината (ГОКа) в городе Рудногорске. Поэтому обрамлением всего спектакля служат металлоконструкции, двутавровая стальная паутина возводимого ГОКа, устремляющаяся вверх.

Слышны голоса стропальщиков: «Майна! Майна! Майнай помаленьку! Эй, чего стоишь? Зашибет!» Наверху, на металлической ферме, — маленькая человеческая фигурка в брезентовой робе. Лицо покрыто щитком. Вспыхивает прерывистый огонь электросварки. Внизу электросварщик Руденко, готовясь подняться наверх, разматывает кабель. Еще один электросварщик — Жучков — ремонтирует держатель. Входит краповицка Рая.

Рая (*подходит к Жучкову*). А-а, герой труда! Салют! Что делаешь?

Руденко (*усмехнувшись*). Не видишь, объявление сочиняет. Аппарат решил менять. Сварочный на самогонный.

Рая. И правильно делает. Со сварочным аппаратом у вас тут и на газировку не заработаешь. (*Вынимает сигареты.*)

Жучков (*вздыхнув*). Ничему не удивляйся, сказал великий Пифагор. Жисть есть жисть!

Появляется Светлана, подходит.

Рая (*закуривая*). Ехала сюда, думала: стройка все-союзная, ударная, зарплата приличная. . . А таких-то женихов — на сто двадцать рэ — и у нас в Ростове завались! (*Постепенно распаляясь.*) Да я лучше у себя, в Ростове, за пенсионера замуж выйду! Те же сто двадцать рэ, зато дома сидеть будет, щи мне варить, а не швы сваривать!

Светлана. Постыдилась бы. Ты что проповедуешь? Потребительское отношение к жизни? Тебе только бы урвать побольше. . .

Рая. А ты как думала — я за «спасибо» работать приехала? Бесплатно только чирьи садятся.

Светлана (*строго*). Нечего здесь перекуры устраивать! Залезай на свой кран, сейчас раствор привезут!

Рая в сердцах сминает окурок, идет. За ней Светлана. Появляется Чермен, оглядывается вокруг.

Чермен (*задрав голову*). Эй, наверху!

Сварщик поднял над лицом щиток, как забрало, — теперь видно, что это девушка.

Мариша, ты? . . Ой, высоко забралась! Скоро под куполом цирка работать будешь! Тебе оттуда Лялю не видно?

Марина (*оглядевшись*). Вон твоя Лялька идет. И учти — не одна! (*Надвинула щиток на лицо, засверкал огонь электросварки.*)

Появляется Ляля. Она небольшого роста, круглолица, голубоглаза, с милой, доброй улыбкой. За ней следом — шофер самосвала, фатовый парень с модными баками, в спортивной куртке из синтетики. Чермен отступает за штабель панелей, ревниво наблюдая за происходящим.

Ляля (*плачущим голосом*). Врежь ты мне. . . Все врежь, знаю. . .

Шофер самосвала. Ляленька, честное благородное! Мотор у самосвала забарахлил. Пока карбюратор разбирал, бетон схватывать начало. Пришлось в кювет вывалить, чтоб не застыл.

Ляля. Не в кювет ты его вывалил, а налево загнал! Частнику ты его продал, на фундамент. . . во-он там, на взгорке, где «самострой». . . домики частные строят. А у нас без раствора бригада простаивает, шаромыжник ты несчастный! Иду к бригадиру!

Шофер самосвала (*останавливая ее*). Ляленька, не пыли! . . Купи себе лучше конфеток. (*Засовывает ей в карман спецовки трешку.*)

Ляля (*вспыхнув*). Забери свою поганую трешку! (*Выбрасывает бумажку из кармана на землю.*) Кому говорю, забери деньги! Слышишь? Ну?! Считаю. . . Раз. . . два. . . три! (*С ожесточением растирает трешку каблукон резинового сапога.*)

Шофер самосвала (*орет*). Что делаешь? Дура несчастная! Живые пол-литра топчешь!

Из своего укрытия выходит Чермен.

Чермен. Девушку зачем оскорбляешь? (*Схватил его за шиворот.*)

Шофер самосвала. Отпусти, дурик... Я ж думал — она нормальная!

Чермен (*встряхивая его*). Ты думал?.. Чтоб думать, голову иметь надо! А ты как барабан — голос громкий, внутри пусто!

Ляля (*испуганно*). Чермен!..

Энергично шагая, идет Барышев. Чермен отпускает шофера.

Чермен (*шипит*). Еще раз попадешься — из твоей рожи светофор сделаю. Ночью светиться будешь: красный, желтый, зеленый. .

Барышев. Бригадир ваш где?

Ляля (*зовет*). Иван Акимович!

Шофер самосвала поспешно подбирает деньги, счищает с бумажки грязь, прячет. Исчезает. Навстречу Барышеву входит Ерохин. Он в ватнике и оранжевой каске.

Ерохин. А-а, начальство пожаловало! День добрый, Андрей Кузьмич!

Барышев. Здравствуй, здравствуй! А я к тебе по деликатному делу, Иван Акимович! (*Отводит его в сторону.*) Мы к вам в бригаду трех девчат определили. Ну, как они тут у тебя?

Ерохин (*он не в духе*). Как-как... И что за мода нынче пошла — кругом девчата да бабы? Из-за их женского присутствия я задание доходчиво объяснить не могу... мысль уточнить. Сгоряча могу выразиться, одним словом... ляпнуть это самое... ну, знаки препинания, в некотором роде.

Барышев (*посмеиваясь*). А ты без них обходиться учишь... без изящной словесности.

Стрела крана проносит бадью с раствором. Ляля делает крановщице знаки, куда опускать бадью.

Ерохин (*наблюдая за ней, смягчаясь*). А вообще-то девчата хорошие. Особые девчата... поскольку все

три из детского дома. Маленькая... бетонщица наша, Ляля... она и вовсе явление редкостное.

Барышев (*удивленно*). Что ж в ней такого необыкновенного?

Ерохин. А то, что она подкидыш. Во всем детском доме единственный подкидыш. Ни фамилии, ни имени не знали, все лялька да лялька звали, малышка... Так и нарекли — Лялей, то есть Ольгой Малышко. На конце «о»...

К Ляле подходит Светлана.

А вот эта, тоже бетонщица, Кирсанова Светлана. Между прочим, гордость детдома. Школу с золотой медалью кончила.

Барышев. Хороша. Царевна-лебеды!

Ерохин. Рассудительная, с кругозором... Родители ее погибли. Оба, в автокатастрофе... Ну, а Марина... (*Оглядевшись, показывает вверх*.) Вот она...

Барышев (*глядя вверх, на электросварщицу*). Подумать только! Профессию какую выбрала.

Ерохин. Мальчишкой ей родиться надо было. И рука ей отцовская требуется... Только утонул ее отец, уже давно. А мать... (*Запнулся, махнул рукой*.) Считай — нет у нее матери. (*Вздохнул*.) Жаль девчат...

Барышев. Вот-вот, правильно говоришь — жаль девчат. Поэтому посоветовались мы на треугольнике и вынесли решение: в порядке партийной нагрузки назначить тебя к этим трем девочкам общественным попечителем.

Ерохин. Кем, кем?..

Барышев. Попечителем. Общественным.

Появляются Руденко и Жучков, издали слушают разговор.

Ерохин (*недоумевая*). Меня к ним и так наставником определили... по производственной линии.

Барышев. Так это ж по производственной. А теперь плюс к тому будешь еще их попечителем. Ну, вроде опекуна. Дважды, так сказать, наставником.

Ерохин (*ошеломленно*). Да вы что... Парней бы дали — ну туда-сюда. Но девчат... Огрубел я на стройках и этим... воспитательным искусством не владею. Нет, нет...

Барышев (*перебивая*). Закон это. Государствен-

ный... Имеется мнение треугольника. И потом... (*пони-
зит голос, доверительно*) директор красноградского дет-
дома меня просила... обустроить их, так сказать. А она,
между прочим, член обкома. Сам понимаешь. (*Жмет
Ерохину руку.*) Ну, поздравляю с ответственным пору-
чением! Так что теперь ты за них отвечаешь... как на
производстве, так и по линии морального облика. Насчет
там ухажеров... и всего такого прочего. Смекнул? Голо-
вой за них отвечаешь! Будем с тебя крепко спрашивать,
учти! (*Заторопившись.*) Заходи, побеседуем. А сейчас
спешу... (*Уходит.*)

Руденко (*подходя*). С повышением, бригадир! Но-
вое назначение получил — общественная няня!

Ерохин (*сокрушенно*). Да, ребята, крепко я влип...

Жучков (*будто баюкая грудного ребенка*). А-а-а-а!

Руденко. Не падай духом, Акимыч! Поднатужишь-
ся, еще пяток девчат на воспитание возьмешь, и мы тебя
к правительственной награде представим — почетное
звание и медаль (*постучал Ерохина по груди*) — «Мать-
героиня»!

Затемнение

КОМНАТА В ЖЕНСКОМ ОБЩЕЖИТИИ

Четыре железные кровати и небольшой столик. На всех постелях
по-традиции — большие нарядные куклы. Самая большая и нарядная
кукла на кровати Светланы. На стенах фотографии и открытки. Над
кроватью Ляли — фото киноактеров, большой портрет Муслима Ма-
гомаева. У Светланы — фото парня в солдатской гимнастерке. Из
репродуктора тихо льется танцевальная музыка. Светлана и
Ляля переодезаются после работы. Рая укладывает свой чемодан.

Она в мини-юбке, у нее модная прическа.

Светлана. Рая, постельное белье не забудь касте-
лянные сдать.

Рая. Ясное дело. Не в первый раз расчет беру.

Входит Марина.

Марина (*протягивая Светлане конверт*). Это тебе.

Ляля. От Юрки, да? Надо же, каждый день по
письму!

Светлана (*открывая конверт*). И даже по два. (*Читает.*)

Ляля. Светка, вернется Юрка из армии — поженишься?

Светлана. Мы еще в восьмом классе решили — ждать друг друга.

Ляля. Юрка из наших ребят самый видный был... Все девчонки по нему страдали! А как танцует!.. (*Изображает, делая несколько па современного танца.*) Счастливая ты!..

Стук в дверь.

(*Продолжая пританцовывать.*) Заходите!

Входит Ерохин. Он в праздничном костюме и при галстуке. Поднимается визг — полуодетые девушки прикрываются чем попало. Ерохин, смутившись и зажав глаза, на ощупь пятится назад, к двери, скрывается.

Светлана. Одну минутку! (*Убедившись, что девушки оделись.*) Иван Акимович, теперь можно!

Ерохин (*появляясь снова*). Прощения прошу...

Светлана. Это вы нас извините, беспорядок у нас. (*Собирая раскиданные бигуди, Ляле.*) Разбросуха! Сколько раз говорила — не смей ничего швырять на мою постель! Она неприкосновенна!

Ерохин (*посмеиваясь*). Учи их, Света, хорошенько учи! Беспорядок в доме — нет порядка в голове.

Ляля (*возбужденно*). Иван Акимович, у нас сегодня гости!.. (*Сооружая перед зеркалом прическу.*) Ну, посоветуйте мне, Иван Акимович, как лучше — с челкой... вот так... или челку убрать? А?

Ерохин (*растерянно*). Конечно... э-э-э... в общем, наверно, это самое...

Ляля. Правильно говорите, с челкой лучше! Тем более это сейчас модно, да? (*Начесывает волосы на лоб.*)

Ерохин (*колеблясь*). Нам бы с тобой, Мариша, поговорить надо. Важный, понимаешь ли, разговор... (*Вытаскивает из кармана письмо.*)

Ляля. И вот еще, Иван Акимович... (*Теребя его.*) Да Иван же Акимович!.. Смотрите: платице мне голубенькое надеть или этот джемперок-джерси? Как вы считаете? Ну, скажите! Вы же наш наставник!

Ерохин (*приходя в еще большее замешательство*).

Полагаю... то есть, само собой; который джжж... *(Бес-
помощно смотрит на Светлану.)*

Светлана. Джерси.

Ляля. Я тоже так думаю. Только вот... к джерси туфли на прямом каблучке больше подходят... в спортивном стиле, да? Ну, как по-вашему?

Ерохин *(окончательно огорченный)*. Я, Лялечка, в этих каблучках *(вздыхнул)*... как верблюд в интегральном исчислении... *(Прячет письмо обратно в карман.)*

Марина. Прямой, прямой каблук нужен. На, держи мои! *(Через всю комнату кидает туфли.)*

Ляля *(пытаясь их поймать)*. Ой! ой!.. Спасибо! *(Надев туфли, чуть приподнимает юбку, поворачивая перед Ерохиным ногу — анфас и в профиль.)* Ну как? Идут мне? Правда ведь?

Ерохин *(зажмурившись)*. А чего ж... наверное... *(В изнеможении опускается на стул. Ощутив, что сел на какой-то предмет, вытаскивает из-под себя бюстгальтер. Панически засовывает его снова под себя.)* Ну, попал... в вагон для некурящих! *(Поднимается, идет к двери.)*

Марина. Иван Акимович!.. Вы мне что-то сказать хотели.

Ерохин. Потом, потом... Я лучше попозже зайду. *(Поспешно выходит.)*

Ляля *(продолжая поворачиваться перед зеркалом)*. Ты, Райка, еще пожалеешь. Зачем уезжаешь?

Рая. А шо я здесь забыла? У меня тут одни неувязки получаются. Представляешь, познакомилась я с одним болгаром. И с чего они сюда из своего мягкого климата работать едут? Так вот... Христо его зовут. Волос черный, вьется... галстук широкий, модный... ну, и зарплата ничего, подходящая. В ресторан меня пригласил... у вас даже ресторан и то «Руда» называется! Ну, все у меня вроде с Христо наладилось... Я и спрашиваю: «Христо, ты на мне женишься?» А он мне улыбается, ласково до чего... и кивает, вот так... *(утвердительно кивает головой.)* Ну, думаю, порядок! Выхожу замуж, в Болгарию, думаю, поеду, там, говорят, трикотаж очень дешевый. А оказывается, у них, у болгаров, все наоборот. Если так делают *(отрицательно качает головой)* — значит, «да». А если так, как Христо мне кивал *(опять ки-*

вает утвердительно), — значит, «нет»! Представляешь, какое нахальство! Плюнула я на все и решила отсюда смыться.

Светлана (горячо). Стыдно слушать!.. Мы строим город, которого еще не существует на карте, мы сами дали ему имя — Рудногорск. Во имя чего? Во имя чего мы все живем?..

Марина (перебивая, резко). Брось, Светка! Что ты ей псалмы поешь? Пусть уезжает, пусть! Не нужны нам такие! (Начинает с ожесточением кидать Раины вещи в чемодан.) Катись отсюда! Живо!

Рая. Ну и вкалывайте себе на здоровье! Надрывайтесь! (В сердцах схватив чемодан и сунув куклу под мышку, размашисто идет к выходу.)

Появляются Чермен, Радий и Вадим Николаевич Доброхотов — представительный мужчина в очках в модной импортной оправе.

(С ходу наткнувшись на Доброхотова.) Чурка без глаз! Черт очкастый!..

Вадим Николаевич. Нельзя же так спешить, сеньорита!

Рая. А ну, отвали, пока цел! (Показывая на его очки.) А то все четыре выставлю! (Бесцеремонно отстранив его, выходит.)

Вадим Николаевич (посмеиваясь). Весьма изысканно... почти как на дипломатическом рауте.

Чермен. Девочки, прошу знакомиться. Радий, к нам на каникулы из Краснограда приехал. Товарищ Доброхотов, из Москвы, из Горного института Академии.

Вадим Николаевич (представляясь). Вадим Николаевич. Затесался в вашу молодую компанию по просьбе Радия. Вернее — в качестве приставки к моему магнитофону.

Радий (извлекая магнитофон из авиационной сумки «Эр Франс», перекинутой через плечо). «Филипс» последней марки.

Чермен (разглядывая его сумку). У нас в горах такая сумка хурджин всегда называлась. Теперь, вижу, переименовали — называется «Эр Франс»...

Вадим Николаевич (ставя на стол бутылку вина). Чермен, открой!

Светлана. Нет, нет, у нас не полагается!

Чермен (*отставляя бутылку*). В Осетии говорят: как река следует изгибам русла, так гость должен следовать обычаям дома.

Радий. Это ж детский напиток! Венгерский токай, всего десять градусов! На уровне пива!

Светлана. Важен не градус, важен принцип.

Чермен (*заметив над Лялиной постелью портрет Муслима Магомаева*). Кто это?!

Ляля (*тихо*). Разве не видишь, это же Муслим!

Чермен (*раскаляясь*). Какой Муслим? Чей Муслим? Зачем Муслим?

Ляля. Ох, господи! Да Муслим же Магомаев! Не узнал, что ли? (*Поспешно снимает портрет и прячет под подушку*.)

Вадим Николаевич. Итак, немного поп-музыки. (*Нажимает кнопку магнитофона*). Знаменитый Мик Джаггер со своим оркестром. Из всех бесноватых он, пожалуй, самый сумасшедший.

Звучат конвульсивные, рваные ритмы и хриловатый голос певца.

Радий (*Светлане*). Станцуем?

Светлана. Нет, нет, такие танцы я не признаю.

Марина. Светка считает — они вызывают у молодежи нездоровые эмоции.

Радий. Напрасно. (*Поворачиваясь к Марине*.) А вы?

Марина (*поднимаясь*). Попробуем...

Танцуют.

Вадим Николаевич (*подходя к Светлане*). А быть может, все-таки снизойдете к возрасту?

Светлана. Что ж, веский довод. (*Поднимается*.)

Танцуют. Стук из-за двери.

Так и знала! Девочки рядом занимаются. Теперь уж такое про нас скажут!..

Марина. Пусть говорят.

Светлана. И музыка ваша... плохая!

Вадим Николаевич. Плохая?.. Вы так категоричны?

Светлана. Я вот по телевидению слушала, про Иоганна Себастьяна Баха...

Радий (*перебивая*). Света, осторожней! Заминированный участок! Вадим Николаевич великий спец как раз по классической музыке,

Вадим Николаевич. Наверно, каждый век диктует не только свою модель поведения человека, но и свою музыку. Как мы теперь живем? Мы бежим, мчимся...

Чермен. На работу бегом, за автобусом — бегом, в магазин — бегом, на занятия — бегом! Вах!.

Ляля. И все равно ничего не успеваешь.

Радий. Вадим Николаевич все успевает.

Вадим Николаевич. Потому что я — Гобсек... Скупой рыцарь, экономлю каждую свою секунду. И строго все рассчитываю.

Светлана. Как же вы решились потратить с нами целый вечер... зря?

Вадим Николаевич (*внимательно поглядев на Светлану*). Зря, не зря — кто его знает? Так о чем мы? Да! Сейчас нужна личность, способная выдержать перегрузки века. Приходится избавляться от всего, что мешает твоим планам... даже от людей.

Чермен. Одному плохо. Из одного полена костра не сложишь. Без друзей нельзя.

Радий. А вот Вадим Николаевич сказал бы иначе. Кому нужны теперь друзья... и разные обветшалые категории вроде доброты, любви, гуманности? Их давно пора сдать в ларек вместе с пустыми бутылками.

Вадим Николаевич. Мой юный друг, у тебя всегда оставалось много времени для тонких переживаний — за тебя думали родители. Мне же приходилось всего в жизни добиваться самому, вот этой головой.

Светлана (*раздумчиво*). Как мы боимся этого слова — рассчитывать. Что в нем зазорного? Человеку дан разум, чтоб мыслить, проверять свои поступки, взвешивать. А если каждый станет поддаваться мимолетному настроению? Или капризу?

Радий. Довольно, надоело! (*Включает магнитофон.*)

Звучит пламенный кавказский танец.

Чермен (*оживляясь*). Наш танец! Жигла называется!

Радий. А ну, Чермен!

Сначала Радий, а за ним и другие начинают хлопать в ладоши в такт музыке. Чермен поднимается, ноги его начинают непроизвольно двигаться. Ритмы танца становятся все горячее, все стремительнее. Чермен приближается к Ляле, приглашая ее. Светлана и Марина под-

талкивают Лялю. Преодолев смущение, Ляля выходит в круг, плывет в танце. Не замеченный в шуме веселья, входит Ерохин. Жестом он отзывает Марину. Они тихо отходят в сторону, на авансцену. Звуки бравурной музыки постепенно становятся тише, декорация общезнания уходит в затемнение. В световом круге — Ерохин и Марина.

Ерохин (*искоса поглядывая на Марину, неодобрительно*). Нынче юбки еще короче носить стали?

Марина. Ну и что? (*В самом хорошем настроении, она идет, подражая манекенищице.*) Сегодня человек должен вписываться в окружающий мир — в архитектурный ансамбль, в пейзаж.

Ерохин (*нахмурившись*). Хватит дурака валять... (*Вынимает из кармана конверт.*) Тебе письмо.

Марина (*разглядывая*). Станный обратный адрес... Магаданская область... И цифры какие-то...

Ерохин (*уклончиво*). Что ж, и такие адреса бывают...

Марина вскрывает конверт, читает. И, не дочитав, в сердцах комкает письмо.

Ерохин. Чего взвилась? Случилось что?

Марина (*растерянно*). Ну прямо как в кино! Мать у меня прорезалась... Ни с того ни с сего! Мамаша... так сказать, ди муттэр. (*Протягивает письмо.*) Почитай-те, если охота.

Ерохин (*читает*). «Марьяночка, дорогая моя доченька...»

Марина (*нахмурившись*). «Марьяночка», видите ли...

Ерохин. «...единственная моя радость!»

Марина. Единственная? С каких это пор?

Ерохин. «Прошла, промелькнула целая жизнь, и теперь во всем белом свете у меня осталась только ты... ты одна».

Марина. А не поздновато вспомнила? Мелодрама в стиле Карамзина.

Ерохин (*разозлившись*). Да ты хоть дочитать до конца дай! (*Продолжает.*) «Живу одной мыслью — приехать к тебе...»

Марина. А где она раньше была? Где?..

Ерохин (*продолжая*). «Каждую ночь вижу тебя во сне. Умоляю, напиши. Скорей напиши, нету сил ждать...»

Марина. Кому писать? Чужому человеку? Нет у меня никакой матери! Нет, нет, нет! (*Резко повернувшись, хочет уйти.*)

Ерохин (*прикрикнул*). Куда?! Стой, когда я с тобой разговариваю!

Марина останавливается.

А вдруг она в беде? Об этом ты подумала? Пишет-то издалека... интересуешься, откуда пишет? (*Испытующе посмотрел на Марину.*)

Марина (*подчеркнуто сухо*). А мне все равно.

Ерохин. Все равно... А если ты ей нужна? Не она тебе, а ты — ей? Позарез нужна? Ну, представь, даже посторонний человек тебя Христом-богом попросит: «Помоги, кроме тебя некому!..» — ты ему что ответишь? (*Передабривая.*) «А нам все равно» — так, что ли?

Марина отвернулась.

(*Протягивает письмо.*) Возьми!

Марина. Все равно отвечать не собираюсь. (*Не взяв письма, уходит.*)

Затемнение

Автобусная остановка — небольшое сооружение в виде гриба или навеса со скамеечкой. Где-то неподалеку звучит смех Марины — счастливый, беззаботный. Вбегают Марина и Радий.

Марина (*с разбегу опускаясь на скамейку*). Ветер какой! Замерзла даже... (*Дышит на руки.*)

Радий берет ее ладони, бережно отогревает их.

(*Тихо.*) Спасибо...

Радий (*удивленно*). За что?

Марина. Тепло стало... хорошо.

Радий. Ну, если ты в кафе не хочешь, давай хоть в кино сходим?

Марина. Утопия... Билетов не достанем. На всю стройку один кинотеатр на двести человек...

Радий. А я билеты достану.

Марина. Как?

Радий. Элементарно. Скажу администратору, что я сын Барышева.

Марина (*насторожившись*). Какого Барышева? (*Жест куда-то вверх.*) Нашего... замначальника строительства?

Радий. Его самого. Так что, будь спокойна, с таким паролем билеты обеспечены. Ну, пошли?

Марина. Что-то расхотелось... Предпочитаю покупать билеты, как все, — просто в кассе. Значит, ты сын Барышева...

Радий. Это плохо?

Марина. Нет, отчего же. Мы выбираем себе только друзей, а не родителей... (*Взяла прутик, чертит по земле.*) Радий... Уменьшительное — Радик. Имя у тебя суперсовременное.

Радий. Отцу спасибо сказать надо, что не назвал еще современнее. Например — Синхрофазатрон, уменьшительное — Фазик.

Марина (*рассмеявшись*). Или Изотоп, уменьшительное — Изя (*После короткой паузы.*) А у меня нет отца... Мой отец погиб. (*Поспешно, с непонятым ожесточением.*) И матери у меня тоже нет... нет у меня матери!

Радий (*удивленный ее тоном*). Что с тобой?

Марина. Никого у меня нет! Никого! Я как цыпленок в том анекдоте — инкубаторный! (*Смеется*). Да, да, инкубаторный!.. Не ждал? (*Вскочила, убегает.*)

Радий спешит за ней.

З а т е м н е н и е

СТРОИТЕЛЬНАЯ ПЛОЩАДКА

Обеденный перерыв. На штабеле досок расположился Ерохин. Он «обедает», отхлебывая кефир прямо из бутылки, засая батонном. Неподалеку Светлана. Разложив на досках брошюры и географическую карту, она делает какие-то записи в тетрадке. Слышен шум подъехавшего автомобиля.

Появляется Чермен.

Чермен. Приятного аппетита, Иван Акимович.

Ерохин. Здорово, Чермен. Ты случаем не в начальники вышел? На «Волге», вижу, прикатил.

Чермен. Доброхотов подвез, Вадим Николаевич.

Ерохин. А этот... Доброхотов... откуда он у нас вынырнул?

Чермен. Диссертацию пишет. На материале нашего рудника.

Ерохин. Так, так... Поди-ка сюда, джигит... поближе. Ляля сказала, ты ей предложение сделал, жениться решил?

Чермен. Решил, Иван Акимович.

Ерохин. А подумал хорошенечко... посоветовался?

Чермен. У нас в Осетии говорят: если горцу посоветоваться не с кем, поставь папаху на землю, спроси у своей папахи.

Ерохин (*усмехнувшись*). И что тебе папаха ответила?

Чермен. Сказала — такой, как Ляля, во всем мире нет. Женись, Чермен! Чем скорей, тем лучше!

Ерохин. А если родители в своем ауле невесту тебе подыскали, по вашему обычаю?

Чермен. Мать пишет: каждое утро стою на крыше сакли, смотрю на дорогу, жду, когда невесту привезешь. Только справить свадьбу дома надо, по старинному обычаю, в родном ауле.

Ерохин. Значит, с предрассудками твои родители?

Чермен. Зачем — родители? Прадеду уважение оказать надо. Прадед мой, Казбек Цхурбаев, — старейший в нашем роду. Сто шесть лет в этом году исполнится. Придется Ольге в наш аул ехать. Кармансиндикау называется.

Ерохин. Ну и название — язык узлом завяжешь...

Чермен. Семь дней у нас свадьбу играют.

Ерохин. Видно, времени у вас свободного много... в этом... Дзаукармане, или как его...

Чермен. Обычай! Двести человек гостей будет, не меньше.

Ерохин (*ахнув*). Двести человек?! Ну и вернешься обратно без порток. (*Помолчав.*) А народ ваш... ну, одним словом, какой веры?

Чермен. Веры? (*Рассмеялся.*) Когда дела хорошо идут — какая может быть вера? А неприятность случается — старики про бога вспоминают, в мечеть бегут.

Ерохин. В мечеть? Ага, ясно. Мусульманцы, значит. (*Подозрительно.*) А мусульманцам, говорят, по четыре жены иметь разрешается, верно?

Чермен. Вах! Когда это было? В старину... А в наше время четырех жен кто прокормить может?

Из «бытовки» появляется Ляля. Чермен устремляется ей навстречу.

Ляля. У Барышева был?

Чермен. Три часа в приемной сидел.

Ляля. Не принял?

Чермен. Зачем обижаешь? С почетом принял. В кресло посадил. «Боржоми» налил, сигаретой угостил. Потом говорил: «Знаю, знаю, товарищ Цхурбаев, ты на руднике лучший взрывник. Так что на свадьбу лично приду, ключи от комнаты вручу. «Ключи молодоженам» — пусть это станет доброй традицией на нашей молодежной стройке!» *(Отводя ее в сторону.)* Нам в дорогу собираться надо. Мама пишет: прадед Казбек к нашей свадьбе готовится, свою черкеску в химическую чистку сдал. *(Вспомнил, озабочился.)* В субботу в Красноград поедem родне подарки покупать. *(Вынул из кармана большой лист бумаги.)* Я список составил — кому что дарить.

Ляля *(поглядев, всплеснула руками.)* Боже, сколько родственников! И всем дарить? Это ж умереть!.

Чермен. Обычай, Ляленька... Ничего, Ляленька, близкий человек — камень, деньги — вода... Вода уходит, камень остается...

Появляется Вадим Николаевич. Заметив Светлану, подходит к ней.

Вадим Николаевич. Разрабатываете диспозицию сражения? Как Наполеон под Аустерлицем?

Светлана. Ну, моя задача поскромней. Надо провести политинформацию — «Положение в Индокитае».

Из столовой возвращаются Руденко и Жучков.

Вадим Николаевич. Да, кстати... Третий день таскаю. *(Вынимает из портфеля небольшой томик.)* Об Иоганне Себастьяне Бахе. Насколько я помню, вы им интересовались.

Светлана *(вспыхнув.)* Как это вы не забыли!

Вадим Николаевич. У меня хорошая память. *(Со значением.)* А по отношению к вам — тем более. Любопытная книжица. Если что не поймете, буду рад по-

мочь. До свиданья. (Обернулся.) Чермен! Иди, довезу! (Уходит.)

Ерохин (ему вслед). Туз козырный...

Руденко. Чего теряетесь, девчата? Застропливайте!

Ерохин. Эдакого орла небось давно уж сбженили.

Чермен. А вот и ошибаетесь! (Убегает.)

Ерохин (скосив глаза в сторону Светланы, ворчит). Командировочные — они все холостые. Ты когда-нибудь женатого командировочного видел?

Жучков (посмеиваясь). Правильно, бригадир! За девчонками в четыре глаза присматривай!

Появляется Марина.

Ляля (потихоньку, лукаво). Светик, с чего он к нам так зачастил?

Светлана. А что удивительного?

Ляля. Так он же старик! Ему, наверное, лет уже под сорок!

Светлана. Сорок три. Ну и что? Для мужчины — лучшая пора. Во всяком случае, в этом возрасте мужчина отвечает за свои поступки. Не то что наши сопливые мальчишки. (Извлекая из сумки пачку одинаковых тонких листочков.) Бригадир! Соцдоговора когда заключать будем? Вот, в построёнке вам передать велели. (Протягивает Ерохину один из листочков.) Соцобязательство для нашей бригады.

Руденко (отбирая у нее всю пачку бумаг). Гляди, во здорово! Для всех бригад обязательства под копирку отпечатали!

Светлана. Осторожно, сомнешь! Это же рекомендация построёнке!

Руденко. Ах, рекомендация? Выходит, за меня подумали, мне подсказали — только расписаться остается? Широкое вам русское мерси!

Ляля (читает). «Мы (бригаду вписать), включаясь в социалистическое соревнование (в честь чего, вписать)...»

Марина. Посмотрите, кругом-бегом каждой бригаде по сто десять процентов плана отвалили! А бригады — все разные... Какое ж это соревнование?

Жучков. Так это просто довесок к плану! Всем поровну, чтоб не обидно было.

Светлана (*сердясь*). Соображай, что говоришь! Ерохин. Тише!.. Тише, говорю! Все скопом на одну налетели... рой пчелиный!

Светлана. И правда, чего завелись? Сказано вам — постройкому видней, что по строительству в целом требуется. Вот на всех и разделили... А нам остается только резолюцию вынести.

Ерохин (*покачал головой*). Ну-ну... Вот ты умница умницей, а в этом деле недодумала... (*Складывая бумажки в стопку*.) Это же мертвая бумага!.. И резолюция получится как покойник: выносят — шумят, вынесли — забыли. Ничего нашего в этих бумажках нету. Ни одной мысли нашей, ни боли, ни старания... Для отчета все, для галочки. И нам принимать участие в этой показухе... точнее говоря, во вранье... не обязательно. (*Рвет бумагу*.)

Светлана. Ой!.. Теперь мне в постройкоме голову снимут!

Ерохин. Ну нет! Я с ними сам поговорю... в общедоступных выражениях. Пусть мне попробуют голову снять. У меня она крепко привинчена. (*Посмотрел на нее грустно и ласково*.) Девятнадцать лет... позавидуешь! В девятнадцать я как раз на флоте служил. Море в первый раз увидел... В девятнадцать ты все, можно сказать, с наипервейшего начала начинаешь. И тут самая пора подумать: сможешь ты человеком стать?.. Настоящим человеком, не пешкой. Будешь для дела жить или за бумажку прятаться? За бумажкой иной раз как за каменной стеной: спокойно, не дует... выгодно! Но если ты в своей жизни первый кирпич криво положишь, то стенку хоть до неба строй — все равно вкось получится...

Затмение

В ОБЩЕЖИТИИ

Никого нет. За дверью слышен голос: «Здесь, здесь Цыганкова живет». Дверь открывается, нерешительно входит женщина с лакированным чемоданом, к которому приторочены старые растоптанные валенки. Она еще довольно молода, у нее модная нарядная прическа, прикрытая легкой косынкой — чтобы не растрепались волосы. Одеты довольно изящно, но немного ярче, чем полагается ей по возрасту, в костюме, пожалуй уже несколько вышедшем из моды. Лакирован-

ные ее туфли сильно испачканы глиной. Вошедшая несмело ставит в сторонку чемодан, тщательно вытирает ноги о половичок. Заметив зеркало, пытается привести себя в порядок, торопясь и явно волнуясь. С любопытством осматривает комнату. Ее внимание привлекает нарядно убранная кровать Светланы. Подходит к этой постели и пристально разглядывает фотографию Юры Алешечкина. Появляется Марина и с удивлением наблюдает за чужой женщиной.

Марина. Простите, вам кого?

Вошедшая (*вздрагнув от неожиданности*). Извините. . . Мне бы Марьяну Цыганкову.

Марина. Марину, хотите сказать? Я — Марина.

Пауза. Обе рассматривают друг друга.

Вошедшая (*волнуясь*). Боже мой, боже. . . Совсем уже взрослая!

Марина (*настораживаясь*). Да вот как-то незаметно подросла. . . и почему-то вверх. А у вас ко мне дело?

Вошедшая. Не узнаешь меня, Марьяночка?

Марина. Я — Марина. Не Марьяна, а Марина.

Вошедшая. Как же так? По метрике — Марьяна.

Марина (*несколько агрессивно*). А в детском доме все называли Мариной. Так и осталось. . .

Вошедшая (*голос ее дрогнул*). Неужели совсем меня не помнишь? Боже мой, как ты похожа на своего отца! (*Сделала несколько нерешительных шагов, уткнулась в плечо Марины, заплакала.*) Это же я. . . я! Неужели совсем не узнала?

Марина (*не сдвинувшись, будто окаменев, и глядя мимо*). Теперь догадалась. Только мне показалось — вы ведь меня тоже не узнали. . .

Вошедшая (*отпустив ее, в растерянности*). Сколько лет прошло. . . ну да. Конечно, конечно.

Разговор иссякает.

(*С наигранной бодростью.*) Грязи у вас! Еле добралась!

Марина. Стройка. . . Не для туфелек.

Вошедшая. Ничего. Вот шубу продам — сапоги куплю. Не очень изящно, но (*силясь улыбнуться*). в конце концов, ноги для современной женщины не роскошь, а средство передвижения.

Марина (*сухо*). Вы туфли промочили. Сейчас тапочки дам.

Вошедшая. Почему «вы»? Называй меня на «ты»...

Марина. Да, да, само собой, на «ты»... (*Достает тапочки.*) Садитесь, переобуйтесь, пожалуйста. Нет, нет, моя кровать вот та...

Снова воцаряется молчание.

Вошедшая. Я понимаю, конечно... Прости, что приехала... Ты ни на одно письмо не ответила... и слепому видно было... Но куда мне было податься? Жизнь так повернулась, что деться мне больше некуда... некуда!

Пауза.

Марина. Извините, я с работы. Сейчас переоденусь. (*Уходит за занавеску, переодевается.*)

После работы возвращаются Светлана и Ляля.

Ляля (*заметив постороннюю*). О, у нас новенькая! На «транзитную» койку?

Вошедшая. На какую... транзитную?

Марина (*с некоторым вызовом*). Нет, Ляля, ошибаешься. Знакомьтесь, девочки, это моя мать.

Ляля (*потрясенная*). Мать?! Мама?!

Светлана (*Марине*). У тебя... мама? Не может быть! С каких это пор?

Вошедшая (*пытаясь улыбнуться*). Да, девочки, — мама. Меня зовут Людмила Викторовна. Но вы называйте меня просто тетя Люся.

Светлана. Я — Светлана. А это — Ляля. Вы к нам погостить приехали? Или насовсем?

Людмила Викторовна (*глядя на Марину, нерешительно*). Не знаю... Быть может...

Светлана. Ну конечно же, оставайтесь у нас в Рудногорске! А где вы жить будете?

Людмила Викторовна (*продолжая вопросительно смотреть на Марину*). Еще не решила...

Ляля. У нас как раз койка освободилась! Вот эта... на ней никто долго не задерживался, так мы ее «транзитной» прозвали.

Светлана. Правильно! Мы в среду на стройке эти вопросы решаем, я все смогу уладить.

Людмила Викторовна (растерянно). Спасибо... но... (Снова глядит на Марину.)

Марина отводит глаза в сторону.

(Светлане.) Нет, нет, не беспокойтесь. Не стоит.

Ляля. Да что вы, конечно здесь оставайтесь! Ой, девочки, с ума сойти! Представляете, Чермену скажу: «У Марины мама!» Ой, держите меня, я падаю!

Светлана. Ну, Маришка, поздравляю. (Целует.) Что ж ты молчала? Мать у нее, оказывается, есть, а она нам — никогда, ни звука! Конспиратор великий!

Ляля. Чудеса, чудеса, рехнуться можно! А я, как предчувствовала, пастилу купила. (Ставит на стол коробку.) Бело-розовая... (Вынимает посуду.)

Людмила Викторовна (заторопившись). И у меня кое-что есть... для встречи. (Достает из чемодана.) Вот сыр... колбаска сырокопченая... печенье «Юбилейное». И еще портвейн под заглавием «Солнцедар». (Извлекает большую бутылку.)

Ляля (смеется). Ой, огнетушитель! Да, да, в бригаде у нас ребята эту бутылку «огнетушитель» прозвали.

Людмила Викторовна (виновато). На лучшее финансов не хватило. (Разлила вино по чашкам.) Ну, будьте счастливы, девочки. (Залпом выпивает вино. И вдруг смущенно замечает, что никто из девочек и не пригубил. После короткой паузы.) А-а... вот, значит, как! Вы комсомолки, вам не положено? Правильно, девочки... очень хорошо. (Оглядевшись.) И вообще у вас здесь чудесно!

Светлана. Да, общежитие у нас хорошее.

Людмила Викторовна. Нет, Светочка, не про то я... Вы даже не понимаете, девочки, до чего у вас прекрасно! Как во сне! Оказывается, и в моем возрасте жизнь повернуть можно... на все сто восемьдесят градусов. Просто себе не верю... Сижу здесь... Вот вы, Марьяна... (поправляется) Марина, и я с вами. Проститься боюсь. Ох, что-то голова закружилась... Устала с дороги... ноги промочила, не простудиться бы. Я себе, пожалуй, еще глоточек налью. Не возражаете? (Наливает себе вино.)

Светлана (желая прервать неловкую паузу). А мы, тетя Люся, коммуной живем. Все у нас общее — достижения и огорчения, переживания и неудобства... (Смеет-

ся.) Посуда тоже общая, швейная машинка, бигуди и те общие! Даже деньги! *(Вынимает из тумбочки коробку, инкрустированную ракушками, раскрывает.)* Видите? На туристические путевки копим. Чем плохо? Тетя Люся, а вы куда на работу устраиваться думаете?

Людмила Викторовна. По специальности, в бригаду отделочников. Я уже документы в отдел кадров сдала.

Марина вопросительно вскинула на нее глаза.

Штукатуром...

Светлана. Вас — к отделочникам? Да вы оттуда на второй день сбежите! У них условия трудные. Спецовку даже высушить негде, так сырую и надевают.

Людмила Викторовна. Я работы не боюсь. *(Протягивает руки.)* Вот, погляди.

Светлана. Да, руки действительно рабочие... *(Оглядела Людмилу Викторовну.)* А так вот — в жизни не подумаешь... И потом — знаете, какие морозы здесь бывают? Зимой нынче даже тормоз на кране замерз! Бадья ка-ак пошла вниз. Прямо на людей!.. Страх какой! Думала, убьет кого... Чуть меня инфаркт не хватил!

Людмила Викторовна. Морозы?.. *(Рассмеялась.)* Да разве ж это морозы? Вот где я работала — там действительно морозы... железные. А когда после долгих, долгих месяцев ночи... темноты крошечной над горизонтом краешек солнца глянет — смутное еще, малокровное... Но какое это счастье, девочки!

Марина. Где это? В Заполярье?

Людмила Викторовна. Да.

Светлана. Куда все за коэффициентом полярным едут?

Людмила Викторовна. Вот именно — куда все ездят длинные рубли катать... *(Усмехнулась.)* Да еще те, кто сгорел за буграми.

Марина *(не понимая)*. Сгорел за буграми?..

Светлана. И много вы там заработали?

Людмила Викторовна *(грустно усмехнувшись)*. Много, девочки... ой, много.

Светлана. А где ваши вещи? Багажом идут?

Людмила Викторовна. Багажом? *(Рассмеялась.)* Да, малой скоростью. Такой малой, что за всю

жизнь дойти не успеют. *(Показала на чемодан.)* Вот мои вещи.

Светлана *(пораженно)*. И это все?

Людмила Викторовна. Как видишь. Вот как у меня получилось.

Светлана. Странно...

Людмила Викторовна. Бывает, случается. *(Налила остаток вина в чашку. Перехватила насмешливо-осуждающий взгляд Марины.)* Ну ничего, это напоследок... Не пропадать же добру. *(Выпила, выбросила пустую бутылку в корзину для мусора.)* Вот и завязала! *(Смеется беспричинно, блаженно.)* Ну и народу здесь у вас... а шуму! Шла сюда — видела, черемуха цветет, осыпается... «Май жестокий, с белыми ночами! Вечный стук в ворота — выходи!» *(Запнулась.)* «...за плечами...» Что ж там за плечами?

Марина *(тихо)*. «Голубая дымка за плечами, неизвестность, гибель впереди...»

Людмила Викторовна *(лихорадочно)*. «Неизвестность, гибель впереди...»

Марина *(продолжая)*. «Женщины с безумными очами, с вечно смятой розой на груди...».

Людмила Викторовна. «Май жестокий, май жестокий...» У вас тут выюга черемуховая, а у нас там — еще настоящая выюга, снежная. Метет, метет... Гитара чья, девочки?

Ляля. И гитара у нас тоже... коммунальная.

Людмила Викторовна. Можно? *(Берет, нежно проводит пальцами по полированной поверхности инструмента.)* Гитара... Как же я, девочки, прежде стихи и песни любила! *(Перебирает струны, поет.)*

Затемнение

АКТ ВТОРОЙ

АВТОВУСНАЯ ОСТАНОВКА

Пристроившись на краю скамейки, Радий курит. Затаптал сигарету и тут же вынул другую. Щелкнул зажигалкой, чтобы прикурить. Марина, которая незаметно подошла сзади, дунула и погасила пламя зажигалки.

Радий (*повернувшись*). Наконец-то!

Марина (*пересчитав лежащие у его ног окурки*).
Одиннадцать окурков. На сигаретах ты не экономишь.

Радий. Я жду тебя сто миллионов лет.

Марина. Я пришла на целых пять минут раньше.

Радий (*перехватывая ее руку*). Садись. Нет, не так.
Повернись ко мне.

Марина. Зачем?

Радий. Мне нравится смотреть на тебя. (*Пауза.*)
Прости, забыл поздравить. Мне сказали — мама твоя на-
шлась... Вот так номер! Радость какая!

Марина (*после короткой паузы*). Твоя мать, навер-
ное, очень тебя любит?

Радий. Еще бы... (*Небрежно.*) Пожалуй — черес-
чур. Осаждает заботами... ни на секунду не оставляет
в покое.

Марина. Я-то не могу на это пожаловаться. У меня
было много лет покоя... полного покоя. (*Помолчав.*) Что
ты говоришь матери, когда приходишь домой?

Радий. Ну, как все... Говорю: «Здравствуй, мама!»

Марина. А вот я... иду с работы, приказываю
себе — сейчас войду, улыбнусь ей и скажу: «Здравствуй,
мама!» И... не могу. Ну, никак! (*Пытается привыкнуть,*

повторяет на все лады.) Мама... Мама, мама, мама. Нет, нет... (Замолкает на мгновение.) А ты... ты любишь свою мать?

Р а д и й. Я люблю тебя.

М а р и н а. Я спрашиваю серьезно.

Р а д и й. А я и говорю серьезно. Как никогда.

Пауза.

М а р и н а. О чем ты молчишь?

Р а д и й. О тебе... А ты?

М а р и н а. И я — о тебе. Странно... Со мной никогда такого еще не бывало.

Р а д и й. Маринка... Не могу я видеть в твоих глазах боли... как сегодня. Что я могу для тебя сделать? Ну, что?!

М а р и н а (оглянувшись). Прежде всего не кричи так громко.

Р а д и й. Почему? А я хочу кричать! Вот возьму и крикну во всю глотку: «Марина, будь моей женой!»

М а р и н а. Тише!..

Р а д и й. Пусть все слышат, пусть! Я прошу тебя, будь моей женой! (Ускользая от Марины, пытающейся остановить его, бежит.) Будь моей женой!

И магнитофонная запись, как эхо, повторяет на все голоса: «Я прошу тебя, будь моей женой! Будь моей женой, Марина!..»

З а т е м н е н и е

В ОБЩЕЖИТИИ

На сцене Людмила Викторовна. Она в фартуке, занята уборкой. Волосы причесаны гладко, отчего она, пожалуй, выглядит моложе. Стук в дверь.

Людмила Викторовна. Войдите.

На пороге появляется Ерохин.

Ерохин. Здравствуйте. Стало быть, опять новенькая... «транзитная»? А девчата скоро придут?

Людмила Викторовна. Должно быть, скоро. Вы, извините, по какому делу?

Ерохин (несколько удивленно). То есть что значит — по какому? Я к дочкам своим пришел.

Людмила Викторовна (удивляясь в свою очередь). К дочкам? Которая же из них ваша?

Ерохин. Да все три.

Людмила Викторовна (не понимая). Как это — все три?

Ерохин. Именно — все три!

Людмила Викторовна. В каком смысле... дочери?

Ерохин. В самом прямом.

Людмила Викторовна (совершенно сбита с толку). Родные дочери?

Ерохин. Ясное дело — не двоюродные.

Людмила Викторовна. И Марина — тоже ваша дочка?

Ерохин. И Марина. Само собой. А почему вы именно про Марину спрашиваете?

Людмила Викторовна. Так ведь я... извините меня, конечно, но я ее мама... Мама Марины.

Ерохин (поражен). Вот как?.. Ну да, бывает... Неужто та самая... родная мать?

Людмила Викторовна (тихо улынувшись). Ясно, не двоюродная. Да вы садитесь, пожалуйста.

Ерохин. И вы оттуда... в общем, уже окончательно... прибыли?

Людмила Викторовна. Вчера вечером приехала.

Ерохин. А я ничего и не знал. Вот и познакомились. Если закурю, вы не против?

Людмила Викторовна. Курите, пожалуйста.

Ерохин (закуривая). Я вашей Марине, конечно, не совсем отец... (Улынувшись.) На общественных началах, так сказать, в порядке нагрузки от партийной организации. Общественный попечитель, точнее говоря.

Людмила Викторовна. Извините, что в таком виде. Завтра уже на работу выхожу, вот и решила прибраться. Им-то все некогда...

Ерохин. Позвольте я вам помогу. (Берет веник.)

Людмила Викторовна (смущенно, пытаясь отобрать веник). Что вы, что вы!.. Как можно?

Ерохин. Да вы не сомневайтесь, я по хозяйству все умею. (Начинает выметать из-под кровати, посмеиваясь.)

Это нынче не только на производстве, но и в жизненных буднях — совмещение профессий. Вот ваша Марина, к примеру, электросварщик четвертого разряда, а еще на курсы ходит, на монтажницу учится. *(Берет из ведра мокрую тряпку.)*

Людмила Викторовна *(испуганно)*. Ну, уж это вовсе не мужское дело! *(Хочет забрать тряпку.)*

Ерохин. Не мужское? Кто сказал? Я ведь в молодости на флоте служил. И кто лучше палубу надраить сумеет — вы или я — это еще проверить надо. Только я пиджак сниму, вы не против?

Людмила Викторовна. Конечно, а то измажете. *(Принимая из его рук пиджак.)* Ох, у вас же вся подкладка оборвалась! *(Берет иголку, начинает пришивать.)*

Ерохин. Я бы сам... как-нибудь на досуге.

Людмила Викторовна. Жене надо было сказать.

Ерохин. Да, да, конечно. *(Берет щетку.)* Только нет у меня никакой жены. Вот уже скоро полтора десятка лет нету. Извините — сбежала.

Людмила Викторовна. Сбежала?

Ерохин *(наматывая тряпку на щетку)*. Вот именно. При нашей профессии это весьма даже возможно. *(Начинает протирать пол.)* Когда мы с Тоней познакомились, я как раз сверхсрочную служил. Главстаршина! Гвардейская лента на бескозырке... Ну, и вид соответствующий. Заглядишься! Не верите?

Людмила Викторовна *(рассмеявшись)*. Отчего же, верю. Осанка морская так при вас и осталась.

Ерохин. То-то же... Влюбился я тогда без памяти... И променял морские дали на монтажные высоты. Начали мы с Тоней по стройкам мотаться. Красноярск, Тайшет — Абакан, Караганда... Думал — земля-то ведь не море, — все-таки след после меня на ней останется. Девочка родилась, Зоя... Зайка, Заинька... Ну, ни квартиры, конечно, ни дома не было. Иной раз в вагончиках жить приходилось. Но работу свою очень любил. Вот на Куйбышевской ГЭС, к примеру, мы красиво потрудились... Меньше ста шестидесяти процентов к плану не давали. И как раз там... аккуратно нулевой цикл мы заканчивали... прихожу домой — ни Тони, ни дочки. А на столе письмо... Так, мол, и так, дорогой

Ваня, снятся мне только рельсы, шпалы, семафоры, надоело, хочу нормальной человеческой жизни... *(Еще ожесточеннее начинает драить пол.)*

Людмила Викторовна *(поспешно)*. Сгоряча она, сгоряча... Чего только в молодости сгоряча не творишь! Вы ее не вините!

Ерохин. А я и не виню... Через год от нее еще письмо пришло: «Вышла замуж за хорошего человека. Денег мне твоих не надо, на алименты подавать не буду. Только есть к тебе одна просьба — Зоенька мужа моего «папа» называет. Пусть все так и останется, лучше ты к нам не приезжай...» И пришлось мне с того дня начинать, так сказать, с нулевого цикла... Вот и вся автобиография моей личной жизни, Людмила Викторовна. Живу один... волк-одиночка. Холостому везде плохо...

Людмила Викторовна *(улыбнувшись)*. А женатому только дома...

Ерохин *(помолчав)*. Как ведь оно бывает? Кажется — ты еще молодой, вся жизнь впереди. А в один прекрасный день выясняешь — виски совсем седые, приехали — станция «Старость», пора сливать масло... *(Любуясь результатом своей работы.)* Ну, принимайте работу. Как у меня палуба... то есть пол получился?

Людмила Викторовна. Не пол — северное сияние! *(Помолчав.)* И вы... свою дочку за эти пятнадцать лет так ни разу и не видели?

Ерохин *(с горечью)*. Не знаю даже, где они теперь живут. *(Помолчав.)* Сюда, к девчонкам, прихожу... все гляжу на них, гляжу... представить себе пытаюсь, какая у меня там дочка выросла? *(Помолчав.)* Почему-то вообразил, что она на Светлану похожа...

Людмила Викторовна. Грустная история...

Ерохин. Ну, про грустное мы с вами вспоминать не станем. Ни про мое, ни про ваше. Условились? *(Взял гитару.)* А вот на гитаре я ох и лихо же играл!.. Всего лет тридцать тому назад. Все девчата просто обмирали! *(Настроил гитару, тронул струны, ударил и впрямь лихим перебором. И запел хрипловатым простуженным голосом песню — ровесницу его молодости — «Синий платочек».)*

Продолжая убирать, Людмила Викторовна подхватила песню. Тихо и складно они поют в два голоса.

Входят Марина и Светлана

Светлана (*с порога*). Боже мой, какая идиллия! Марина (*не без интереса*). Значит, уже познакомились... Ну, что, бригадир, в Краснограде слышно?

Ерохин. Что-что... Стоит на том же месте. Два дня я на областном совещании просидел. (*Вспомнив*.) Да, вот еще! С обновой меня поздравьте! (*Достает из кармана и водружает на нос очки*.) Ну как? Облагораживают?

Марина (*в восторге*). Экстра-люкс! (*Поправляет ему воротничок рубашки, галстук. Осматривает*.) Член-корреспондент, не меньше!

Ерохин (*вздыхнув*). Будет теперь на моем лице хоть одна красивая деталь...

Светлана. А вас сегодня в многотиражке прославили. (*Разворачивая газету*.) Статья с портретом! (*Смеется*.) Как бы голова не закружилась!

Марина. У нашего бригадира не закружится, он на море к качке привык.

Светлана (*читает*). «Новый почин. Комсомольско-молодежная бригада, руководимая коммунистом-наставником Ерохиным И. А. ...» Ну, и дальше все перечисляют. Прогрессивные методы монтажа... сборка в крупные узлы... четкая организация работ... экономия, овладение смежными профессиями и так далее. (*Спохватившись*.) Ох, я ж на семинар опаздываю! (*Кладет тетрадки и книги в портфель*.) А я вас, тетя Люся, сегодня видела. Как вы в милицию заходили.

Людмила Викторовна. Что ты, Света, что ты! Обозналась ты, ошиблась!

Светлана. Ничего я не обозналась. Вот в этой косынке вы были.

Людмила Викторовна. Нет, нет! Никуда я не ходила!

Светлана (*отводя ее в сторону*). Ну, зачем неправду говорить? Мне же про вас в отделе кадров все рассказали.

Людмила Викторовна (*горячим шепотом*). Я прошу тебя... очень прошу!.. Никому не говори. Главное — Марине!

Светлана. А вот я лично предпочитаю никогда не лгать. И вам не советую. Ну, если вы так уж просите, пожалуйста.

Людмила Викторовна. Я потом сама... я все ей скажу! Только пусть она сначала хоть немного ко мне привыкнет...

Светлана (*передернув плечами*). Дело ваше. Как хотите. (*Ищет на полке.*) Кто опять в моих первоисточниках рылся? Куда «Диалектика природы» подевалась?

Марина. Ой, Светка, извини, забыла обратно положить. (*Протягивает книгу.*)

Светлана. Ну вот, все закладки мои порастеряла. Сколько раз вам говорить! Надоели вы мне с Лялькой — жуть! Замуж вас поскорее выдать, что ли... (*Взглянула на часы.*) Бегу! (*Уходит.*)

Ерохин (*ей вслед*). Вот с кого пример брать надо... Все ведь успевает! Выдержанная, авторитет!... А вот ты, Маришка. В своем деле ты, конечно, ас. Но характер! Зачем давеча с прорабом поцапалась, бюрократом обозвала?

Марина. Заслужил, вот и обозвала. А вы меня подлаживаться учите? К начальству подлаживаться?

Ерохин. Да не подлаживаться — ладить! С людьми ладить. От слова «лад». Слово-то какое хорошее... Даже в музыке лады есть. (*Трогает струны гитары, и она отзывается звучными, гармоничными аккордами.*) Слышь, как ладно? А то ведь как? Чуть что — казнить! Обезглавить! (*С силой ударяет по струнам, извлекая сумбурные, резкие диссонансы.*) Чистый Робеспьер! (*Поднимается.*) Ну, пора... Бывайте! (*Пошел. С порога Марине.*) Максимьен Мари Изидор Робеспьер, вот ты кто! (*Уходит.*)

Марина (*разворачивает принесенный пакет*). Это тебе. (*Протягивает матери резиновые сапожки.*)

Людмила Викторовна (*вспыхнув от радости*). Ой, спасибо... (*Подходя.*) Спасибо тебе... Ну, дай хоть поцелую.

Марина (*усаживаясь на кровать и раскрывая книгу*). Сапожки того не стоят. Пустяк, мелочь...

Людмила Викторовна (*огорченно*). С бригадиром вашим ты как с родным... ласково. А для меня и секунды не найдется, в книжку так и впилась. Совсем как он...

Марина (*подняв голову*). Кто — он?

Людмила Викторовна. Твой отец.

Марина (*тихо*). Ну... еще что-нибудь про него расскажи.

Людмила Викторовна (*присела на краешек кровати*). Как о нем расскажешь? Когда мы поженились, он еще в институте учился. Жили в общегитии для семейных. А потом в экспедицию уехал... он ведь топографом был. (*Замолкла.*)

Марина. Ну? Ну?

Людмила Викторовна. Погиб он зазря... Машина под лед провалилась... Такой молодой...

Марина. У тебя фотографии сохранились?

Людмила Викторовна. Нет... Все в жизни потеряла... Да ты к зеркалу подойди — вылитый он! Только он ко мне добрей был... ласковый такой. (*Горько.*) От тебя ведь и улыбки не дождешься. Ждешь, ждешь — все понапрасну...

Марина молча глядит в сторону.

Когда он погиб, на меня будто небо рухнуло. Два года по больницам... туберкулез, открытая форма. Тебя — в детский дом... Из клиники выписалась — ни жилплощади, ни профессии порядочной. А ведь красивая была, очень даже красивая, все говорили... Мечтала жизнь свою устроить и тогда тебя из детдома забрать. Людей вокруг меня крутилось — тьма, а человека не нашлось... Доверчива была слишком, каждому слову верила, а таких обманывают... Жизнь что карусель... только в глазах мелькало. Ну, а потом встретила я одного (*в ожесточении махнула рукой*)... не человек — Фантомас, вспомнить страшно.

Марина (*отчужденно*). И не надо. Зачем вспоминать? Что эти разговоры могут исправить? (*Разглядывая носок своей туфли*). Ты сказала: ждешь, ждешь, и все понапрасну. А я? Разве я не ждала? Ты в детский дом приезжала, меня к себе обещала забрать.

Людмила Викторовна (*пораженно*). Неужели помнишь? Тебе и пяти лет не было...

Марина. Помню. Все помню. В каком ты платье была — и то помню. Вот с тех пор я и ждала... ох, как ждала! Ко всем ребятам родственники приезжали, ко мне — никто! Никто, никогда. Бывало, ночью даже, машина подъедет — я с постели босиком к окну... а вдруг это ты? Все для меня скрестилось в одном — все желанья, мысли, мечты... Знаешь, как стеклянная линза собирает лучи в фокус, в одну раскаленную точку? Столь-

ко лет... А потом вдруг почувствовала — перегорело дотла. Выздоровела я, освободилась...

Людмила Викторовна (*глухо*). Неужели у тебя ко мне... ну, совсем ничего?

Марина (*помолчав мгновенье*). Там, где костер разводили, трава больше не растет...

Затмение

СТРОЙПЛОЩАДКА

Спиной к зрителю на штабеле досок сидит, склонившись над листкам нарядов, Ерохин. Мимо проходит Барышев. Вынул сигарету.

Барышев. Спички найдутся? (*Узнав.*) А-а, Акимыч, ты? Здорово. (*Протягивая пачку сигарет.*) Подымим? (*Присел рядом.*)

Ерохин (*взяв сигарету*). Импорт... (*Затянулся, закашлялся.*)

Барышев. А ты, старина, того... поседел.

Ерохин. Нормально. Начинали-то мы когда? В сорок пятом... Пора и посесть.

Барышев. Да-а, в сорок пятом... Вместе начинали, с нуля, так сказать. Разнорабочими.

Ерохин (*усмехнулся*). Ну, я над этим нулем не так уж высоко и поднялся. (*Разглядывая сигарету.*) Не с вами равнять...

Барышев. Зачем же на «вы»? На «ты», на «ты», как в те годы... А ты чего приуныл?

Ерохин. Да вот, орлы мои... питомцы... подвели меня малость.

Барышев. Работают плохо?

Ерохин. Да нет... На доске показателей они — в числе лучших. А вот наряд нам аккордный выписали... (*Водя карандашом по чертежу.*) Пролет монтировали вот в этих осях... так они не все узлы обварить успели, не покрасили кое-где.

Барышев (*похлопав по плечу*). Так и быть, выручу тебя по старой дружбе. Намекну прорабу... деликатненько... чтоб наряд закрыли. План зачтут, премию вашей бригаде выпишут. А что не успели, на той недельке доделаете. Так что — порядок!

Ерохин. Спасибо, конечно. Только — не надо.

Барышев. Почему это. — не надо?

Ерохин. Раз уж я им наставник... (*подыскивая слова поделikatней*) вранью их обучать вроде бы ни к чему.

Барышев. Какое ж тут вранье? Небольшая коррективировка. Все так делают.

Ерохин. Вот и плохо, что все. А я считаю, пусть они смолоду усвоят, раз и навсегда: обещал — обязан сделать. Не справился — честно признайся: не успел, награды не заслужил. А если мы их с этих-то пор врать наповадим, — каких наследников себе вырастим?

Барышев (*поморщившись*). Батюшки!.. И что это ты, Акимыч, на старости лет в психологию ударился, в какие-то сантименты... Разговор-то весь из-за чего? Из-за мелочи.

Ерохин. Нет, не мелочь. Первое звенушко — малая ложь. А на том конце цепочки — большое вранье!.. Дорого оно (*похлопал себя по загорбку*) государству обходится. А как словчить... чтоб говорить вдоль, а жить поперек, — это им и без меня подскажут. Найдутся любители!..

Барышев. Чудак человек... Тебе же помочь хотел. (*Постепенно раздражаясь*.) Не пойму, чего ты добиваешься? Чтоб бригаде из-за твоих педагогических выкрутасов невыполнение плана записали? А может, и всему участку? У нас ведь стройка, а не институт благородных девиц. Тем более — пусковой объект. И первая заповедь для тебя — сроки, график! План — любой ценой! Вот чему ты их обучить должен!

Ерохин. Этому и обучаю. Только — не любой ценой...

Появляется Марина.

Марина. Бригадир, электроды привезли?

Ерохин. Привезли, привезли. В ящике с инструментами возьми.

Марина уходит.

(*Глядя ей вслед*.) Что в жизни своей построил — им достанется. (*Усмехнулся*.) Правда, кроме этого, ничего им оставить не сумею, поскольку из гарнитуров один чемодан имеется... да и «Жигули» пока во дворе не пылятся.

(Помолчав.) Охота мне их не только рабочей профессии обучить, а еще людей из них сделать... по всем статьям людей!

Барышев (с досадой). Пряма ты, Иван Акимович, как московская оглобля. Нет в тебе жизненного реализма. И никакой гибкости.

Ерохин (упрямо). Я их такой гибкости учить не стану. А сам... (Усмехнулся.) Что-то с годами гнуться трудней становится. Отложение солей, говорят... а может, просто надоело. (Протягивая пачку папирос «Сев-вер».) Нашими не побрезгуете?

Барышев (закурив, закашлялся). Продирает... Ну как ты простые вещи не понимаешь? Они ж только жить начинают. Дай же им ощутить вкус победы! Азарт в них пробуди, даже честолюбие... в известных границах это тоже неплохо. Цель перед ними высокую поставь, дай им крылья! Чтоб захотелось им и в следующий раз победителями оказаться, ходить, так сказать, на передних рубежах. Этого интересы дела требуют! А ты их своими нюансами расколаживаешь, демобилизуешь... тринадцатой зарплаты лишаешь, премии прогрессивной. Они ж молодые! Думаешь, твоим девчатам не хочется модные туфельки приобрести, на платформе? Или костюмчик кримпленовый? Полагаешь, они тебе спасибо скажут?

Ерохин (с иронией). Оно само собой — из государственного кармана и большую премию уплатить не жалко... ни за что ни про что. Особенно если это и для себя премией обернется.

Из «бытовки» появляется Марина, неся электроды. Проходит сзади, мимо Барышева и Ерохина.

Барышев (махнув рукой). Бесплезный разговор... Ты бы давно мог дырочку просверлить (похлопал себя по лацкану пиджака) и золотую звездочку повесить. А ты до сих пор в бригадирах ходишь... Почему? Размаха тебе не хватает, перспективы!

Марина (пылко). Кому перспективы не хватает? Бригадиру? Да на таких, как он, вся стройка держится!.. (Ехидно.) И начальство, между прочим, тоже.

Ерохин (строго). Ты электроды взяла? Ну и все. Ступай на свое рабочее место.

Марина уходит.

Барышев. Защитнички... Не научил ты их дистанцию соблюдать. Вот и полюбуйся — плоды твоего вдумчивого просвещения! (*Поднялся.*) Ладно, некогда мне по пустякам дебаты разводить. Будь здоров. (*Уходит.*)

З а т е м н е н и е

В ОБЩЕЖИТИИ

Людмила Викторовна вяжет. Ляля готовится к отъезду. Укладывая вещи в чемодан, она поминутно заглядывает в длинный список.

Ляля. Значит, так... Тетушке Замире шарф синтетический... Двоюродной тетушке Дзерассе комбинация с кружевом... Уважаемому дедушке Заурбеку — теплые кальсоны с фуфайкой.

Людмила Викторовна (*сверяя свои действия с руководством по вязке*). Так, так... Теперь восемь изнаночных петель и две внакидку... (*Вяжет.*)

Ляля. Дальше... Дядюшке Каурбеку лакированные туфли...

Людмила Викторовна. Не понимаю, куда дедушка Заурбек в свои восемьдесят лет в лакированных туфлях бегать будет? На танцы, что ли?

Ляля. Какой дедушка? Дядюшка! Не дедушка Заурбек, а дядюшка Каурбек! Он сам еще жених! Вы меня не путайте. (*Продолжая.*) Бабушке Майрам кофту вязаную. Троюродной тетушке Огузан... Что же тетушке Огузан? Забыла. Из-за вас вот!

Людмила Викторовна (*с досадой*). А я из-за твоих тетушек не так связала. Придется распускать... Скоро твои кавказские святцы кончатся?

Ляля (*тяжело вздохнула*). Ох, не скоро... У меня в жизни ни одного-единного родственника не было, а тут как с неба посыпались... Одних имен — штук сто! И каких! Поверите, тетя Люся, вибратором работаю, а сама эти имена зубрю... Даже ночью повторяю!

Людмила Викторовна (*заглядывая в книгу*). Фу ты!.. Надо было восемь изнаночных петель связать... И все опять из-за тебя!

Ляля (*проглядывая списки*). Ура! Нашла! Тетушке Огузан зонтик импортный, складной.

Людмила Викторовна (*страдальчески*). Да замолчишь ты наконец? Балаболка... Я по твоей милости к Маришкиному дню рождения кофту связать не успею. И все напутано... А пряжа знаешь какая дорогая? (*Понизив голос.*) Ты Марине не говори... я шубу свою меховую продала. Большие деньги дали! Могу Марине в случае чего даже хороший свадебный подарок купить.

Ляля (*взглянув на часы*). Ой, конец света! Опаздываю! Сейчас за мной Чермен заедет. (*Спешно закидывая оставшиеся вещи в чемодан.*) Сколько ж этих подарков... Жуть! В кассе взаимопомощи нам ссуду дали... Все-таки в последнюю минуту выяснилось — и этого не хватило. Вот и пришлось выкручиваться...

Людмила Викторовна (*в отчаянии*). Совсем ты мне мозги замусорила! Ну, будь человеком, помолчи! Сейчас у меня самое трудное... (*Заглядывает в книгу.*) После соединительной петли прибавить одну воздушную...

Ляля. Молчу, молчу! Я девочкам все подробно в записке объяснила... (*Ищет, куда бы положить.*) Вот кладу, в «Избранное» Блока. (*Кладет записку в книгу, а книгу на тумбочку, на видное место.*) Только не забудьте им передать. Не забудете? И еще... я в комнате набросала немного...

Людмила Викторовна (*сосредоточенно*). Значит, одну воздушную... вот так. И потом три петли платочной вязкой...

Ляля. Тетя Люсенька, сделайте милость, приберите за мной, ладно? Ничего не забудете?

Людмила Викторовна (*не отрываясь от вязанья*). Да не забуду, не забуду, приберу. Не в первый раз и не в последний.

Ляля. Ну все... (*Радостно.*) Вот и прекрасно! (*Неожиданно роняет голову на подушку, плачет.*)

Людмила Викторовна (*испуганно*). Ты что?! Что случилось? (*Гладит ее, целует в голову.*) Что с тобой?

Ляля (*всхлипывая*). Боюсь... Ой, как боюсь!.. У них, у кавказцев, обычаи строгие. А я не осетинка, это очень плохо, вдруг не понравлюсь?

Людмила Викторовна. Да кому ж ты можешь не понравиться? Глупости, глупости...

Ляля. Могу и не понравиться. . . Мне на работе ребята знают какую частушку поют? (*Вперемежку с рыданиями, поет.*) «Осетина полюбить — это наказание, до Беслана доведет, скажст: «До свидания!» (*Снова рыдает.*)

Входит Чермен, здоровается. Он наряден: в новом костюме, белоснежной вельюровой шляпе. Ляля вытирает слезы, улыбается.

Чермен. Поехали, Ляленька.

Людмила Викторовна (*горячо*). Ты Лялю в обиду никому не давай, слышишь?

Чермен (*удивленно*). Зачем в обиду давать?

Людмила Викторовна. Я ведь знаю, что говорю. . . Ты ее оберегай, она такая хорошая! Обещаешь?

Чермен. Жизнью клянусь! . .

Людмила Викторовна. Вот, вот. . . Ну, счастливого пути! (*Увидев чемоданы.*) С ума сойти! Два таких чемоданища подарков!

Чермен. Обычай! У нас старые горцы говорят: родственники как лекарство — в трудные дни понадобятся.

Людмила Викторовна. Будьте оба счастливы! . . (*Целует их.*)

Затемнение

В темноте слышатся раскаты грома, вспыхивают яркие отблески молнии. Шум сильного дождя. Зажигается свет.

Квартира Барышевых.

Входят Марина и Радий.

Радий. Ну и дождище! (*Оглядевшись.*) Отца дома нет. Тем лучше. Туфлиними, высушим. А вообще-то отец только на службе строгий. Дома он отличный мужик, вот увидишь. (*Поворачивая ее к свету.*) А дождик тебе к лицу, ей-богу! Капельки на ресницах, вот здорово!

За окном вспышка молнии.

(*Нежно.*) Ты светишься вся. . . светишься! (*Осторожно привлекает ее к себе.*)

Марина. Мне почему-то страшно. . .

Радий. Почему?

Марина. Сама не понимаю. . . Наверно, любить всегда страшно.

Радий. Смешная! Радоваться надо!

Марина. Я в своей жизни по-настоящему только одного человека любила — нашу воспитательницу в детдоме. И она меня любила. Не только меня... всех нас, всех одинаково. А мне всегда хотелось, чтоб кто-то любил меня... по-особенному... Быть для кого-то единственной...

Радий. Вот и появился этот «кто-то». Позвольте представиться... (*Обнял ее.*) Знаешь, Маришка, я больше не человек. Я — радар! Ну да, я только и делаю, что поворачиваюсь вслед за тобой... ищу тебя... сквозь все помехи.

Входит Барышев. На мгновение он останавливается и, стараясь остаться незамеченным, выходит. Через мгновение звонок в прихожей.

Радий. Кого-то черти принесли... (*Выходит. Возвращается с Барышевым.*)

Барышев (*бодро*). О-о-о! У нас, оказывается, гости! Привет, молодежь!

Марина (*поспешно втискивая ноги в мокрые туфли*). Здравствуйте.

Радий. Отец, я хотел познакомить тебя...

Барышев. С Мариной?

Марина (*с удивлением*). Вы знаете, как меня зовут?

Барышев (*таинственно*). А я такой... Я все про всех знаю. (*Проходит, начинает вынимать из портфеля бумаги.*) Ну, а подружка ваша... та, что росточком поменьше... свадьбу уже справила?

Марина. Вы и Лялю знаете?

Барышев (*разбирая бумаги*). Как же, как же... Обидно, конечно, получилось, что комнату их пришлось отдать.

Марина (*встревожившись*). Отдать?! Кому?

Барышев. Кому?.. Наш горнообогажительный комбинат — это завтрашний день металлургии, его пуска ждет вся страна. Он не домнам концентрат поставлять будет, а напрямую мартенам. Сталеварам! Так вот, инженера нам прислали. Он вместе с пускатями весь самый новейший комплекс на ГОКе монтировать будет. Ему комнату и отдали. Очень, очень сожалею...

Марина (*огорченно*). Как же так? Ребята после свадьбы вернутся — куда денутся?

Барышев. У нас, милая моя, в первую очередь все для стройки делается, для нашего ГОКа.

Марина. Для ГОКа, для ГОКа... а когда ж. для людей?

Барышев (неодобрительно). Так разве ГОК не для людей?

Марина (волнуясь). А как же лозунг — «ключи молодоженам»? Когда же им ключи — к серебряной свадьбе, что ли? А у молодоженов к тому времени внуки уже успеют подрасти...

Радий (забеспокоившись). Мариша... может, чаю выпьем?

Барышев. Молодожены, как говорится, и на топище выпьются. (Продолжая разбирать бумаги.) Мы вот, бывало, в послевоенные годы в палатках гнездились. И ничего, жизнь свою достойно прожили, хотя и без удобств, с трудностями.

Марина. Наукой доказано — обезьяну в человека превратил труд. А вы считаете — трудности?

Барышев (с холодной иронией). Узнаю плоды воспитания вашего наставника... Выдержки вам не хватает, дорогуша, выдержки!.. Да, да... Тем более жизнь поставила перед вами нелегкую задачу — вернуть на правильный путь оступившегося человека. Для этого терпение требуется. И выдержка.

Марина (не понимая). Кого я должна вернуть?

Барышев. Я имею в виду вашу маму.

Радий (недоумеая). А почему — на правильный путь?

Барышев. Ну, поскольку она к нам из мест заключения прибыла, с условно-досрочным освобождением. (Взглянув на сына.) Я думал, тебе Марина сказала...

Марина. Она — из мест заключения? Не может быть!..

Барышев. К сожалению... Этот факт в ее личном деле отражен. (Достает папку.) Интересуетесь?

Марина (раскрыв папку, ошеломленно). Осуждена... по статье девяносто два. Что за статья?

Барышев. Групповое хищение социалистической собственности... крупного масштаба. Попросту говоря (сокрушенно вздохнул) ...вы уж простите — за воровство.

Пауза. Марина листает бумаги — раз, другой. Затем молча откладывает папку в сторону. Поднимается.

Марина: Извините меня... я пойду. *(Поворачивается, идет.)*

Радий: Мариша!... Я с тобой.

Марина: Нет, нет, не надо... Мне хочется побыть одной... совершенно одной, понимаешь? *(Слабо улыбувшись ему, выходит.)*

Пауза.

Радий: Она не знала...

Барышев: Не знала? Сомневаюсь...

Радий: Она бы мне сказала.

Барышев *(положив перед сыном папку с личным делом)*. Спасибо, добрые люди предупредили.

Радий *(отодвигая папку)*. Это не может изменить моего отношения к Марине. *(Нервно.)* Понимаешь, папа; мы уже решили... мы поженимся.

Барышев: Ну, миленький, подобные слова ты в жизни не раз скажешь. Как друг говорю, ты опыту моему поверь. На каждого из нас такое накатывает... и не раз. Только наваждение пройдет, испарится, а жена, так сказать, останется. Вот тогда ты кругом оглянешься — бог ты мой, сколько девочек на свете замечательных! А у тебя хомут на шее...

Радий: Ошибаешься, отец, ошибаешься! У нас с Мариной по-настоящему, на всю жизнь!

Барышев: По-настоящему... Я в первый раз по-настоящему знаешь когда жениться надумал? Трех месяцев до восемнадцати не хватало. А пока восемнадцать сравнялось, жениться что-то расхотелось... *(Обнял сына за плечи, раскрыл папку с личным делом.)* Давай-ка вместе поглядим. *(Листает страницы.)* Вот видишь, какая неприятная история... А ведь в народе говорят: яблоко от яблоньки недалеко падает.

Радий *(отстраняясь от отца)*. Отец... об этом я даже слышать не желаю!

Барышев: Да пойми, я тебе добра хочу, как отец предупредить должен. Промах в секунду совершить можно, а раскаиваться всю жизнь придется. Ты мне еще сто раз спасибо скажешь.

Радий: Все, что ты говоришь... до чего рационально! Прямо как ответ электронно-счетной машины! По ее выкладкам жениться надо, что ли? А любовь? Или ее вовсе нет? *(Порывисто вскочил.)*

Барышев (*став на его пути*). Охолонь... Очень прошу, охолонь прежде...

Радий. Не пускаешь, как маленького? Глупо...

Барышев. Обо мне подумай. Ну, зачем мне человек с уголовным прошлым... в лице твоей возможной тещи? При моем положении такие подробности в биографии совершенно ни к чему.

Радий (*пытаясь его отстранить*). Пусти... Не драть-ся же нам с тобой, на самом деле.

Барышев (*отступая*). Иди!.. Ну, иди, иди!

Радий направляется к двери.

А на какие шиши с молодой женой жить собираешься? Кормить ее? Одевать? Ты ж пока еще человек без профессии, на сигареты деньги у меня берешь.

Радий (*сминает в сердцах и кидает на пол пачку сигарет*). Считаю — с сегодняшнего дня я курить бросил! (*Выбегает.*)

Барышев (*ему вслед*). А пятак на автобус у тебя найдется? Может, дать? (*Спешит вслед за ним.*)

З а т е м н е н и е

АВТОБУСНАЯ ОСТАНОВКА

Проливной дождь. Спасаясь от его неистовства, под навесом укрылась Марина. Она ждет автобуса. Появляется Радий.

Радий. Да ты же насквозь промокла! Простудишься... (*Заботливо укутывает ее в свой плащ.*) Жестоко он все выложил...

Марина. Не расстраивайся... О таких вещах лучше узнать сегодня, чем завтра.

Радий (*шаря в карманах*). Где же сигареты? (*Вспомнив.*) Ах, черт!..

Марина. Что он сказал, когда я ушла?

Радий. На улице догнал... Ультиматум поставил — чтоб завтра же я домой уехал, в Краснодар.

Марина. А ты?

Радий (*в отчаянии*). А что — я? Я, как говорится, всего лишь «член семьи», даже стипендий не получаю — семья-то обеспеченная. От отца завишу... Да ты не рас-

страивайся, все это временно, временно. Просто небольшая отсрочка. На год уехать придется... ну, может, немного больше.

Марина (со странным спокойствием). На год? Только-то? Копейки!..

Радий. Пойми, я не виноват! Надо же институт кончить! (Сокрушенно.) Обижаемся, когда наше поколение упрекают: мы беспомощны, мы инфантильны, у нас затянувшееся детство. А ведь он прав: что я в жизни умею? Вот получу диплом, стану самостоятельным...

Марина. Самостоятельным? А кандидатская... аспирантура... что там еще бывает?

Радий (неуверенно). Неужели я за год своих стариков обработать не сумею?

Марина (испытующе). А тут еще с моей матерью... Что ты о ней скажешь?

Радий молчит.

Хорошо, чтоб она уехала. И подальше. Верно?

Радий. В общем... надо же и с отцом считаться. При его положении...

Марина. При его положении такое знакомство вам не ко двору, это уж точно. (Усмехнулась.) Забавно... Как много надо узнать о человеке, чтоб понять, как мало его знаешь. (Почти весело.) Не помнишь, сколько лет было Ромео? Ну, тому... давнишнему, шекспировскому?

Радий. Кажется, шестнадцать.

Марина. Вот-вот, шестнадцать. Небось только-только паспорт в милиции получить успел... А ведь не посчитался с предрассудками феодального общества! Все напролом! Ай-ай-ай, до чего неосмотрительно! Бедный мальчик! (Глядя на Радия.) Мой Ромео-семьдесят четыре... Ромео космической эры. (Заметив приближающийся автобус.) Вот и автобус идет!

Световой спол фар ярко освещает их.

Радий. Постой! Наш разговор еще не окончен!

Марина (с грустной иронией). Разве? (Порывисто кидает ему плащ.)

И пока Радий наклоняется, чтобы поднять упавший плащ, Марина исчезает. Слышен только шум отъезжающего автобуса.

З а т е м н е н и е

Из репродуктора льется веселая мелодия. За окном дождь. Людмила Викторовна одна, продолжает вязать. Входит Марина, молча снимает промокшие жакет и туфли.

Марина (*убирая со своей кровати и тумбочки вещи, раскиданные Лялей, в том числе и книгу Блока*). Будто самому прошел... Сразу видно — Лялька уехала.

Людмила Викторовна, поспешно спрятав вязанье под подушку, также принимается наводить порядок.

Ладно, после приберем. (*Выключает репродуктор*.)

Пауза.

Так за что же — статья девяносто два?

Людмила Викторовна (*помертвев*). Тебе рассказали?! Кто?..

Марина. Почему ты мне ни о чем... и не обмолвилась?

Людмила Викторовна (*спеша и сбиваясь*). Боялась... Боялась — прогонишь. Потерять тебя боялась... Думала — может, оттаит твое сердце, тогда и скажу. Думала — ну, еще, еще немножко... Вот и дождалась...

Марина (*недоумевая*). И в детском доме ничего не сказали... Почему?

Людмила Викторовна. Я туда писала, много раз. А воспитательница ответила: девочка больше про вас не вспоминает — видно, забыла. Зачем же ребенка травмировать...

Молчание.

А в этой истории... хотя теперь ты мне, наверное, и не поверишь... На трикотажную фабрику я устроилась, секретарем-машинисткой. Маленькая такая фабричка была, на ней инвалиды второй группы работали, ограниченно трудоспособные. А делами всеми ворочал он... тот человек. Ну, помнишь, я говорила? Фантомас... Все их махинации, аферы разные я знала. Документация через меня проходила. А пойти рассказать где следует не могла... Боялась! Он ведь сказал — попробуй только пикни! А потом на суде проходила как соучастница. Семь лет мне дали... всего-навсего. Времени достаточно, чтоб

назад оглянуться, задуматься. Тогда и поняла: срок отбыву, за ворота выйду — весь мир передо мной, север — юг — восток — запад... и никого у меня в этом мире нет. Никого, кроме тебя... И стала сюда проситься... условно-досрочно. *(Пауза.)* Мне теперь исчезнуть надо... Да-да, уехать! *(Начинает беспорядочно приводить себя в порядок, собираться.)*

Марина. Куда уехать?

Людмила Викторовна. Куда? Не знаю, неважно... Куда глаза глядят! Я только теперь поняла — в жизни мне за прошлое у тебя прощения не вымолить. Да и тебе всю жизнь испорчу. Все узнают, говорить будут...

Марина *(жестко)*. Ну и пусть говорят. Пусть что угодно говорят. *(Зло усмехнулась.)* Мне их разговоры слушать недосуг. Предпочитаю в кружок балльных танцев записаться. Вчера как раз на ДOME культуры объявление повесили: «Изучайте современные танцы. Плата три рубля в месяц». За хорошее настроение совсем не дорого!..

З а т е м н е н и е

В ОБЩЕЖИТИИ

Прошел еще один день. Марина готовится к экзаменам.

Марина *(повторяя)*. Значит, так... Сначала надо выбрать конструктивную форму детали, а уж потом произвести расчет на износоустойчивость, прочность... и еще на что? А-а, на жесткость, исходя из величины допускаемых деформаций.

Входит Вадим Николаевич. Здравается.

Здравствуйте. А Света скоро придет.

Вадим Николаевич. Я ей пластинки принес. *(Кладет на тумбочку. Взгляд его падает на фотографию Юры, висящую над кроватью Светланы.)*

Марина *(перехватив его взгляд)*. Это Юра, Светкин жених... всего на два года старше ее.

Вадим Николаевич *(внимательно разглядывая фото)*. На два года?

Марина. Парень что надо. Красивый. А главное, исключительно способный.

Вадим Николаевич. Даже исключительно? *(Усмехнулся.)* В молодости все мы собираемся выстроить королевские замки, а кончается тем, что чистим выгребные ямы. Это, к вашему сведению, еще Гёте заметил. И потом... молодость — это отнюдь не самое главное. Вот вы, Мариночка, хотя и молоды, но не обладаете достоинствами Светланы. *(Посмеиваясь.)* В вашем характере, Мариночка, слишком много острых углов. Об них, простите, только синяки набьешь. Я ведь один раз уже ошибся в выборе. И теперь прежде всего ценю покой... и высокую степень надежности. Да-да, сегодня надежность — проблема номер один не только в технике...

Входит Людмила Викторовна. Она в фартуке, с чайником в руках.

Всего вам наилучшего! *(Галантно поклонившись, выходит.)*

Людмила Викторовна *(протягивая конверт)*. Вахтер велел передать. От Радия...

Поколебавшись мгновение, Марина, не читая, разрывает конверт.

(Испуганно.) Вы с ним поссорились?

Горько усмехнувшись, Марина рвет письмо в мелкие клочки.

Тебе плохо? Ты несчастлива? Из-за меня? Да-да, я чувствую!..

Марина. Ты ни при чем. *(Снова открывает учебник.)* «Нагрузка, действующая на узел мостового крана, определяется по следующим формулам...» *(Пишет.)*

Стараясь не мешать, Людмила Викторовна переодевается в рабочее платье — натягивает резиновые сапоги, вынимает куртку, измазанную масляной краской и известкой.

(Взглянув на часы.) Ну, пора на экзамен. *(Начинает собирать книги и тетради.)*

Входит Светлана.

Света, тебе Доброхотов пластинки принес. Все-таки странно, что этот человек увлекается музыкой...

Светлана. С ним всегда интересно. *(Разглядывает пластинки.)* Бах, «Чакона», партита ре минор. Партита? Что это такое? Надо будет в словаре посмотреть...

(Марине.) Между прочим, классическая музыка помогает организовывать абстрактное мышление. Он к такому выводу пришел.

Марина. Ну, я побежала. (Спохватилась.) Да! Я ж с полочки десятку еще не отложила! (Протягивая деньги.) Светка, будь добра, сунь в копилку. (На ходу поцеловав мать, скрывается за дверью.)

Людмила Викторовна (ей вслед). Ни пуха ни пера!

Марина (уже издали). К черту, к черту!

Светлана вынимает из тумбочки знакомую нам коробочку, инкрустированную ракушками, удивленно рассматривает пачку денег.

Светлана. Денег будто меньше стало... (Начинает пересчитывать.) Тетя Люся, к нам никто чужой не заходил?

Людмила Викторовна (продолжая собираться на работу). Доброхотов был.

Светлана. Да нет... Чужих, спрашиваю, не было?

Людмила Викторовна. Никто не приходил, я все время дома сидела.

Светлана. Почти половины не хватает. Странно... У нас никогда деньги не пропадали. Мы всегда... еще в детдоме, когда в совхоз работать ездили... в эту шкапулку общие деньги откладывали. Чтоб вещь кому-нибудь из девочек купить или, как теперь, — на туристские путевки. И никогда ничего у нас не пропадало. Никогда!

Людмила Викторовна. Куда же они подевались... деньги ваши?

Светлана (со значением). Так это у вас, наверное, спросить надо, тетя Люся.

Людмила Викторовна. Что... что ты сказала?

Светлана. А больше и спрашивать не у кого. Сами говорите — никого чужого не было.

Людмила Викторовна (потрясенная). Значит, ты... ты подозреваешь?...

Светлана (холодно). Я никого и ничего не подозреваю. Но вчера утром, когда я свою десятку клала, все деньги были на месте. Мне Лялька еще сказала: «Я свою десятку позже положу, когда из Осетии вернусь». И вот... (Снова демонстрирует уменьшившуюся пачку денег.) Я просто констатирую факт — у нас никогда не пропадало ни одной копейки.

Людмила Викторовна. Да как у тебя язык поворачивается?

Светлана. Давайте спокойно разберемся. А что бы вы на моем месте подумали? Будем откровенны... Ни для кого не секрет, откуда вы сюда приехали. Досрочно. И пока — условно.

Людмила Викторовна. Но это еще не дает тебе права...

Светлана. Знаете, доверие человеческое потерять легко... вернуть его — это уже задача посложней.

Людмила Викторовна. Марина не поверит! Нет, нет, Марина не поверит! *(В смятении.)* Надо искать! Надо всюду искать!

Светлана. А где искать? Где? Деньги только здесь и могли быть. Нигде больше. *(Поглядела на Людмилу Викторовну.)* Впрочем... поищите. И очень вам советую — пусть они снова окажутся там, где были. В той же коробочке. И я даю вам слово: об этом происшествии никто не узнает. Ни одна живая душа. Все умрет между нами. Честное слово.

Пауза.

Людмила Викторовна. Спасибо тебе... Я пойду, я обязательно пойду... *(Хватает плащ, выбегает.)*

Затемнение

АВТОБУСНАЯ ОСТАНОВКА

С книгами под мышкой торопится Марина. Путь ей преграждает Радий.

Радий. Марина...

Марина *(не глядя на него)*. Ну?

Радий. Ты стала неуловимой.

Марина. И ты решил меня подкараулить?

Радий. У меня не осталось другого способа увидеть тебя.

Марина. Я пытаюсь помочь тебе. Жду, пока ты станешь самостоятельным, получишь «корочку»... диплом в твердой обложке.

Р а д и й. Обиделась? Сердишься? Ну, не надо, Марина... Все можно еще исправить... переиграть. В конце концов, я могу поступить иначе — никуда не уехать, остаться с тобой...

М а р и н а. Ах, вот как! Ты можешь поступить иначе! Я потрясена... Какое благородство! (*Резко.*) Пусти меня! Я опаздываю на экзамен.

Р а д и й. Экзамен подождет.

М а р и н а. Уйди, говорю.

Р а д и й. Мариша!.. Не узнаю тебя... Что с тобой? А все слова? Всё, о чем мы говорили? Эти слова — вранье?

М а р и н а. Нет, они не были враньем. Но я говорила их не тебе... другому человеку! Он не был ничтожеством...

Р а д и й. Ты с ума сошла!

М а р и н а. Да, сошла с ума. Только не сейчас, а тогда... раньше. Мне показалось... поблазнило, понимаешь? Я тебя придумала... Дура я, дура!.. Но твоя правда, все еще можно исправить. (*Почти грубо.*) Отойди!

Р а д и й. Мариша, я прошу... Ну подумай, что ты делаешь!

М а р и н а (*грустно*). Неужели ты до сих пор так ничего и не понял?

Р а д и й. Ты... не любишь меня больше?

Марина молчит.

(*Вспыхнув.*) Значит, будем считать — произошло мелкое недоразумение? Рядовое приключение лирического порядка?

Марина молча кивает.

Тогда извини, что задержал. Все ясно. И тосковать не будем. Так?..

М а р и н а. Тосковать не будем.

Резко повернувшись, Радий уходит. Несколько мгновений Марина стоит окаменев. Затем опускается на скамейку, плачет.

З а т е м н е н и е

Горит настольная лампа, медленно крутится пластинка на проигрывателе. Светлана в домашнем халате сосредоточенно и серьезно слушает музыку. Входит Людмила Викторовна.

Людмила Викторовна (*тихо*). А сколько их там не хватает?

Светлана. Т-шш... Тише... Это музыка Баха... Знаменитая на весь мир. Слушайте...

Звучит «Чакона» — величественная, медленная, чуть грустная. Молчание.

Людмила Викторовна (*хрипло*). Я спрашиваю — денег-то ваших сколько не хватает... ну, в этой копилке?

Светлана. Денег? А-а-а... (*Чуть приглушив музыку, деловито.*) Было четыреста тридцать. А сейчас двухсот рублей не хватает.

Людмила Викторовна (*разжимая кулак, в котором у нее деньги*). Тут на тридцать рублей меньше...

Светлана (*великодушно*). Ну, да это ничего, потом добавите. (*Протягивает коробку.*) Кладите.

Людмила Викторовна молча кладет деньги в коробку.

Вот и порядок... Так-то лучше. А я, как обещала, — молчать буду. Никому ни звука. Не беспокойтесь, я слово свое держу.

Людмила Викторовна только горестно махнула рукой и молча вышла. Звучит музыка Баха.

З а т е м н е н и е

В ОБЩЕЖИТИИ

Днем. Марина чертит, положив доску на стол. Ляля только что приехала из Осетии. Персполисная впечатлениями, она без умолку изливает их, не давая Марине вставить ни слова.

Ляля. Гостей на свадьбе было — ужас! Столы прямо на улице под деревьями стояли. И вот, не поверишь, Мариша... Едет по дороге мимо совершенно незнакомый человек... на ишаке или в «Запорожце». По своим делам

в другой аул. Так его обязательно на свадьбу заташат. Человек торопится, может, опаздывает — все равно. Под колеса лягут, а мимо не пропустят. И сразу ему рог с вином. И не один, а три подряд! А в рог знаешь сколько входит? Литра два. И сразу он про свои дела забывает и пляшет со всеми до утра... а то и всю неделю.

Марина. Пока ему на работе строгаха не влепят... за прогул.

Ляля. Что ты, что ты! Свадьба! Это у них считается очень уважительная причина! *(Вынимает из сумки фотографии.)*

Марина. Ты уже про комнату вашу знаешь?

Ляля. Что за вопрос, Чермен как раз за ключами пошел. *(Показывая.)* Смотри, фотокарточка! Чермен был в черном костюме индпошива и в папаше, видишь? А я... Ой, закачаешься! Узнаешь? Это я в их национальном свадебном костюме! А на фоне меня — горы. Видишь, какие высокие? И спереди застежки — видишь?

Марина *(усмехнувшись)*. На горах, что ли, застежки?

Ляля. Да нет, на платье! И пояс. Все драгоценное, серебряное, старинное... Килограммов шесть весит! В этом наряде еще мать Чермена венчалась. А когда мы из загса ехали, ну, из райцентра... все мужчины в воздух стреляли.

Марина. Совсем ты, Лялька, зарাপортовалась. Из чего стреляли? Носить огнестрельное оружие запрещено.

Ляля. Сдохнуть, если вру! Они ж из стартовых пистолетов палили! Всю дорогу. Часа два подряд. Шуму было — как на войне! *(Прислушиваясь.)* Свистнули на улице, слышала? Это Чермен ключи принес! *(Бросив все, убегает.)*

АВАНСЦЕНА

Нервничая и вышагивая, Чермен ждет. Подбегает, запыхавшись, Ляля.

Ляля. Ну?! Покажи ключи.

Чермен. Какие ключи? Нет ключей! С трудом Барышев меня узял. Барышев какой человек — знаешь? Пришли к быку с плугом, он говорит: «Я корова». Пришли с подойником — он говорит: «Я бык». Ничего у него

не выпросишь. Даже вагончика, говорит, в нашем вагон-городке нету. Ничего нету!

Ляля. Что делать будем?..

Чермен. На самолет сядем и — на Сахалин! Ляленька, солнышко, очень тебя прошу — на Сахалин уедем, да? Мой друг оттуда пишет — сразу нам комнату дадут. Две воды — горячая, холодная... Взрывники везде нужны!

Ляля. Что ты говоришь?! Что говоришь?.. Мы ж по комсомольской путевке сюда приехали! Ну, потерпеть надо...

Чермен. Зачем терпеть?

Ляля. Не мы одни — все терпят.

Чермен. Терпеть, терпеть... Христос терпел... А что получилось? Распяли! Свадьбу справили, а жить как теперь будем? Отдельно? Так хочешь? Или тебе все равно? Пускай отдельно, все равно, да? Значит, меня не любишь? Скажи, не любишь? Ты мне правду скажи... Обманывала, значит, да?

Ляля *(в отчаянии)*. Сумасшедший ты! Глупый просто!

Чермен *(взрываясь)*. Ах, глупый! Чермен глупый? Да? Зачем тебе глупый нужен? Не нужен — так сразу и скажи! Раз не нужен — разговору конец! Акалам-вакалам! Все! И ты мне тоже не нужна! Уходи! Умоляю, уходи! Что стоишь? Тогда я ухожу...

Ляля *(обидевшись)*. А я тебя силой никогда и не держала.

Чермен. Ах, не держала! Не нужен? Ухожу от тебя! Навсегда! Слово мое — камень! Прощай! *(Рванувшись, шагает прочь.)*

Расплакавшись, Ляля уходит в другую сторону.

(Остановившись.) Что наделал? Из-за блохи бурку сжег... Что наделал? *(Обернувшись.)* Ляля! Ляленька! *(Бросается за ней.)* Ляленька, солнышко... *(Ведет ее обратно.)* Правильно говоришь, сумасшедший я! Очень глупый, правильно говоришь! Прости меня, не надо сердиться... Хочешь, никуда не уедем, здесь останемся... Как хочешь — так будет! *(Тихо.)* Аж да уаржен... Очень я тебя люблю. *(Пытаясь успокоить всхлипывающую Лялю, Чермен нежно гладит ее волосы, прижимает ее к себе.)*

Затемнение

Марина подле Ляли — притихшей и опечаленной.

Марина. Ну, ну... Нельзя же так... Не спеши расстраиваться. Светлана в Красноград ездила, на слет передовиков. Там все начальство было. И Света обещала: «Обязательно насчет Лялькиного жилья поговорю». А потом, Ляленька, может, пока угол позволят для вас отгородить... *(Показывает.)* Вот так, занавесочку повесить. С Ерохиным посоветуемся.

Входит Светлана. Она в своем лучшем костюме-джерси, в туфлях на платформе, ее горделивую головку венчает нарядная прическа.

Ляля *(восхищенно)*. Ой, Светка! Не Света — светопреставление!

Светлана. Вернулись? Что ж, поздравляю с законным браком! *(Целует ее.)*

Ляля. С чего ты такая шикарная? Умереть-уснуть...

Светлана *(с загадочной улыбкой)*. Не одной тебе замуж выходить...

Марина. Юра вернулся?

Светлана. Юра? Ну нет, я за другого замуж выхожу.

Ляля. Ой, девочки, держите меня, я падаю! За кого?

Светлана. За Вадима Николаевича Доброхотова.

Ляля. Шутишь!..

Марина *(тревожно)*. А что будет с Юрой?

Светлана *(пожав плечами)*. У каждого своя судьба. *(Открывает шкаф, начинает методично складывать свои вещи.)* Знаешь, где Вадим предложение мне сделал? Не поверите... Прямо там, на слете передовиков... в перерыве, как раз перед прениями. Сегодня он уезжает в Москву. У Вадима на днях защита диссертации. Хочу свои вещи с ним отправить. А сама завтра расчет оформлю — и следом за ним. *(Вспомнив.)* Где же тетя Люся?

Марина *(помрачнев)*. Нет ее. Пропала...

Светлана. Что значит — пропала?

Марина. Расчет с работы взяла и исчезла. Что случилось — ума не приложу...

Светлана. Уехала... Ну что ж, она человек взрослый, видно, ей у нас не понравилось. Предупреждали ведь — в отделочниках никто долго не задерживается.

Марина. Вещи все свои бросила... мне ни слова не сказала...

Ляля *(пытаясь отвлечь Марину)*. Ой, Светка, обру-

чальное кольцо! Толстенное какое! Дорогое, наверное, ужас!

Светлана (*любясь своим кольцом*). Дорогое. Свадебный подарок. Вадим сказал: «Пусть наша семья будет такой же прочной, как это кольцо».

Марина. Прочная семья на прочной экономической основе...

Светлана. Твоя вечная ирония ни к чему. Я люблю его. Да, да, люблю.

Марина. Это он тебе внушил?

Светлана. А по-твоему, что такое любовь? Сплошная выясняловка, как у тебя и Радика? Или Лялькино замужество? Когда нет квартиры, надо бегать друг к другу на свиданье? Ну нет, девочки, такой любви я не признаю! И если уж начистоту — до чего мне надоели все наши общие кастрюльки, сковородки, тарелки... швейная машина и та общая! Хочу, чтоб у меня был свой дом... настоящий!

Марина (*ей в тон*). Ну да. Плита — польская. Кухня — навесная, белая... или нет, советую лучше светло-салатную. Телевизор — обязательно цветной! А на телевизоре — семь слоников.

Светлана. Семь слоников?.. Ах, символ мещанского уюта? Напрасно так думаешь. Я дома сидеть не собираюсь. Учиться буду, как мечтала. На юридическом... на дневном! И разве иметь свой благоустроенный дом — это не законное стремление советского человека? Наше государство делает все, чтобы повысить жизненный уровень... Я буду Вадиму хорошей женой. Я ведь не такая столичная штучка, как его бывшая супруга. И по натуре я однолюб.

Марина. А для нашей Ляльки ты хоть успела что-нибудь сделать?

Светлана. Для Ляльки? А-а, насчет комнаты? Прости меня, Ляленька, не успела. Сама посуди — обстоятельства так повернулись...

Ляля (*покорно*). Конечно — обстоятельства... Что поделаешь...

Марина. Да, да, ты однолюб... И еще какой! В целом мире любишь одного человека — себя!

Входит Ерохин, ведя за руку Людмилу Викторовну. Она изменилась за эти две недели — как-то осунулась и погасла.

Ерохин. Маринка! Гляди, кого привел! Принимай под расписку утерянный багаж. Я ж тебе говорил — человек не иглока, найдется... Да что ваш знаменитый сыщик Мегре! Младенец! Я ему сто очков форы дам!

Людмила Викторовна (*пытаясь высвободить руку*). Ну что вы меня за руку держите... как в детском садике?

Марина (*бросаясь к матери*). Мама!.. Где ты пропала? Что случилось?

Людмила Викторовна только улыбается — растерянно, беспомощно. И тут же ее взгляд обращается к Светлане. Но та как ни в чем не бывало приветливо кивает ей.

Мама, ну что ж ты молчишь?

Людмила Викторовна обессиленно садится на свою постель.

Марина (*примостившись рядом*). Может, прилечь хочешь? (*Приглаживает матери растрепавшиеся волосы. И вдруг, отшатнувшись, с удивлением.*) Чем от тебя пахнет? Вином? Водкой?..

Ерохин (*тихо*). И как вы у этой поганой бабы очутились?

Людмила Викторовна (*устало*). Это никого не касается.

Ерохин (*укоризненно*). Самогонщица она... шинкарка! У нее недавно милиция змеевик отобрала!

Людмила Викторовна (*ожесточенно*). Зачем вы меня сюда привели? Я ж говорила — не надо! А вы силком... за руку! (*Глядя на Марину.*) Ей от меня только несчастья... как от пустых ведер... или от разбитого зеркала. (*Сжала пальцами виски.*) Опять голова болит... ну, просто нечеловечески болит!

Ерохин. Девчата, у вас таблетки от головной боли не найдется?

Светлана. У нас? Откуда?

Ерохин. Ясное дело — с чего бы вашим молодым людям болеть... Марина, я только до аптеки и обратно. (*Выходит.*)

Людмила Викторовна (*Марине*). Я говорила ему, говорила — оставьте вы меня в покое, не трогайте!

Марина. Приляг, отдохни. Чайку хочешь?

Людмила Викторовна. Под землю провалиться хочу... уснуть, подохнуть!

Входит Чермен.

Чермен (*поздоровавшись*). Вот, Ляленька, деньги с аккредитива снял. Первым делом долги отдадим.

Ляля (*отсчитывает деньги, вздыхает*). Ох, эти долги, долги... (*Подходит к тумбочке, вынимает коробку*). Вот, девочки, кладу. Все сполна — двести и плюс моя десятка. (*Удивленно*.) А это что за деньги? (*Вынимает смятую пачку, вложенную Людмилой Викторовной*.)

Светлана (*прекратив сборы*). Погоди, погоди... Значит, ты деньги взяла?

Ляля. А то кто же? (*Недоумеая*.) Да что ты так на меня вытаращилась? Я ж вам написала — мол, беру в долг, на десять дней. Перед самым отъездом выяснилось (*проводит рукой по горлу*) — нам во как деньги понадобились! Тетя Люся, вы им мою записку передали?

Людмила Викторовна (*механически*). Да, да, записку... (*Пытаясь осмыслить*.) Какую записку?

Ляля. Ну ту, что я им оставила! Я ж вам раз сто повторила! В книжку Блока положила... Александра... чтоб не потерялась. (*Находит на полке книгу, а в ней — записку*.) Так вот же записка!

Светлана резко вырывает у нее бумажку, читает.

Светлана (*с внезапной злостью*). Дура ты, Лялька, дура! Всегда у тебя ветер в голове свистел! (*Выхватывает деньги из ее рук*.)

Чермен. Какие слова говоришь... Нехорошо!

Светлана. Вы, конечно, извините, тетя Люся, но кто мог подумать... (*Сует деньги Людмиле Викторовне*.)

Воцаряется недоуменное молчание. Становятся слышны размеренные тяжелые удары дизель-молота за окном.

Марина (*ничего не понимая*). Что за история с деньгами?

Людмила Викторовна. Она... она мне сказала... (*Внезапно начинает плакать*.)

Светлана (*раздраженно*). Откуда я могла знать, кто деньги взял? Я не виновата.

Людмила Викторовна (*сквозь слезы*). Ты не виновата. ты всегда права! Ты слова правильные с полочки берешь... слова праведные! А сердце у тебя из монолитного бетона... глухое! К людям совсем глухое!

Светлана (*угрожающе*). Тетя Люся, я вам не советую...

Людмила Викторовна. Ах, не советуешь?! (*Ожесточаясь.*) А мне теперь все равно, никого я не боюсь! Меня на испуг не возьмешь! Плевать я хотела! Святую из себя корчишь? Глядите на нее — святая! Чистенькая! (*Всхлипывая и дрожа, неверными шагами приближается к Светлане.*) Да ты шкура! Шкура! Дрянь обыкновенная! Дрянь! Дрянь! Дрянь!..

Марина (*пораженно*). Ты почему оскорбляешь мою подругу?

Людмила Викторовна (*истерически, не владея собой.*) А ей можно? Таким, как она, можно? Унизить меня... в лицо плюнуть... сапогами топтать, топтать... (*Сильно толкает Светлану, швыряет деньги ей в лицо.*)

Деньги рассыпаются по комнате.

Марина (*пытаясь удержать мать*). Прекрати! Стыдно!..

Людмила Викторовна (*вырываясь*). Ах, и ты тоже?! Ты с ней?.. Как смеешь? Да ты... (*Вырвавшись, неожиданно для себя самой дает Марине пощечину. Опомившись на мгновение, замирает в ужасе.*)

Марина, вспыхнув, резко отвернувшись, закрыла лицо руками. В мертвой тишине слышны лишь ритмические тяжелые удары дизель-молота, забивающего фундаментные сваи.

(*Еле слышно, помертвевшими губами, умоляюще.*) Марина... Мариночка...

Но Марина не поворачивается. Людмила Викторовна медленно падает, бросается опрометью за дверь.

Светлана (*испуганно тормоша Марину*). Марина, верни ее!

Марина (*не поворачиваясь, иступленно*). Меня никогда никто не бил! Никто!

Светлана. Она убежала! Верни ее, скорей!

Марина, испугавшись, бросается вслед за матерью.

Чермен (*подбирая рассыпавшиеся деньги*). Ай-ай-ай, богато живем! Запросто по деньгам ходим! (*Кладет деньги на кровать Людмилы Викторовны.*)

Светлана застегивает свой чемодан. Снимает со стены портрет Юры, смотрит на него долго и печально.

Ляля (*подойдя, нерешительно коснувшись ее плеча*). Светка...

Светлана. Ничего... Такому, как он, в жизни обязательно отломится... Уж больно ты хорош, Юрка!

Ляля. Как же ты могла с ним так... как могла?

Светлана (*ожесточенно*). Хватит об этом. Поздно!... То, что было у нас с Юрой, — детство... детские фантазии. Детство кончилось, началась реальная жизнь. (*Неожиданно отдает ей портрет*.) Возьми себе. Возьми на память... Все-таки росли все вместе...

Незамеченным входит Вадим Николаевич.

Чермен (*Светлане*). Пожалеешь еще, расквасишься. Юрку променять... такого парня! На кого? На логарифмическую линейку! Что у тебя с этим Доброхотовым общего?

Вадим Николаевич (*с холодной злостью*). Общего?.. Не так уж мало, доморощенный философ! Вы всё, конечно, воображаете, что совместная жизнь это лишь синхронное биение двух юных сердец. Ошибаетесь! Это ещё далеко не все. Совпадение мыслей и целей... обоюдная целенаправленность — вот что главное! Светлана благоразумна, уравновешенна, ее трезвый ум превалирует над мелкими эмоциями. Она может стать настоящим другом, помощником в осуществлении жизненных планов. Когда-нибудь и вы это поймете. И позавидуете нам. (*Светлане*.) Ну, пошли. (*Берет чемодан, направляется к выходу*.)

Чермен (*ей вслед*). Слышь, Света, слышишь? Я его знаю! Думаешь, он полюбил тебя? Нет! Он тебя вычислил!..

Затмение

ОТДЕЛЕНИЕ МИЛИЦИИ

На скамейке перед барьером — Марина. Из внутренней двери появляется Ерохин.

Ерохин. Здесь она, Марина, здесь... Не в себе была, вот и наломала дров... Хватит расстраиваться. Слышишь? Хватит, говорю!.. Ну ничего, ничего, может, как-нибудь и обойдется...

Марина. Одни вам от нас огорчения. То Светлана, а теперь вот из-за меня...

Ерохин (*погрустнев*). Да-а, Светлана, Светлана... Нам только ручкой на прощанье сделала: «Чао! Ауфандерзеен!» (*Пытаясь ее развлечь.*) Знаешь, Маришка, а у меня, между прочим, перед этим... ну, перед королем Лиром преимущество есть! Чистое преимущество, по очкам! С ним одна Корделия осталась, а со мной вы двое: ты и Лялька. Верно говорю?

Сержант милиции вводит Людмилу Викторовну.

Сержант (*строго*). Можете с задержанной гражданкой Цыганковой побеседовать. Но исключительно через барьер.

Не поднимая глаз, как бы сжавшись в комочек, Людмила Викторовна опускается на стул за барьером. Отворачивается от Марины.

Ерохин (*сержанту, доверительно*). Товарищ сержант, отпустил бы ты ее с нами, а?

Сержант. Я же пояснил вам, папаша, — не могу! Гражданка Цыганкова Людмила Викторовна общественный порядок нарушила, создала угрожающую обстановку... Прямо под самосвал бросилась, под самые колеса. Будто задумала!.. Еле я ее вытолкнуть успел, с риском для собственной жизни! Может, полагаете, она мне спасибо сказала? Как бы не так! Она... эта гражданка, такими... метафорами обзывать меня стала! Мне при моей службе и то подобных слышать не доводилось.

Ерохин. Подумаешь — метафоры! Метафора — это тебе не круглая печать, ко лбу не прилепнули, отмыть не придется.

Сержант. Но в протоколе все подробности зафиксированы...

Ерохин (*перебивая*). Ну и порви ты этот протокол несчастный!

Сержант. А свидетели? Люди как раз на работу шли, пешеходов вокруг собралось — полный аншлаг! Все слышали... (*Смущаясь.*) Имел место смех... А когда я гражданку Цыганкову в отделение доставить хотел, она сопротивление оказала. (*Демонстрируя рукав.*) Придется теперь китель в художественную штопку сдавать.

Ерохин. Снимай свой китель!

Сержант (*озабоченно*). Это еще зачем?

Ерохин. Сам твой китель в художественную штопку

снесу! А ты человеком будь, пойми, наконец... (Склонившись к самому уху сержанта, начинает что-то тихо и настойчиво нашептывать.)

Марина подходит к Людмиле Викторовне. Та отворачивается.

Людмила Викторовна. Ну, зачем пришла? Уйди, мученье ты мое!.. Уйди, Христом-богом прошу!

Марина (пытаясь ее успокоить). Ладно, ладно... Для начала приведи себя в порядок. (Протягивает грелку.) На вот, причешишься.

Людмила Викторовна (упрямо отводя ее руки). Не надо! Ничего мне от вас не надо.

Марина (оправляя ее блузку, пуговицы которой застегнуты как попало). С деньгами выяснилось, так что расстраиваться не из-за чего... Да убери ты руки...

Людмила Викторовна. Тормоза сработались, больше не держат... Не знаю, что творю. Сорвусь ведь...

Марина. Как же, как же... В следующий раз бани городские подожжешь... или самолет угонишь. Да погоди ты, воротничок загнул! (Поправляет.)

Людмила Викторовна (подчиняясь). Устала я... Ждать устала, надеяться...

Марина (прикрикнула). Хватит! Перестань жаловаться! Пойми — всего лишь год пройдет, и ты скажешь всем... любому: я свою вину искупила, полностью. Ты станешь такой же, как все. Как любой из нас... Юридически. По закону. А теперь причешишься. Не так, не так... Как следует, поаккуратней! Нет, дай-ка лучше я сама... (Причесывает ее, оглядывает.) Не желаю, чтоб моя мать растрепой ходила...

Тем временем Ерохин продолжает свои переговоры с сержантом.

Ерохин. Можешь ты, наконец, понять — через столько лет люди нашли друг друга! А ты что делаешь? Опять им все поломать хочешь?

Сержант. Так что же я теперь поделать могу? Я обязан соответствующие меры принять. И по уставу мне положено...

Ерохин (перебивая). А сердце тебе по уставу иметь положено? Обыкновенное человеческое сердце?..

Сержант (строго). Ну, вот что, гражданин... (Откашлялся, неожиданно встал.) Не морочьте мне голову,

забирайте вашу задержанную гражданку! И чтоб побыстрому! *(Махнул рукой.)* Греха с вами наживешь... *(Повернулся, пошел.)*

Ерохин. Вот и спасибо, сынок! *(Марине.)* Что ж ты стойшь пень пнем? Благодарим!

Марина. Спасибо! *(Порывисто чмокнула Ерохина.)*

Ерохин *(опешив)*. Да не меня... его, его! *(Вслед сержанту.)* Его благодарим! Он парень молодой, форсистый, тебе же приятней будет!

Затмение

В темноте звучит голос диктора местного радиоузла: «Товарищи строители! Поздравляем вас с трудовой победой — досрочным пуском первой очереди горнообогатительного комбината!» Вступает музыка.

И снова голос диктора: «Сегодня мы отправляем металлургам первый эшелон с железным концентратом. Приглашаем всех на перрон!»

ОБЩЕЖИТИЕ

Та же музыка слышна из репродуктора. На сцене Людмила Викторовна. Волосы ее совсем побелели, поседели, — видно, она перестала их красить. Входит Марина.

Людмила. Викторовна. Мариша!.. Где ж ты пропадала? Все уже на перрон идут! Ты какие туфли наденешь?

Марина. Лаковые, с пряжечками.

Людмила Викторовна. Вот они...

Вбегает Ляля, за ней Чермен. Оба нарядны.

Ляля *(вынимая из тумбочки и прикалывая к платью брошь)*. Говорят, на перроне струнный ансамбль из Дома культуры играть будет. А народу там — сила! *(Чермену.)* Вот я и готова! Идем? *(Тянет его за руку.)* Ну, скорей же, скорей!

Чермен. Почему скорей? Зачем скорей? Нет, ты мне скажи, кто кого вести должен — муж жену, да? Или жена мужа?

Марина *(посмеиваясь)*. А в русском языке слово «супруг» знаешь откуда происходит? От слова «упряжка». Да-да! Су-пряжь! Су-пруг! Пора бы усвоить...

Входят Руденко и Жучков.

Руденко (*передавая Марине букет цветов*). Вот, Мариша...

Марина. Спасибо... (*Удивляясь*). С чего тебя вдруг угораздило?

Чермен (*восхищенно*). Последний рыцарь нашего века! Опасный мужчина...

Руденко. Если бы... Ты уж извини, Маринка, только букет этот, так сказать, общественного звучания. Вручишь представителям металлургов. От нашего комсомольского штаба.

Жучков. И плюс твоя фотогеничная улыбка!

На пороге появляется молоденькая девушка в цветастом украинском платке, с чемоданом в руках.

Вошедшая. Дзвчата, а дз туточки койка вызволялась?

Ляля. О-о, опять новенькая! На «транзитную» койку?

Вошедшая. Ни, я нэ транзитна... Я на зовсим приехала, по комсомольской путевке.

Руденко. Будет Акимычу еще одна дочка.

Вошедшая. Яка така дочка? У мэнэ свий тату е... и маты ридна.

Марина. Тебя как зовут?

Вошедшая (*с мягким украинским «г»*). Галя... (*Оглядевшись*). Куды чемойдан поставитъ?

Ляля. Сюда, сюда!

Галя. А шо у вас на вулицях дуже шумно? Як на вэдыкэ свято... чи на Пэршэ травня. Бегуть уси як на по-жар, а дыму нэма!

Жучков. Праздник, Галочка! Первую подочередь комбината пустили. Большой праздник!

Руденко. Пошли с нами, Галя! Пошли...

Они все идут, чтоб присоединиться к людям, спешащим проводить эшелон. Голос радиодиктора: «Нашему эшелону — зеленую улицу! Счастливого пути!» Свисток электровоза. Круг сцены начинает поворачиваться, перед нами проплывают, движутся люди — будто мы видим их из окна движущегося поезда. Здесь все герои нашего спектакля, много молодежи с цветами, баянами, электрогитарами.

Струнный ансамбль играет песню в маршевых ритмах. Убыстрятся перестук колес. Тени движущихся вагонов как бы наплывают на лица провожающих.

Затемнение

Лунная соната

КОМЕДИЯ
В ТРЕХ
ДЕЙСТВИЯХ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Ермаков Антон Николаевич — инженер, 36 лет.

Ермакова Любовь Андреевна — журналистка, 30 лет.

Ангелина Ивановна — секретарь отдела внутренней жизни.

Костя Лютиков — мальчик из детского дома.

Кудрявченко Алексей Иванович — летчик-испытатель,
37 лет.

Иван Захарович — сосед Ермаковых, пенсионер.

Саркисян — майор милиции.

Юля — школьница.

В эпизодах:

Полковник.

Приезжий из Заполярья.

Курьерша.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Редакция московской газеты. Современная обстановка. Ничего лишнего. Два стола, поблескивающие яичной желтизной. Окно во всю стену, за окном Москва. Телефоны. На шкафах громоздятся подшивки газет.

За одним из столов Ангелина Ивановна, секретарь отдела, печатает что-то на машинке. Звонит телефон.

Ангелина Ивановна (*поднимая трубку*). Да. Отдел внутренней жизни. Ермакова вышла. Что? Статья Ермаковой слетела? Хорошо, передам. (*Кладет трубку и снова принимается печатать.*)

Входит немолодой человек в форме полковника с решительным, волевым лицом, с ленточками многочисленных орденов над карманом кителя.

Полковник. Здравствуйте. Могу я видеть товарища Ермакову?

Звонит один из телефонов.

Ангелина Ивановна. Одну минуту. (*В трубку телефона*). Да. Из фотоотдела? Клише сегодня не нужно. Ермакову зарезали. Что? Очень просто, только что зарезали. (*Кладет трубку.*)

Полковник (*пораженный*). То есть как... зарезали?

Ангелина Ивановна. Временно зарезали. На сегодня.

Полковник. Как это — зарезать временно?
Ангелина Ивановна. Не беспокойтесь. Это чисто техническое выражение.

Полковник. Я полковник Бобышев. Товарищ Ермакова звонила, чтобы я приехал.

Ангелина Ивановна. Полковник Бобышев! Хирург! Это о вас Любовь Андреевна писала тогда статью?

Полковник. Так точно.

Ангелина Ивановна. И это вы спасали пленных в лагере Бельзен? Подумать только — под самым носом у немцев!

Полковник (*несколько смущенно*). Выходит — я.

Ангелина Ивановна (*в упор рассматривает его*). Боже мой, до чего же вы не похожи!

Полковник. На кого?

Ангелина Ивановна. На себя. То есть я хочу сказать, поглядишь на вас и не поверишь, что вы такой исключительно смелый...

Полковник. Извините...

Ангелина Ивановна. Пожалуйста, пожалуйста.

Полковник. Простите, я тороплюсь... (*Поглядел на часы.*) Мне сегодня еще предстоит серьезная операция. Зачем меня вызвали?

Входит курьерша с толстой пачкой писем.

Курьерша. Ангелина Ивановна, примите почту.

Ангелина Ивановна (*расписалась в книге, рассматривает конверты*). Все Ермаковой! Поверите — расписываться надоело. Сотни писем! И все после того, как она нашла записку в снарядной гильзе. Помните? В старом окопе.

Полковник. Еще бы. У нас в госпитале ее статью...

Ангелина Ивановна (*перебывая его*). А помните, как они писали, эти солдаты? «Немецкие танки рядом. Мы умрем, но к Москве они не пройдут... Передайте родным...» И Любовь Андреевна отыскала почти всех родных. С тех пор ей и пишут без конца.

Полковник (*несколько утомленный ее словоохотливостью*). Извините... Я спешу...

Ангелина Ивановна. Бывает, и глупости строчат. У одного жена сбежала — просит найти.

Полковник. Жена? А что хотела сообщить мне Любовь Андреевна? Может быть, есть сведения о моей семье?

Ангелина Ивановна. Не знаю. Любовь Андреевна такая талантливая, энергичная... А если бы вы знали, какой у нее чудесный муж. Антон Николаевич. Исключительно интеллигентный... Серьезный...

Входит Люба. Не замечая полковника, она сразу же, привычным движением извлекает из стола тапочки, снимает туфли на высоких каблуках и быстро всовывает ноги в тапочки.

Люба. Из дома мне не звонили?

Ангелина Ивановна. Нет. А вот звонил главный. Ваша статья сегодня не пойдет.

Люба. Почему? *(Снова снимает тапочки, надевает туфли на высоких каблуках.)* Побегу к редактору воевать.

Ангелина Ивановна. Подождите. Вот к вам.

Люба. А! Полковник Бобышев! Здравствуйте.

Полковник. Здравствуйте. Вы мне звонили?

Люба *(несколько смущенно пряча тапочки)*. Да, да. Я вызывала вас, чтобы сообщить...

Полковник. Вам стали известны обстоятельства их гибели? Да? Говорите прямо! Я — военный. К тому же хирург. Значит — человек решительный. Ну, смелее... Смелее. Я готов!

Люба *(улыбаясь)*. Ваши жена и дочь живы.

Полковник *(потрясен)*. Живы?!

Люба. Оказывается, когда вы попали в плен, они получили извещение о вашей смерти. Ведь все считали вас погибшим.

Полковник. Живы! Леночка! Сашенька! Нашлись... *(Падает в кресло.)*

Люба *(подбегает к нему и отдает привычные команды)*. Нашатырь! Воды!

Ангелина Ивановна мгновенно достает из аптечки пузырек, наливает воды. Люба расстегивает верхние пуговицы кителя и подносит нашатырь.

Полковник *(приходя в себя)*. Извините. Это со мной первый раз в жизни...

Ангелина Ивановна. Ничего. У нас на этот случай все припасено.

Люба (деловито). Валидол?
Полковник. Валерьянки, тридцать капель.

Ангелина Ивановна отсчитывает капли.

(Вставая.) Где они... Леночка и Шура?

Люба. Город Советская Гавань, Хабаровского края. Еще тогда переехали. Вот адрес.

Полковник (рассматривая адрес, вдруг срывается с места). Я постараюсь вылететь сегодня же!

Люба. Да стойте! Они уже выехали. И скоро будут в Москве. Вот телеграмма.

Полковник. В Москве? Еще тинктура валерьяны, двадцать капель! Обе здоровы?

Люба. Да, все благополучно.

Полковник. Леночка-то уж, наверное, выросла... Шутка ли, столько лет прошло... Тогда ей всего пять месяцев было.

Люба. Вот и теперь — пять месяцев.

Полковник. Кому?

Люба. Внуку вашему, Алеше...

Полковник. Внуку? (С размаху опускается в кресло.) Ну, как мне вас благодарить?

Люба. Поверьте — я тоже сейчас счастлива.

Полковник. Быть может, и я сумею сделать для вас что-нибудь хорошее... чем-либо помочь вам...

Люба (улыбаясь). Знаете, товарищ хирург, чем дольше мы не будем нуждаться в вашей помощи, тем лучше для нас.

Полковник (пожимает Любе руку). Ну, будьте здоровы! (Направляется к двери. Останавливается.) А все-таки. Быть может, нужно будет прооперировать кого-либо из ваших знакомых... или вас. Вырезать аппендикс... или удалить желчный пузырь... Я буду так рад! (Уходит.)

Ангелина Ивановна. Исключительно симпатичный! Операцию предлагает сделать... Надо на всякий случай записать его телефон...

Люба. Ну, бегу к редактору. Если позвонит Антон Николаевич — я скоро буду. (Выходит.)

Ангелина Ивановна снова принимается печатать на машинке. Входит женщина в форме офицера милиции, с гладко зачесанными черными до синева волосами.

Женщина в форме (говорит с небольшим кавказским акцентом). Здравствуйте, Ангелина Ивановна. (Понюхав воздух.) В чем дело? Почему больницей пахнет? (Взяв со стола стакан с валерьянкой.) Валерьянка? При чем здесь валерьянка?

Ангелина Ивановна. Тут у одного полковника — большая радость.

Женщина в форме. Радость? Если радость, разве валерьянку пьют? Ай-ай-ай, Ангелина Ивановна! Вот что пьют. (Вынимает из портфеля бутылку вина.) Розовый мускат. Армянский. (Обвела глазами комнату.) А где же наша новорожденная? Это для нее.

Ангелина Ивановна. Сейчас вернется.

Входит мальчик лет одиннадцати — двенадцати, обыкновенный русоголовый мальчик, в пальто немного на вырост.

Кого тебе, мальчик?

Мальчик (вынув из кармана сложенную газету и заглянув в ее страницы). Мне нужна Ермакова Эл. Которая в газете пишет.

Ангелина Ивановна. Ее нет. А что тебе?

Мальчик. Я только ей скажу.

Ангелина Ивановна. Ну, тогда подожди. Вот там, в коридоре.

Мальчик выходит.

Женщина в форме. Целую неделю ломала голову, что подарить ей. Конфеты — пошло. Духи — тривиально. И представьте себе — мне повезло. (Вынимает из портфеля маленькую коробочку.) Вот. Ну как?

Ангелина Ивановна. Портсигар? Так она ж не курит!

Женщина в форме. Не угадали. (Нажимает кнопку на коробочке. Слышится восточная мелодия. Может быть, это знакомое всем произведение Хачатуряна.)

Ангелина Ивановна. Радиоприемник?

Женщина в форме. Транзистор. Каково?

Ангелина Ивановна. Какая прелесть! Просто исключительно.

Входит Люба. Заметив ее, женщина в форме прячет приемник в карман кителя.

Женщина в форме (несколько торжественно). Дорогая Любовь Андреевна, позвольте поздравить вас с

днем рождения. Прошу минуточку внимания! Раз, два, три! *(Незаметно кладет руку в карман. Неожиданно из кармана раздается далекая восточная мелодия, которую мы слышали только что.)*

Люба. Что это?

Женщина в форме *(вынимая из кармана звучащий приемник)*. Прошу принять этот скромный подарок. От меня и от сотрудников нашего отдела, которые вас так любят.

Ангелина Ивановна *(вынимает из шкафа букет цветов в вазочке)*. А это — от меня.

Люба. Спасибо... Спасибо, друзья.

Ангелина Ивановна вытирает проступившие слезы и в волнении выливает из стакана валерьянку, оставленную полковником.

Женщина в форме. И вот еще. *(Вынимает из портфеля книгу.)* Вы просили «Сонеты» Шекспира.

Люба. Благодарю.

Женщина в форме. Ну, к сожалению, мне пора возвращаться на работу. *(Прощается с Любой и Ангелиной Ивановной и уходит.)*

Люба. Антон Николаевич не звонил?

Ангелина Ивановна. Нет.

Люба. Вы в этом убеждены?

Ангелина Ивановна. Я все время была здесь.

Входит мальчик.

Ты еще не ушел? *(Любе.)* Это к вам.

Мальчик *(подходя к Любе)*. Вы Ермакова? Здравствуйте. Правда, что вы потерянных находите?

Люба. А ты кого ищешь?

Мальчик. Я сам потерялся.

Люба. Садись. Как тебя зовут?

Мальчик. Лютиков Костя. *(Садится.)*

Люба. Как же ты потерялся? Расскажи.

Костя. Мне было три года. Мы ехали с отцом в поезде... Из Краснодара, конечно. И вот ночью отец вышел на станции... Купить мне лимонаду. Знаете, он меня здорово любил. Вдруг отец видит — крадутся в темноте двое... И кладут что-то на рельсы... А там, в свертке, — динамит. Понимаете — диверсанты.

Люба *(несколько удивленно)*. Понятно.

Костя. А курьеский встречный поезд уже близко.

Отец бросился к ним... Один — против двоих. Он дал одному... второму... третьему...

Люба (*пряча улыбку*). Как же ты все это помнишь? Ведь тебе было три года.

Костя. Так то же отец! Про отца я все помню! До чуточки!

Люба. Конечно, конечно.

Костя. Я кинулся ему на помощь. Вдруг — взрыв. Меня ка-ак бросит...

Люба. И что же дальше?

Костя. Дальше? Я потерял сознание. Отец скрутил диверсантам руки. И сдал их пограничникам. Знаете, которые с собакой.

Люба. Погоди, погоди. Откуда под Краснодаром пограничники?

Костя. Как откуда? Ехали в поезде. К себе на границу. Отец, значит, сдал шпионов на заставу и уехал. Он-то ведь не знал, что я за ним вышел. А я очнулся и забыл, как меня зовут. Вот меня и отдали в детдом.

Люба. А отец?

Костя. Отец? Ну и вопрос! Когда схватился, что меня нет, — ясно, жутко переживал. Искал всюду. Даже плакал.

Люба (*осторожно*). Ну, этого ты наверняка не можешь знать. Ты ведь был в другом месте.

Костя. Я ж объяснил вам — он меня любил. Ужасно любил.

Люба. Ну конечно, конечно.

Костя. Запишите, пожалуйста. Зовут его Лютиков Виктор Иванович. Найдите его. Он мне очень нужен.

Люба (*записывая*). А где же твоя мама?

Костя. Мама меня так и не нашла. А потом, мне сказали, она умерла. Когда мне было шесть лет.

Люба. И ты сейчас в детдоме?

Костя. Да. Детдом номер шесть, Гороховская, двадцать три.

Люба (*записывая*). А тебе там... нехорошо?

Костя. Да что вы! Там очень даже хорошо. И всех нас любят. (*Пауза.*) Всех одинаково. А вот отец... Он будет любить меня по-особенному.

Люба. Ну что ж, Костя, постараюсь тебе помочь.

Костя. Правда? Пойду Пашке скажу. А он-то надо

мной еще смеялся! *(Побежал к двери, остановился.)*
Да... До свидания! *(Убежал.)*

Ангелина Ивановна. Взрывчатка на рельсах... Диверсанты... Библиотека приключений, выпуск Воениздата... Ну и врунишка!

Люба. Вы думаете — врунишка? *(Задумалась. Как бы механически извлекла из письменного стола тапочки и снова произвела операцию переодевания туфель.)*

Дверь отворяется. Сначала в ней появляется большая корзина цветов, а потом — несущая ее курьерша.

Это еще что?

Курьерша *(подавая Любе конверт)*. Это вам. Просили передать. *(Выходит.)*

Люба *(заглядывает в конец письма)*. Представьте — от полковника Бобышева! *(Читает.)* «Если вы не согласны вырезать аппендикс, придется принять вам эти цветы. Это ее любимые — моей жены Шурочки. С тех пор как мы разлучились, я каждый год в день ее рождения ставлю букет на письменный стол».

Ангелина Ивановна. Подумать только!

Открывается дверь, и перешительно входит Костя.

Костя. Это все... ну, что я рассказал... это я выдумал.

Ангелина Ивановна. Ну вот! Я же говорила!

Люба. Подождите, Ангелина Ивановна!

Костя. Просто отец меня бросил. Он с матерью не жил. Он был из другого города. Забрал меня к себе — как будто погостить. А на какой-то станции вывел меня и там бросил. Сам уехал — понимаете, чтобы не платить на меня деньги матери...

Люба. Понятно.

Костя. Я был маленький. И знал только, что зовут меня Костя. *(Пауза.)* Я не хотел вам наврать. Просто так вышло...

Люба. Ну, это иногда случается.

Костя. И вообще, знаете что? Верьте мне процентов на пятьдесят. И получится чистая правда.

Люба. А не лучше ли просто говорить те пятьдесят процентов, которые правда? Как ты думаешь, Костя?

Костя *(искренне)*. Это мне не приходило в голову. Попробую!

Ангелина Ивановна. Ты говоришь — тебя отец бросил. Так зачем ты его ищешь, раз он такой подлец!

Люба. Ангелина Ивановна!

Костя *(с убеждением)*. Так он потом раскаялся. И деньги мне теперь не нужны. Я скоро в ремесленное поступаю. Сам буду зарабатывать. И потом, у меня две макушки.

Ангелина Ивановна. Как это — две макушки?

Костя. Это я не придумал. Вот потроньте.

Люба *(касается его головы. Рука ее невольно гладит его стриженные волосы)*. На самом деле — две.

Костя. А у кого две макушки — тот обязательно должен быть счастливый! Ну, я пошел!

Люба. Постой!

Костя остановился.

Знаешь что, приходи ко мне в гости.

Костя *(удивленно)*. Как это — в гости? Всей группой? Или как?

Люба. Почему всей группой? Я тебя зову в гости. Можешь с товарищем.

Костя. Я в гостях никогда еще не был. На елку нас водили. К слонам, в зоосад... А в гости не водили.

Люба. Значит, придешь?

Костя. Когда?

Люба. Когда хочешь. Запиши адрес: Ломоносовский проспект, двенадцать, квартира два. Ну как, придешь?

Костя. Что за вопрос! Конечно, приду. До свиданья! *(Уходит.)*

Ангелина Ивановна. У него действительно две макушки? Не наврал?

Люба. Нет, не наврал. *(После паузы.)* И он действительно должен быть счастливым. *(Задумываясь.)* Счастливым... Это не так просто...

Ангелина Ивановна украдкой ощупывает свою голову — нет ли у нее двух макушек; затем начинает печатать.

(Задумываясь.) У меня к вам просьба, Ангелина Ивановна. *(Берет листок бумаги, что-то пишет.)* Скажите нашей курьерше, пусть сходит в цветочный магазин и закажет корзину цветов. Самую большую. *(Протягивает Ангелине Ивановне записку и деньги.)* Вот адрес и деньги.

Ангелина Ивановна (*заглядывая в записку, удивленно*). Так это же ваш адрес? (*Читает дальше.*) «Доставить Ермаковой Любовь Андреевне». (*Все больше изумляясь.*) Как же это — подарок самой себе?

Люба. Вы удивлены? Просто я очень люблю цветы.

Ангелина Ивановна, пожав плечами, выходит. Люба сняла трубку телефона, набрала номер. Гаснет свет, и телефонный разговор Любы и Антона звучит в темноте. Может быть, на освещенном занавесе одновременно проецируются их рисованные гротесковые силуэты — как в театре теней.

Антон. Алло!

Люба. Антон? Ты дома?

Антон. Странная логика. А кто же тебе отвечает?

Люба. Я хотела спросить — ты не звонил мне?

Антон. Нет, не звонил.

Люба. И ты ничего не хочешь сказать мне?

Антон. Сказать? Что сказать?

Пауза.

Люба. Ну что ж... Тогда до свиданья.

КАРТИНА ВТОРАЯ

Пока длится телефонный разговор Антона и Любы, в темноте меняются декорации. Зажигается свет — перед нами просторная светлая комната. Большое окно, за которым тоже пейзаж Москвы. Современная мебель: сервант, тахта, пианино, книжные шкафы, письменный стол. Чертежная доска, так называемый кульман. За дверью видна часть передней. Сейчас в комнате накурено. На столе горой нагромождены книги, журналы в ярких обложках, технические проспекты и справочники, чертежи. На сцене — Антон Ермаков, со спортивным разворотом плеч, лет 35—36, и Кудрявченко, летчик-испытатель, примерно того же возраста.

Антон (*в трубку телефона*). Алло! Алло! Люба! Ты слышишь? (*Кладет трубку.*)

Кудрявченко. Жена звонила?

Антон. Да... (*Возвращаясь к прерванному разговору, показывая на разостланный на полу чертеж, над которым склонился Кудрявченко.*) Так что же ты мне скажешь?

Кудрявченко. Скажу — зря я, кажется, в летчики-испытатели подался. Надо мне было тоже в конструкторы идти.

Антон. С чего б это, Алеша?

Кудрявченко. Ты еще спрашиваешь! *(Показывает на чертеж.)* Твой электронный пилот в конце концов вытеснит нашего брата, живого летчика.

Антон *(посмеиваясь)*. Я сделал все от меня зависящее, чтобы приблизить этот момент. Скоро станешь ты, дружище, безработным, представителем устаревшей профессии!

Кудрявченко. Спасибо. *(Опять задумался над чертежами.)* Когда начнете испытания в воздухе?

Антон. Мышковецкий уже подписал приказ.

Кудрявченко. Кто будет испытывать?

Антон. Не догадался? Конечно, ты.

Кудрявченко. Почему я?

Антон. Потому что я выклянчил тебя у Мышковецкого. Я доказал директору, что мне нужен такой, извините за выражение, гений, как ты. В общем, завтра узнаешь об этом официально.

Звонок в парадном. Видно, как из своей комнаты выходит сосед Ермаковых — Иван Захарович, отворяет дверь и вносит большую корзину цветов. Стучит в дверь Ермаковых.

Иван Захарович. Извините, Антон Николаевич, вам цветы. То есть не вам, а Любовь Андреевне.

Антон *(рассеянно глядя на корзину)*. Какие цветы? Зачем? От кого?

Иван Захарович *(близоруко рассматривая конверт)*. А тут, в конвертике, записка. *(Выходит.)*

Антон *(берет запечатанный конверт)*. Так, так... *(Повертел конвертик в руках.)* Интересно, от кого это? «Ермаковой Любовь Андреевне». И все. Не понимаю.

Кудрявченко. Что ж тут непонятного? В таких случаях мужчины предпочитают сохранять инкогнито. *(Продолжает рассматривать чертеж.)* Да... В принципе, конечно, очень здорово. Но возникает у меня сомнение...

Антон. Ну вот... Уже сомнение... Какое?

Кудрявченко *(в раздумье)*. Сработает ли твоя электроника, если самолет попадет в струйное течение? При очень больших скоростях ветра?

Антон. Струйное течение мы имитировали на стенде. И кроме того, оно предусмотрено теоретически.

Кудрявченко. «Теоретически»! Сидя в КБ на стуле, все легко предусмотреть. А я вот чувствую...

Антон. В век электроники чувствовать — это анахронизм, устаревшая категория. (*Снова поглядел на письмо.*) Почему ты думаешь, что это от мужчины?

Кудрявченко. Вот это можно вывести как раз чисто теоретически. Хотя бы потому, что у тебя красивая жена.

Антон. Что ж, я рад за нее. (*Демонстративно, возвращаясь к деловой теме.*) Так что, Алеша, не сомневайся, электроника не подведет.

Кудрявченко. Знаешь, раньше говорили: браки заключаются в небесах. А в нашем деле брак выясняется в небесах. Полетим — посмотрим. Во всяком случае, рад за тебя. (*Берет авоську, набитую пакетами, апельсинами, бутылками с молоком.*)

Антон (*скептически оглядев его*). Женился бы ты, что ли... Вечно ты с сумками.

Кудрявченко. С сумками? Ничего не поделаешь, я — мать троих детей.

Антон. Так не век тебе вдовцом ходить.

Кудрявченко. Женюсь, если найду такую, как твоя Люба.

Антон (*продолжая разглядывать сумку Кудрявченко*). И кто может догадаться, что ты — знаменитый летчик-испытатель? Герой Советского Союза... Ты бы хоть звездочку золотую к лацкану привинтил, что ли.

Кудрявченко. Не помогает. Принимают за мастера высоких урожаев. Один раз в автобусе даже спросили: «Ну, как у тебя там, батя, с кукурузой?»

Антон. Да... Положение безвыходное... (*Вспомнив про письмо, которое он еще держит в руках.*) И все-таки — довольно бестактно не писать обратный адрес!..

Кудрявченко (*иронически*). А ведь чувства в эпоху электроники — это анахронизм... Устаревшая категория. Особенно такие атавистические, как ревность.

На парадном щелкает замок, входит Люба. Кудрявченко с некоторым смущением пытается спрятать авоську за спиной.

Люба (*сделав вид, что не замечает цветы*). Здравствуйте.

Антон. А тебе цветы...

Люба. Цветы? От кого?

Антон (*протягивая письмо*). Не знаю. Это меня мало интересует.

Люба (*рассматривает цветы.*) Погляди, что там.

Антон (*вскрывая конверт, читает записку*). «Дорогой моей Любе... в этот памятный день... с нежностью...» (*Недоуменно.*) С нежностью? От кого это?

Кудрявченко. Наверное, от тебя.

Антон. Я ничего не посылал. И потом— что это за памятный день?

Люба (*берет со стола перекидной календарь и подносит его Антону*). Антон! Неужели ты не помнишь?

Антон (*заглядывая в календарь*). Двадцать первое апреля. Тридцать лет со дня выпуска первого советского экскаватора. Ну и что?

Люба. Антон! Не мог же ты забыть, что сегодня день моего рождения! (*Вынимает из портфеля бутылку муската, ставит бокалы.*)

Кудрявченко. Ну и хорош! Может, ты вообще забыл, что женат?

Антон (*сконфуженно*). Да, да... прости меня, Любаша. Как мог я упустить из виду? Поздравляю тебя, Любочка. (*Спихватился.*) Но позволь, цветы я все-таки не посылал!

Люба. А в общем — какая разница. Важно, что в этот день у нас дома цветы.

Антон открывает бутылку.

Кудрявченко (*поднимая бокал*). Дорогая Любовь Андреевна! Хорошее у вас имя! И тоста придумывать не надо. За любовь! За любовь и согласие в этом доме!

Пьют вино. Люба извлекает из портфеля подаренный ей приемник, включает его. Звучит музыка.

Антон (*разглядывая приемник*). Чудесно. Просто превосходно.

Люба. Еще бы! Твоя любимая Лунная соната.

Антон. Чудесно стали у нас делать приемники таких габаритов.

Люба. А-а!

Антон. Знаешь, полупроводники — будущее техники. Целый ряд термoeлектрических явлений...

Люба. Не надо сейчас об этом... Посидим тихо и слушаем музыку...

Кудрявченко. К сожалению, мне пора. (*Прощается и уходит.*)

Люба. Как хорошо, что сегодняшний вечер мы вместе.

Антон. Да, да, Любаша. Так хорошо!.. (*Вдруг вспомнив.*) Сегодняшний вечер?.. (*Смущенно.*) Прости, Любочка, но как раз сейчас я должен уехать... Понимаешь, начинается монтаж моей схемы.

Люба (*выключив приемник*). Ну что ж... Иди.

Антон. Ты обиделась?

Люба. Нет, что ты! Нисколько... Честное слово! Ну, ступай, милый... Ступай!

Почеловав ее, Антон кладет бумаги в портфель и выходит. Люба бросилась пичком на тахту, горестно уткнулась в подушки. Возвращается Антон. Он берет забытый на столе чертеж и вдруг с изумлением замечает плачущую Любу.

Антон. Что с тобой?

Люба молчит.

Что случилось?

Люба (*стараясь скрыть слезы*). Ничего.

Антон (*обеспокоенно разглядывая ее*). Неправда, Любочка!

Люба. Честное слово, ничего не случилось. Иди, ты опоздаешь на работу.

Антон. Не могу я уйти, когда ты плачешь...

Люба. Тебе показалось. Ну, не волнуйся, милый! (*Стараясь улыбнуться.*) Мне очень хорошо... (*Неожиданно опять заплакала.*) Если бы ты знал, как я одинока...

Антон. Одинока? Но мне кажется, рядом, так сказать в пространстве, нахожусь и я.

Люба. Вот именно — в пространстве...

Антон. Неужели ты не можешь понять, что в наши дни каждая отрасль науки требует всего человека... Всего без остатка.

Люба. Я тоже работаю. Целые дни.

Антон. Не пойму никак — ну, чего тебе не хватает?

Люба. Не только мне. Тебе не хватает.

Антон. Интересно — чего?

Люба. Семьи. Ребенка. Подумать только — у нас мог быть уже большой сын.

Антон. Дети мешают работать.

Люба. Антон, милый... Ты обвел себя меловой чертой, за которой осталось все... Все, кроме твоей кибернетики.

Антон. В моей кибернетике больше поэзии, чем в твоих «Сонетах» Шекспира.

Люба. И я тоже оказалась за этой чертой. Мы уже два года нигде не были вместе. Даже в консерватории...

Антон. В консерватории. *(После паузы.)* А тебе не кажется, что Лунная соната наших дней — это первый полет космического аппарата на Луну? Выход человека в космос!

Люба. Для меня важно, какой человек полетит в космос. Какой, — слышишь? Не электронный сухарь, не счетная машина, а человек. Человек с большой буквы.

Антон. Почему ты затеяла этот разговор именно сегодня?

Люба. Потому что мне исполнилось сегодня тридцать один. Уже тридцать один... *(Снова заплакала.)*

Антон *(растерянно)*. Ну, прошу тебя, не плачь. Мы будем каждый день ходить в консерваторию... Пусть у нас будет не один, а дюжина детей... Даже чертова дюжина! Только перестань плакать.

Люба плачет.

Ну, представь себе — у нас завелся отпрыск.

Люба перестает плакать, прислушивается.

Первым делом он, конечно, растащит мою готовальню.

Люба *(улыбаясь сквозь слезы)*. Я куплю ему обыкновенную. Школьную.

Антон. А потом, как только ты приляжешь отдохнуть, тебя срочно вызовут в школу: «Ваш сын попал из рогатки в глаз директору».

Люба. Откуда ты знаешь?

Антон. По собственному опыту. Потом он заинтересуется устройством моих часов. *(Поглядел на часы.)* Ну вот! Я уже опоздал! Прости меня, бегу! *(Бросается к вешалке, надевает шляпу, пальто, поспешно направляется к двери.)*

Люба. Куда ты? Куда? Ты же в домашних туфлях.
(Достаёт башмаки, протягивает их Антону.)

Антон смущенно надевает башмаки.

Так. Теперь иди.

Антон (задерживаясь в дверях). Не трогай, пожалуйста, ничего на моем столе и на полу.

Люба. Но здесь же какой-то первозданный хаос!

Антон. Этот хаос строго продуман и организован.
(Уходит.)

Люба одна. Звонок в передней. Люба идет открывать. На пороге
Костя Лютиков.

Костя. Это я... К вам в гости. Наверно, я слишком скоро пришел? Простите, но мне было интересно, как это — прийти в гости? Я даже уроки делать не мог.

Люба. Очень хорошо, что ты пришел.

Входят в комнату.

Костя (оглядевшись). А у вас красиво... (Заметил второй телефон.) А почему у вас два телефона?

Люба. Тот — городской. А этот — от коммутатора, где работает мой муж.

Костя. Он что — в коммутаторе работает?

Люба. Нет, он математик. (Ставя перед Костей торт, вазу с фруктами, коробку конфет.) Вот, угощайся!

Костя. Ух ты, какой торт! Вот жалость — я за обедом добавку попросил. Ну, может, немножко посижу и проголодаюсь. А пока возьму конфету. (Берет конфету.) Шоколадная... (Кладет в карман.)

Люба. Почему ты не ешь?

Костя (смутившись). Это для Пашки.

Люба. А ты бери еще! Пашка — это кто?

Костя. Мой лучший друг. (С гордостью.) Между прочим, он на руках ходить умеет. Один раз прямо в класс на руках вошел. На урок истории.

Люба (усмехнувшись). Знаешь, давай договоримся: когда ты уж слишком... ну... расфантазируешься, я буду включать светфор.

Костя. Как это?

Люба. А вот так. «Стоп! Красный свет!»

Костя. Это вы здорово придумали. Ну, ясно — в класс на руках он не входил. Но стойку жмет — сила!

Только я долго не могу у вас быть. Мне его кормить надо. Ровно в шесть часов.

Люба. Кого? Пашку?

Костя. Да нет. Пирата!

Люба. Это кто? Собака?

Костя. Ясно — не канарейка. Знаете, какой пес? Служебный! Здоровый. Вот такущий! *(В увлечении поднимает руку метра на два от пола. Под критическим взглядом Любы Костя начинает постепенно опускать руку вниз.)* Ну, вот такой.

Люба. Злой?

Костя. Как тигр! Он наш детдом охраняет. Один раз к нам забрались бандиты. Так он одного в кусочки растерзал.

Люба. Красный свет!

Костя. Ну, ясное дело, я пошутил. Просто он нашего сторожа один раз укусил. Сторож чуть его за это не выбросил! Но все равно Пирата я очень люблю. *(Пауза.)* Ну, я пошел.

Люба. Что ж так быстро?

Костя. Сказать по правде — охота Пашку скорей увидеть. Он сразу спросит: «Где был?» А я отвечу: «В гости». Он начнет смеяться. А я ему конфету дам. Вот он удивится!

Люба. Что ж, иди... Только обязательно приходи опять.

Костя направляется к двери, остановился.

Костя. А как же с моим отцом? Вы его искать будете?

Люба. Конечно. Я же тебе сказала. А пока давай с тобой дружить?

Костя. Ну, ясное дело — будем дружить. Если вы захотите. Но отец все равно нужен... *(Подумал.)* Сколько раз меня из детдома забрать хотели. А я не пошел. Потому что — кто отца заменит? *(После паузы.)* Но это я вру. Просто меня никто не брал.

Люба. Почему?

Костя. Вы же знаете. Вечно со мной такая история. Примутся меня расспрашивать — то да се. А я и начинаю... Даже ребята смеются — Костыка пошел баланду травить. Значит — попросту врать. Наверно, за это меня никто не взял...

Люба (тихо, скрывая внезапно охватившее ее волнение). А вот я... я выбрала бы именно тебя!

Костя. Меня?

Люба. Да.

Костя. Это просто странно. Берут маленьких. А я уже большой. И некрасивый. Я же знаю.

Люба. Нет, на самом деле — я выбрала бы только тебя.

Костя. Вы... вы хотите взять меня в дети?

Люба. Да.

Костя. Не может быть! Вы, наверно, шутите... (Сдерживая слезы.) Шутите!.. (Круто повернулся, пошел к двери.) Смеяться — это нехорошо!

Люба. Да постой же! Я говорю совершенно серьезно.

Костя. Серьезно? Нет, нет... Не верю я вам... Не верю.

Люба. Хочешь, я сегодня же поговорю с вашим директором?

Костя. С директором? Ну конечно, хочу! (Подумав.) А если найдется мой отец? (Осененный внезапным решением.) Хорошо... тогда... тогда вы на нем женитесь!

Люба (смеясь). Ну, это невозможно. Потому что у меня есть муж.

Костя. Муж? Муж... А если он не захочет, чтоб я здесь жил? Тогда я буду просто приходить к вам. Можно?

Люба (твердо). Он захочет. Ну как, согласен?

Костя. Но я ведь не один. Мы с Пиратом.

Люба. Ну и что же! Переселяйтесь вдвоем. Согласен?

Костя. Я-то согласен. Это вы хорошенько подумайте. Лично я не взял бы себя в дети. У нас есть ребята лучше. Гораздо лучше. Подумайте. (Идет в прихожую.) Так вы не передумаете?

Люба. Ну что ты!

Костя уходит.

(Постучала соседу.) Иван Захарович!

Входит Иван Захарович.

А у нас будут скоро большие перемены!

Иван Захарович. В каком это смысле?

Люба. У меня скоро будет ребенок.

Иван Захарович. Давно пора. Поздравляю.

Люба (*мечтательно*). Сын...

Иван Захарович. А почему вы знаете, что именно сын?

Люба. Я так решила.

Иван Захарович. Хм... А когда ж... он должен быть?

Люба. В ближайшие дни.

Иван Захарович (*протер очки, в изумлении оглядел Любу*). То есть... как это?

Люба. Может быть, даже завтра.

Иван Захарович. Да что вы, Любовь Андреевна... Так не бывает...

Люба. Бывает, бывает!..

Иван Захарович. Чудеса!

Занавес

Между второй и третьей картинами.

Пока меняются декорации, в темноте звучит телефонный разговор Любы и Ивана Захаровича, а на занавесе проецируются их рисованные фигуры.

Люба. Алло! Алло! Иван Захарович, это вы?

Иван Захарович. Я, я, Любовь Андреевна.

Люба. Как дела?

Иван Захарович. Заканчиваю уборку. Все в порядке. А у вас?

Люба. Мы немного задержались. Но сейчас выезжаем. Антон Николаевич не приходил?

Иван Захарович. Нет. Еще рано.

Люба. Главное — успеть до его прихода.

Иван Захарович. Конечно.

Люба. Волнуюсь — прямо сердце замирает.

Иван Захарович. Ничего. Все будет хорошо.

Люба. Ну, мы едем. До свиданья.

Иван Захарович. Жду. До свиданья.

Зажигается свет.

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Та же комната. Однако в ней заметны кое-какие перемены. В комнате царит идеальный порядок. Стол накрыт новой нарядной скатертью. Ваза со свежими цветами. У окна — небольшой рабочий столик, которого не было прежде.

Иван Захарович в любинном фартуке усиленно работает пылесосом, напевая: «Мы красная кавалерия, и про нас былинные речистые ведут рассказ...» На парадном щелкает замок. Входят Антон и Кудрявченко. Антон мрачен.

Антон. Ну, рассказывай, как все случилось.

Кудрявченко. Ты же показания приборов видел. А мне остается выложить тебе только то, что не считал нужным говорить при людях... на аэродроме.

Антон. Я тебя слушаю. *(Увидел убранный письменный стол, на котором аккуратными стопками сложены книги и бумаги.)* Что это такое? Кому понадобилось устроить такой беспорядок на моем столе?

Кудрявченко. Сколько лет тебя знаю, в первый раз вижу, что у тебя убран стол.

Антон. Убран? Раскидали все мои бумаги! Теперь я ничего не найду. И вообще — по какому поводу такая уборка? *(К Ивану Захаровичу.)* Почему вас мобилизовали?

Иван Захарович. Мне-то, что. Вроде развлечения...

Антон *(замечает на столе книгу, берет ее, читает)*. «Сонеты» Шекспира. «Дорогой Любочке с самой большой любовью. Саркисян». Хм... *(Открывает заложенную страницу, читает.)*

Я знаю, что грешна моя любовь,
Но ты в двойном предательстве виновна...

Какой это Саркисян?

Кудрявченко. Наверное, какой-нибудь безнадежно влюбленный.

Антон. Уж не он ли прислал тогда цветы?

Кудрявченко. Вполне возможно.

Антон. Где Люба?

Иван Захарович. Придет скоро.

Антон *(увидев у окна новый столик, с возрастающим удивлением)*. А это что за приобретение? Для чего?

Иван Захарович. Любовь Андреевна купила.

Антон *(пытается усесться за низенький столик)*.
Абсурд какой-то! Мне и не втиснуться. Похож на детский.

Иван Захарович. Может, и детский.

Кудрявченко. Факт! Я точно такой своему Кольке купил.

Антон. Для чего он нам?

Иван Захарович *(со всей дипломатичностью)*.
А вдруг у вас будет ребятишек?

Антон. Что значит «вдруг»?

Иван Захарович. Вот так — «вдруг»!

Кудрявченко *(смеясь)*. Они всегда заводятся «вдруг». Говорю тебе по собственному опыту.

Антон. Помешались вы все на детях, что ли!

Иван Захарович. А что, на самом деле, разве было бы плохо, ежели бы у вас был мальчишка? А я б — вместо бабушки.

Кудрявченко. Между прочим, девчонка — тоже неплохо.

Иван Захарович. Выбирать-то уже поздно.

Антон. Почему поздно?

Иван Захарович. Я-то знаю, что говорю.

Антон. Извините, а при чем здесь вы?

Иван Захарович. Я и сам думаю — зачем мне было ввязываться?

Антон. Да что вы загадками говорите?

Иван Захарович. Какие уж тут загадки... Мальчонка-то больно хороша.

Антон. Какой мальчонка?

Иван Захарович. Какой, какой... Сынок ваш.

Кудрявченко. А ну-ка, дыхни, дедушка.

Иван Захарович. Да я не пью. *(Снимает фартук.)*
Так что лучше мне уйти. *(Уходит.)*

Антон. Что это с ним сегодня?

Кудрявченко. Тебе виднее. Твой сосед.

Антон. Ну, бог с ним. Продолжай, продолжай!

На парадном щелкает замок, входят Люба и Костя. В руках у Кости маленький сундучок и корзинка.

Люба. Знакомьтесь, Алексей Иванович.

Костя *(подойдя к Кудрявченко, кланяясь)*. Лютиков Костя. *(Подойдя к Антону.)* Лютиков Костя.

Антон *(растерянно)*. Инженер Ермаков.

Люба. Вещи поставь вон здесь. *(Спихватилась.)*
А где твой Пират? Ты же забыл свою собаку!

К о с т я. Я не забыл. Он здесь.
Л ю б а. Где?

Костя вынимает из кошелки, покрытой тряпкой, маленького ушастого щенка.

Да-а! Типичная гроза бандитов и диверсантов!

К о с т я. Он еще вырастет. (Антону.) И будет служебной собакой. Он почти породистый.

Л ю б а. Собаку мы поместим здесь, в углу. (Косте.) Пойди в прихожую, принеси для Пирата коврик.

Костя выходит.

Кудрявченко. Чей это мальчик?

Л ю б а. Это наш сын.

А н т о н (машинально, Кудрявченко). Это наш... (Любе.) Кто?!

Л ю б а. Наш сын.

Воцаряется пауза. Антон нервно пасивистывает.

Свистеть не надо. Лучше говори.

А н т о н. Почему ты по крайней мере не предупредила меня?

Л ю б а. Должно быть, я не сумею объяснить тебе... Я сама не знала, что так получится.

А н т о н. Сама не знала?! Я просто потрясен этим аргументом!

Л ю б а. А у меня нет аргументов. Я просто почему-то не могла его не взять.

А н т о н. Я не нахожу слов. Я считаю... Я...

Кудрявченко. «Я, я, я»! Между прочим, у тебя, кажется, есть еще и жена. Извини, что вмешался. (Надевает кепку, собираясь уйти.) Я думаю — о делах сейчас говорить не будем.

А н т о н. Нет! Именно будем! Рассказывай!

Кудрявченко. А что рассказывать? Только попал я в струйное течение, машина полезла вверх. Чувствую — не сработает твоя электроника. Но жду, рули не трогаю. Пусть, думаю, осциллографы все запишут. И конечно — чуда не произошло. Отклонения рулей не хватило.

А н т о н. Как ты и предсказывал.

Кудрявченко. Неважно, кто предсказывал. В общем — машина сорвалась в штопор.

Л ю б а. Боже мой! У тебя неудача!

Кудрявченко. Видел, как стабилизаторы погнуло? Еле дотянул до аэродрома.

Входит Костя с ковриком в руках.

Костя. Я выбил коврик на лестнице. И заодно почистил ботинки. *(Внимательно оглядел всех.)* Мне, наверное, лучше вернуться? Да? Так вы не волнуйтесь. У нас в детдоме очень хорошо. Я не обижусь.

Люба. Никуда ты не уйдешь.

Щенок несколько раз жалобно тявкнул.

Кудрявченко *(смеясь)*. Ого! Какой бас! Просто мурашки по коже бегут. . .

Костя. Это у него ломается голос. *(Антону.)* Но вы его не бойтесь.

Антон. Я боюсь только вмешательства в мою личную жизнь.

Костя. Ну, щенки в личную жизнь никогда не вмешиваются.

Антон. Спасибо. Это меня успокаивает.

Костя. А вы будете жить здесь?

Антон. Я постараюсь вам не мешать.

Костя *(горячо)*. Вы не будете нам мешать! Честное пионерское.

Антон *(показывая на дверь соседней комнаты)*. Пойдем-ка туда, Алексей Иванович. Там поговорим.

Кудрявченко *(Косте)*. А знаешь, сразу видно, что щенок — будущий чемпион и медалист. Так что не падай духом, Лютик!

Костя. Я не от слова «цветок». Я от слова «лютый».

Кудрявченко. Извини! Больше не буду.

Антон и Кудрявченко выходят.

Люба *(стараясь скрыть огорчение, указывает на новый столик)*. За этим столом ты будешь заниматься.

Костя. Ну, это стол не для моих отметок. За таким столом должен сидеть круглый-прекрутлый отличник. *(Усаживается за стол. Увидел рояль.)* Вы умеете играть на рояле?

Люба. Это Антон Николаевич играл. . . Когда-то. . . А сейчас там завелась моль.

Костя, приоткрыв крышку, ударил по клавишам.

(Опасливо поглядела на дверь Антона.) Тише!.. (Вынула из портфеля какую-то бумагу.) Тебе придется зайти в школу. Сдай эту справку в учебную часть. Вот наша школа. (Показывает в окно.) Видишь?

К о с т я. Сейчас слетаю. На быструю ногу.

Л ю б а. Постой! Вот тебе ключ от квартиры.

Костя побежал. Люба взволнованно опускается на диван. Входит Иван Захарович.

И в а н З а х а р о в и ч. Ну, как оно, Любовь Андреевна?

Л ю б а. Нехорошо. Совсем нехорошо. А тут еще на работе у Антона большие неприятности. Надо же — такое совпадение! Что же я наделала!..

В это время тихо открывается парадная дверь. В переднюю на цыпочках возвращается К о с т я, снимает трубку, набирает номер.

К о с т я (говорит почти шепотом, прикрыв рукою рот). Детдом? Егоровна? Позови, пожалуйста, Вострякова Пашку. (Ждет.)

В комнате продолжается разговор.

И в а н З а х а р о в и ч. А может, отец Костин найдется?

Л ю б а. Не найдется его отец. Его уж и искать перестали. Десять лет, как скрылся.

К о с т я (в передней, говорит по телефону). Пашка? Ты? Слушай, я уже усыновился! Насовсем усыновился! Не веришь? Вот даже ключ от квартиры дали. И Пират тоже усыновился!

З а н а в е с

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ

Та же декорация. За ловым столиком занимается Костя. Входит Иван Захарович с письмом в руках.

Иван Захарович (*показывает конверт*). Вот. Получил от сына. Только ничего не разберу. Видно, очки менять пора. Почитай-ка мне, Костя!

Костя (*читает*). «Здравствуйте, отец! Вы спрашиваете, почему я вам не пишу...» (*Запнулся. Несколько смущенно.*) Ну и почерк! На двойку! (*Читает.*) «Я не пишу...» (*Замялся. Затем продолжает.*) То есть. «Я пишу вам часто. Но письма не всегда доходят... Потому что мне приходится все время разъезжать. То я в пустыне... то в горах Тибета... то в Арктике...»

Иван Захарович (*удивленно*). Постой, постой... Откуда ему быть в горах Тибета?

Костя (*немного растерявшись*). Так написано. Он же у вас геолог. А мало ли куда геологи ездят.

Иван Захарович. Геолог-то геолог. Только он же в Саратове, в областном управлении работает. Уже десятый год...

Костя. Работал — это верно. Вот здесь и написано: «Сейчас я в Саратове бываю редко. А больше разъезжаю с этими, как их... изыскательскими партиями. Ищу (*задумался*)... разные металлы. Так что вы не удивляйтесь, если письма от меня будут приходить редко. В пустыне не всегда бывают почтовые ящики. И некуда опускать письма».

Иван Захарович. Это верно.

Костя (*продолжая «читать», хотя уже почти не смотрит в письмо*). «Живу я хорошо, но очень скучаю по вас. Приезжайте к нам в гости. Ваш сын Сергей».

Иван Захарович. Все-таки вспомнил старика... Ведь второй год ничего от него не получал.

Костя. А он, оказывается, вам писал. Видите? И паверное, вот такие длинные-предлинные письма. И не лень же ему было!

Иван Захарович. Спасибо тебе. Ну, занимайся. (*Вынимает большие карманные часы.*) Время-то позднее. Глянь-ка!

Костя. Уже половина пятого. А почему у вас, дедушка, такие часы? Большушие... Как кремлевские куранты.

Иван Захарович. Это часы именные. Дарственные... Видишь? (*Показывает на надпись на крышке.*)

Костя (*читает*). «Отважному разведчику, красному кавалеристу...» Вот это да! Вы — разведчик? Кавалерист?

Иван Захарович. А то кто же?

Костя (*пораженный*). А я думал — вы всегда были такой... ну... старый... И в очках... А вы, оказывается, герой гражданской войны. Как Буденный!

Иван Захарович (*улыбаясь*). Ну, до Буденного-то мне далеко... Я его всего один раз в жизни-то и видел.

Костя. А ему усы спать не мешают?

Иван Захарович. Понимаешь, забыл спросить. Ну, занимайся, занимайся... (*Направляется к двери.*)

На парадном щелкает замок, входит Антон.

Костя. Здравствуйте, Антон Николаевич.

Антон. Здравствуй.

Костя. А у вас новая шляпа!

Антон, не оглядываясь, подходит к своему столу, вынимает бумаги из портфеля, начинает работать.

Вы, наверное, есть хотите? Я разогрею обед.

Антон. Ты видишь — я работаю. Единственное, о чем я тебя прошу, — будь нем как рыба.

Костя. Хорошо. (*Пауза.*) Только это неверно.

Антон. Что неверно?

Костя. Рыбы вовсе не немые. У каждой есть свой

голос. Думаете, вру? Честное пионерское. Мы в Доме пионеров ставили опыт — записали на магнитную пленку звуки в аквариуме. Ну — под водой. А потом пропустили пленку через радиоусилитель. Оказывается, рыбы пищат, мычат и даже квакают. Но простым ухом это не слышно. Вот вам — и нем как рыба!

Снова молчание. Оба продолжают заниматься.

Вы, наверное, устали? Опять пешком шли?

Молчание.

А вот скажите, когда человек идет пешком, что проходит больший путь — голова или ноги?

Антон. Я просил — не мешай мне.

Костя. Извините. Но ясное дело — голова проходит больший путь.

Снова молчание. На парадном раздается звонок. Костя бежит отворять дверь. Входит девочка Юля. Она старше Кости, с двумя тугоими косичками, в пионерском галстуке.

Антон. Вам кого?

Юля. Ермакова.

Антон. Ермаков — это я.

Костя. Это ко мне.

Антон (*Юле, сардонически*). И ты тоже будешь у нас жить?

Юля. Нет. Я из вашего микрорайона. Я пришла заниматься. Совет отряда постановил взять вашего ребенка на буксир по арифметике. (*Косте*.) Где твой задачник, Ермаков? Нечего время терять. (*Антону*.) Мы берем на буксир ребят, у которых неспособные родители. Сами помочь не могут.

Антон. Хм... По-видимому, я вам буду мешать. (*Собирает бумаги*.)

Юля. Нет, ничего... Только сидите тихо.

Антон (*собрал свои бумаги в охапку*). В конце концов, я могу заниматься и в спальне. (*Выходит в соседнюю комнату*.)

Юля. Что вам задали? Не зевай, пожалуйста, Ермаков. И не потягивайся.

Костя. Вот. Задача сто пять.

Юля (*читает задачу*). «В бассейн через две трубы наливается вода...»

К о с т я. Слушай! А вдруг испортятся краны? Вода польется через край! Будет неслыханное наводнение! Что тогда?

Ю л я. Перестань болтать. В арифметике никаких наводнений не бывает. *(Продолжает читать задачу.)* «А через третью трубу вода выливается». Вот видишь.

Из своей комнаты появляется Антон.

Антон. Глупость какая-то! Из-за этой чуши я совершенно не могу работать. Она все время крутится у меня в мозгу.

К о с т я *(растерянно)*. Из-за какой чуши?

Антон. Черт подери! Почему голова проходит больший путь, чем ноги?

К о с т я. Так это ж простей простого! У каждого человека голова находится примерно на полтора метра дальше от центра земли, чем ноги. Значит, длина окружности...

Антон *(перебивая его)*. ...по которой движется голова, больше, чем длина окружности, по которой идут ноги. Ну да. Это же так элементарно.

К о с т я *(растерянно)*. Я больше не буду.

Антон снова уходит в свою комнату.

(Говорит шепотом.) Юлька! Я скажу тебе одну жуткую тайну. Клянись, что никому:

Ю л я. Честное пионерское.

К о с т я. Здесь у нас живет старичок. Он бывший кавалерист. Он с Буденным — лучшие друзья. Ну, как мы с Пашкой. Сегодня он получил письмо от сына. Знаешь, что сын ему пишет? «Надоели вы мне своими письмами, папаша. Отвечать мне на них некогда...»

Ю л я. Какой бессовестный.

К о с т я. Ну конечно, дурак! А я Ивану Захаровичу совсем другое прочитал. Чего в письме и вовсе нет. Он ведь плохо видит. Знаешь, какие у него толстые очки? Как телескопы.

Ю л я. Что же делать?

К о с т я. Поднапряжемся! Пошевелим мозгами...

Внезапно из соседней комнаты раздается душераздирающий вопль. Оттуда выбегает Антон. В руках у него обрывки ватмана.

Антон. Это возмутительно! Черт знает что!

Костя. Что такое?

Антон. Он съел мой чертеж!

Костя. Кто?

Антон. Твой паскудный шенок!

Костя. Он еще не научился отличать чертежи от простых бумажек.

Антон. А когда я отобрал у него чертеж, он меня тыпнул за пятку!

Костя. Конечно! Он не мог достать выше!

Антон (*направляется в спальню, остановился*). Ну вот! Опять лужа!

Костя. Еще бы! Это от страха. Вы на него так кричите, что никакие нервы не выдержат.

Антон. Безобразие! Щенку уже два месяца!

Юля. Извините, товарищ Ермаков. А когда вам было два месяца, вы могли за себя поручиться?

Костя. Правильно, Юлька!

Снова щелкает замок. Входит Люба.

Люба (*оглядев присутствующих*). Что у вас случилось?

Молчание.

Антон! Ты ругал Костю?

Костя. Ничего подобного. Он меня ни капельки не ругал.

Антон (*потирая пятку*). И ничего у нас не случилось.

Костя. Просто Антон Николаевич немного... наступил на Пирата. А Пират укусил его за пятку.

Люба (*всплеснув руками*). За пятку? Боже мой! Покажи пятку!

Антон. Вот еще новости. Стану я показывать пятку. (*Прихрамывая, уходит в спальню.*)

Люба. Надо обязательно помазать йодом.

Антон (*из спальни*). Оставьте мою пятку в покое!

Юля (*запихивая в Костин портфель учебники и тетрадки*). В такой обстановке совершенно невозможно брать отстающих на буксир. (*Вложила портфель Косте в руки, подталкивает его к двери.*) Пойдем заниматься ко мне, Ермаков.

Костя (*на ходу*). Тетя Люба, мы идем заниматься к Юле.

Люба. Только не забудь — в пять часов мы идем в Третьяковскую галерею.

Дети уходят. Входит Антон.

(Антону.) Может, пойдешь с нами в Третьяковку?

Антон. Спасибо. Не могу.

Люба. Там — новые картины Сарьяна. Помнишь, ты говорил — он удивительно владеет цветом!

Антон (*раздраженно*). «Владеет цветом»... Любой математик значительно точнее выразит цвет тремя простыми числами. Так называемыми трехцветными координатами.

Люба. Просто у тебя плохое настроение.

Антон. Это и естественно. Настроение — это интеграл от внешних раздражений. Наш мозг, интегрируя множество бесконечно малых раздражений, выводит константу — дурное настроение. У меня в доме все делается против меня.

Люба. Я не виновата.

Антон (*взрываясь*). Ты не виновата?! Интересно, кто же виноват? Я?

Люба. Да, ты! Ты лишил меня всякой надежды на то, что у нас наконец будет семья. Настоящая семья. А не двое на одной жилплощади. Наверное, все и осталось бы по-старому, если он не пришел бы тогда... как раз в день моего рождения... Я увидела этого мальчишку, и мне показалось...

Антон. А мне показалось, будто в мое окно влетела шаровая молния... Летающая тарелка!

Люба. Если он тебе мешает, мы можем устроить твой кабинет там. Ты будешь совсем изолирован.

Антон. Даже если ты воздвигнешь здесь защитную стену, как в атомном реакторе, он не может здесь оставаться!

Люба. Теперь это невозможно.

Антон. Почему?

Люба. Потому что это было бы жестоко. И нечестно. Я не могу. И не хочу.

Антон. Надо было подумать об этом раньше.

Люба. Быть может, это была моя ошибка. Но она уже сделана.

Антон. Ошибка? Ты это признаешь?

Люба. Ошибка, что я тебя не предупредила о своем решении.

Антон начинает молча собирать свои бумаги, книги, переносит в соседнюю комнату кульман.

Что ты делаешь?

Антон. Я принимаю твое предложение — переселюсь туда. *(Указывает на дверь, ведущую в соседнюю комнату.)* Теперь мы только соседи. Посторонние люди. Наступит день — и меня вообще здесь не будет.

Люба. В детстве меня учили: сосчитай до десяти, прежде чем предпринять что-нибудь сгоряча.

Антон *(укладывая в готовальню чертежные принадлежности)*. Ну конечно! Я же предсказывал!

Люба. Что ты предсказывал?

Антон. Как я и предсказывал — циркуля нет.

Люба. Пойщи у себя в столе!

Антон. Искать его надо не в моем столе. *(Направляется к Костиному столу.)*

Люба поспешно бросается к столу Антона. Оба одновременно выдвигают ящики.

Люба *(торжественно вынимая циркуль)*. Что это такое?

Антон *(вынимая из ящика Костиного стола пачку папирос)*. А это что такое?

Люба. Папиросы «Прибой». Он курит?!

Антон. Будь уверена — это сюрприз номер один. Интересно, какой будет следующий?

Звонок в парадную дверь. Антон отворяет. Входит Кудрявченко. В руках у него пакет.

Кудрявченко *(Антону)*. Ты мне звонил?

Антон. Да.

Кудрявченко. А где же Костя?

Люба. Он ушел заниматься.

Кудрявченко. Жаль. Тут я ему принес... *(Протягивает Любе книжечку.)* Вот.

Люба *(читает)*. «Дрессировка и обучение служебных собак».

Антон. Хм...

Кудрявченко. И вот еще. *(Разворачивает пакет.)* Поводок и намордник для будущего чемпиона и призера.

Люба *(берет огромный намордник)*. В этом наморднике весь Пират поместится, как в авоське.

Кудрявченко. Меньших размеров не было. Взял на вырост. *(Антону.)* Что ты хотел мне сказать?

Антон *(поглядел на Любу)*. Я хотел бы без посторонних.

Люба выходит.

Кудрявченко. Слушай, что у вас здесь происходит?

Антон. Ничего не происходит. Просто я хотел тебе сказать — меня поджимают сроки. Я должен подобрать параметры контуров на месте.

Кудрявченко. То есть как на месте?

Антон. В воздухе. В условиях струйного течения. В общем, я должен идти с тобой в полет.

Кудрявченко. Во-первых, интересно, кто тебе это разрешит? У тебя же вестибулярный аппарат не в порядке.

Антон. Вестибулярный аппарат... В конце концов, это не опасно для жизни. Мне уже почти удалось уговорить нашего директора.

Кудрявченко. А во-вторых, струйное течение... Это, знаешь ли, риск.

Антон. Но ты же рискуешь?

Кудрявченко. Так я ж по должности. Служба..

Звонит телефон.

Антон *(берет трубку)*. Да, Ермаков. К директору? Срочно? *(Прикрыв трубку ладонью.)* Вот видишь, уже вызывают. *(В трубку.)* Что? Какой школы? Ах, к директору школы... *(Слушает. К Кудрявченко.)* Оказывается, мой сын посадил кого-то в бочку с водой. *(В трубку.)* С какой водой? С дождевой. Великолепно! Минутку! *(Кричит.)* Люба!

Входит Люба.

Это тебя. Твой ребенок чуть не утопил кого-то в бочке с водой.

Люба *(берет трубку)*. Да, да... Что вы говорите!.. Я сейчас приду. *(Кладет трубку.)*

Антон. Сюрприз номер два не заставил себя долго ждать.

Люба молча надевает пальто и идет к выходу.

Ты знаешь, кого он покупал в бочке?

Кудрявченко. Какого-нибудь дружка. Подумаешь, большое дело.

Антон. Сына Мышковецкого. Юного отпрыска нашего директора. И у него ангина с высокой температурой.

Кудрявченко хохочет.

Чего ты смеешься? Представляешь, какой у меня будет вид, когда я явлюсь к нему с рапортом о полете?

Кудрявченко. Так я поэтому и смеюсь!

Антон. Паршивый мальчишка... Весь дом перевернул... Послушай, а как ты со своими управляешься? Наверное, тяжело?

Кудрявченко. Нет, не тяжело. Трудновато — это верно. Бывает.

Антон. Прости меня — ты ведь испытатель. И трое детей... Не страшно?

Кудрявченко. Как тебе объяснить? С ними я сильней. Иной раз случится что-нибудь в воздухе. Ну кажется, выхода нет. И все-таки нахожу решение. Наверно, оттого, что я им нужен... *(Проходит в переднюю.)*

В это время в передней раздается телефонный звонок. Кудрявченко снимает трубку. На этот же звонок из своей комнаты выходит Иван Захарович.

Да! *(К Ивану Захаровичу.)* Любовь Андреевну.

Трубку берет Иван Захарович.

Иван Захарович *(в трубку)*. А кто ее просит? *(Подчеркнуто громко.)* Майор Саркисян? Нет ее дома. *(Кладет трубку.)*

Кудрявченко. Так это, оказывается...

Иван Захарович. Тсс...

Антон. Опять этот Саркисян. Кто это такой?

Кудрявченко *(поглядев на Ивана Захаровича)*. Все тот же самый... безнадежно влюбленный. А майор — это, конечно, псевдоним. На самом деле небось генерал-майор! Верно, Иван Захарович?

Иван Захарович. Не меньше!
Кудрявченко. Ну, до завтра. (*Засмеялся.*) До встречи у Мышковецкого.

Антон провожает его в переднюю, открывает дверь. На пороге Ангелина Ивановна. Кудрявченко уходит.

Ангелина Ивановна. Можно?

Антон. Пожалуйста. Только Любы нет дома.

Ангелина Ивановна. Очень хорошо.

Антон (*не поняв*). Что?

Ангелина Ивановна. Исключительно удачно получилось. Вы понимаете...

Антон. Пока нет.

Ангелина Ивановна. Извините, что я вмешаюсь... Конечно, я человек маленький... Но и у маленького человека могут быть большие чувства... Это вам понятно?

Антон. Не совсем.

Ангелина Ивановна. Извините... Но я знаю, что значит для человека семья... личное счастье. Моя жизнь, конечно, не получилась... У меня тоже был муж... Хороший муж. Все рухнуло... Впрочем, это неважно... Я люблю вас!..

Антон (*испуганно*). Вы? Меня?

Ангелина Ивановна. Да! Вас!

Антон (*в панике*). Простите... Но мы с вами почти незнакомы...

Ангелина Ивановна. Нет! Не вас лично... Я люблю вас... и вашу жену. Разве я могу остаться в стороне? Я знаю — у вас дома неладно.

Антон. Ничего подобного.

Ангелина Ивановна. Не спорьте!

Антон. Любовь Андреевна жаловалась вам?

Ангелина Ивановна. Что вы! Разве она скажет? Но я же не слепая... Думаете, не понимаю почему? А вашему горю совсем просто помочь.

Антон. Просто? Вы так думаете?

Ангелина Ивановна (*понижив голос*). У мальчика есть отец.

Антон. Неужели?

Ангелина Ивановна. Милиция его искала... Прокуратура... Не нашли. А я нашла!

Антон. Каким образом?

Ангелина Ивановна. Сегодня в редакцию от него пришло письмо. Он ищет сына.

Антон. Где же он?

Ангелина Ивановна. Я уже вызвала его телеграммой. Мы вернем мальчика отцу, и все уладится.

Антон. Это было бы прекрасно.

Ангелина Ивановна. Положитесь на меня.

Антон. А вы уже сказали Любовь Андреевне?

Ангелина Ивановна (*в ужасе*). Что вы! Что вы! Больного не спрашивают — хочет он принять лекарство или нет! Так что пока ей — ни слова! Прошу — ни слова! Будьте спокойны — я это дело улажу. И мы все будем счастливы! До свиданья! (*Уходит.*)

Занавес

Между четвертой и пятой картинами.

В темноте звучит телефонный разговор.

Юля. Алло! Алло! Кто там молчит?

Костя. Это я молчу.

Юля. Зачем, балбес?

Костя. Просто так. Закаляю твою нервную систему.

Юля. Ты уже Мышковецкого закалил. У него температура тридцать девять и три. Ну, говори. А то повешу трубку.

Костя. Это ты говори. Как дела? Письмо написала?

Юля. Спыхватился... Еще на той неделе. Знаешь, как здорово получилось?! Когда писала, сама плакала. Сегодня он получит.

Костя. Откуда получит?

Юля. Из Алма-Аты. Я послала авиапочтой, тете. И она там тоже отправит авиа. Обратно в Москву.

Костя. Здорово! Юлька, жми ко мне. Обговорим, что делать дальше.

Зажигается свет.

КАРТИНА ПЯТАЯ

Та же декорация. На сцене Иван Захарович и Костя.

Костя (*вынимая из ящика стола папиросы*). Возьмите, дедушка. Две пачки «Прибой» и копейка сдачи.

Иван Захарович. Спасибо. Уважь-ка еще, Костя. Сбегай в аптеку, купи спирту для компресса. Поясницу прямо разламывает. (*Протягивает Косте деньги.*)

Костя. Сейчас слетаю. На второй космической скорости. (*Убегает.*)

Через несколько мгновений входит Люба.

Люба. Иван Захарович, вам письмо. (*Поглядела на конверт.*) От сына. На этот раз из Алма-Аты.

Иван Захарович. Опять? То-то у меня сегодня утром в стакане чайника всплыла. К письму, стало быть... (*Читает.*) Только скажите ему, что в слове «конница» два эн писать надо.

Люба. Кому?

Иван Захарович. Косте.

Люба. Почему Косте?

Иван Захарович. Да нет, это я так... Между прочим... (*Идет к себе.*)

В это время в прихожей раздается телефонный звонок. Из своей комнаты выходит Антон.

(*Берет трубку.*) Слушаю. А кто просит? Сейчас. (*Возвращается.*) Вас, Любовь Андреевна. Просит майор Саркисян. (*Многозначительно поглядел на Антона.*) А может, и генерал-майор! Вот так-то!

Люба (*в передней, по телефону*). Да, это я. Гаечка. Сегодня вечером? Свободна, Гайчик. Совершенно свободна. Ну конечно, встретимся. Как всегда — под ча-сами.

Антон (*в комнате*). Гаечка... Гайчик... Что за дурацкое имя?

Иван Захарович. Почему дурацкое? Ихнее. Обыкновенное. У нас был сменный мастер — Гайк Мкртычевич. Пока выговоришь — язык сломаешь... Красавец! Лезгинку плясал — заглядишься... Опасная публика эти брютеты.

Антон. Ну и на здоровье! *(Передразнивая.)* Подумаешь — Гайчик! Гаечка!... *(При появлении Любы демонстративно уходит к себе в комнату.)*

Возвращаются Костя с Юлей.

Костя *(подталкивая Юлю, шепотом)*. Ну что ж ты... Говори...

Юля *(Любе)*. Можно вашему Косте пойти ко мне телевизор смотреть?

Люба. Нельзя. Он сегодня наказан.

Костя. Э-эх! *(Юле.)* И все из-за паршивого ябеды... Из-за Мышковецкого...

Люба. Посидишь сегодня дома. Почитаешь. *(Вынимает из портфеля книжку.)* Вот интересная книга.

Костя *(берет книгу)*. «О вреде курения». Зачем мне это?

Люба. Нет, ты почитай! *(Раскрывает книгу, читает.)* «Одна капля никотина убивает слона».

Юля *(удивленно)*. А разве слоны курят?

Костя. Конечно, дура! Я сам видел — один слон курил... сигару! *(Показывает руками.)* Толстую, как полено!

Люба. Костя! Красный свет!

Костя. Ну конечно, в цирке. И не слон курил, а дрессировщик.

Люба. То-то! Нет, ты подумай только! *(Читает.)* «Наукой доказано, что каждый курильщик сокращает свою жизнь на год в среднем за две недели».

Костя. Ой, ой, ой!

Люба. Ну вот, и прочти сегодня. Обязательно! А пока вынимай посуду, неси на кухню. Я пойду обед разогрею. *(Выходит.)*

Костя *(начинает извлекать из серванта тарелки. Потом стучит в соседнюю комнату)*. Антон Николаевич, обедать будете?

Антон *(появляясь в дверях)*. Нет. Я занят. И пожалуйста, не стучи ко мне. *(Затворяет дверь.)*

Юля. Он у тебя строгий.

Костя. Ну и что ж! Он ведь не какая-нибудь девчонка, а мужчина... *(Помолчал.)* Слушай, Юля, чего я тебе скажу. Я тебе здорово благодарен за то, что ты со мной занимаешься. Так благодарен.

Юля. Ну вот еще! Это ж нагрузка.

К о с т я. Все равно благодарен. И я решил... подарить тебе щенка.

Ю л я (*не поняв*). Чего?

К о с т я. Ты что, глухая? Щенка, говорю.

Ю л я. Зачем мне щенок?

К о с т я. Много ты понимаешь. Щенок каждому нужен. (*Подумав*.) Мне за него в комиссионном магазине сто рублей давали. Новыми деньгами.

Ю л я. В комиссионном магазине собак не продают.

К о с т я. А вот и неправда. Наша учительница зоологии купила в комиссионном магазине норковый воротник, а потом оказалось, что это собака. (*После паузы*.) Слушай, Юлька! Запиши меня в ваш кружок... В радиолобительский. Мне до зарезу нужно.

Ю л я. Почему до зарезу?

К о с т я. Я построю коротковолновый радиопередатчик. И буду разговаривать со всем миром. С Сахалином. С Якутском. С островом Мадагаскар. Знаешь, что я им скажу? (*Выстукивает на столе*.) Понимаешь?

Ю л я. Нет.

К о с т я. Вот бестолковая. (*Продолжает выстукивать*.) «Найдите моего отца! Найдите моего отца!» Это азбука Морзе.

Ю л я. А с чего он окажется на острове Мадагаскар?

К о с т я. Ну, в каком-нибудь другом месте. Понимаешь, здесь от меня одни неприятности. Я ж тебе говорил — Антон Николаевич мне не настоящий отец. И жалко тетю Любу. Я хочу жить с настоящим отцом.

Ю л я. Думаешь — легко приемник сделать? А потом — покажи-ка дневник.

Костя протягивает Юле дневник.

(*Листает дневник*.) Ну, ясно. Кто же тебя с такими отметками в кружок запишет? (*Отдает ему дневник*.) Сначала исправь пары по математике. И вообще политморсос у тебя не на высоте.

К о с т я. Чего?

Ю л я. Кажется, ясно говорю — политморсос.

К о с т я. Какой еще... политморсос?

Ю л я. Политико-моральное состояние... Разве не знаешь? Пионервожатая всегда так говорит.

Входит Л ю б а.

Люба (*подходит к двери Антона, замялась, отошла*). Костя! Зови Антона Николаевича обедать.

Костя. Не буду. Он не позволил стучать.

Люба (*огорченно*). Он, наверно, с утра ничего не ел.

Костя. Ладно! Есть идея! Сейчас я его спрошу. (*Бежит в прихожую, набирает номер.*) Семь пять.

В комнате звонит телефон. Из своей комнаты выходит Антон.

Антон (*снимая трубку*). Инженер Ермаков слушает.

Костя (*в передней*). Это я! Ну, Костя. Тетя Люба зовет вас на кухню обедать.

Антон (*поглядел на Любу*). Передай — я благодарен ей за заботы, но не пойду.

Костя. Вы же с утра ничего не ели.

Антон. Я сыт. (*Поглядел на Любу.*) Сыт по горло. (*Положил трубку.*)

Люба. Ну что ж. Его дело. (*Небольшая пауза.*) Вот что: Пирату сегодня только молочная каша. Что-то у него нос горячий.

Костя. Так он же съел вчера платяную щетку. Забыли?

Антон (*язвительно, будто про себя*). Солидное занятие для газетного работника — регистрировать температуру собачьих носов. (*Демонстративно выходит.*)

Люба. Пошли, ребята.

Люба, Костя и Юлия направляются в кухню. Несколько мгновений комната пуста. Затем дверь соседней комнаты приотворилась. Убедившись, что в комнате никого нет, Антон выходит, открывает холодильник, вынимает сверток.

Антон (*разворачивая сверток*). Интересно, что мне положила буфетчица тетя Катя? (*Вынимает банку консервов.*) Пыжьян в томате... Пыжьян... Интересно, откуда взялся этот Саркисян? (*Вынимает еще один пакет.*) Угорь. Строгая рыбная диета. (*Вынимает следующий пакет.*) Пельмени сибирские! О! Это хорошо! Да, но как их сварить? (*Напевает.*) Как их сварить, как их сварить?

В это время незаметно для Антона входит Костя и направляется к серванту.

Костя. Так это ж простей простого. На кухне есть кипяток.

Антон. На кухню я не пойду.

Костя. Не пойдете? Что ж, можно вскипятить воду без огня.

Антон. Как?

Костя. Бросить в воду кусок негашеной извести. Вода моментально закипит.

Антон. Да. Но в этой ситуации есть одна ничтожная деталь — пельмени нельзя будет есть.

Костя. Ну конечно, нельзя. Зато какой интересный опыт!

Антон. Съем-ка я лучше угря.

Костя. А вы знаете, чтобы вывести детенышей, угри плывут за тысячи километров, в Атлантический океан. Из Ленинграда — к берегам Африки. И когда детеныши выводятся, родители сразу умирают.

Антон. Что ты говоришь... *(С содроганием бросает угря обратно в холодильник.)*

Костя. А какая перелетная птица приходит к нам из Африки пешком?

Антон. Слушай! От твоих вопросов можно получить первое истощение. Ты нафарширован всякой чепухой без малейшей системы.

Костя. Так это же известно... Мальчики в детском возрасте ужасно много знают. Потом они половину забывают и делаются взрослыми.

Антон *(смеется)*. Пожалуй, это верно! Скажи-ка, за что вы утопили Мышковецкого?

Костя. Да мы его просто немного обмакнули. Он нафискалил завучу, что мы с рисования смылись в зоосад.

Антон. И правильно сделали! Доносчиков надо учить! *(Спохватившись.)* То есть... Я хотел сказать — надо было придумать что-нибудь более гуманное.

Костя. Так мы его совсем немножко подержали в воде. Понимаете — хотели додержать до вот такусенького насморка. В крайнем случае — до гриппа. А передержали до ангины. Нетренированный он, что ли... *(Увидел раскрытый журнал.)* А вы кроссворды решать умеете?

Антон. Естественно.

Костя. Давайте наперегонки.

Антон. Как это?

Костя. Ну, кто быстрее решит.

Антон. Слушай, это же абсурд. Сравнил мой запас знаний и твой. Это было бы с моей стороны просто нечестно.

Костя. Ну, все-таки попробуем.

Взяли по листу бумага, углубились в решение.

Антон (*бормочет.*) Китайское жилище... китайское жилище...

Костя (*бормочет.*) Прямая, соединяющая две точки кривой...

Оба синхронно грызут карандаши.

Антон. Несъедобный гриб... (*Пытается заглянуть в листок Кости.*)

Костя. Чур — не подглядывать!

Антон. Кто подглядывает? (*Украдкой берет толстую книгу, пытается развернуть ее.*)

Костя. И в энциклопедию тоже смотреть нельзя!

Антон кладет книгу. Некоторое время оба бормочут и пыхтят.

Ну вот, заело. По вертикали.

Антон. Какой ряд?

Костя. Третий. Первая буква «фы», четырнадцать букв, технический термин.

Антон. Четырнадцать букв, технический термин, первая буква «фы»... (*Чешет затылок.*) Хм...

Костя. Вот видите, вы тоже не знаете!

Антон. Кто не знает? Я? Так это ж простей простого! (*Считает буквы по пальцам.*) Фертификуляция.

Костя. Что?

Антон. Фер-ти-фи-ку-ля-ция!

Костя. Такого слова нет.

Антон. Откуда ты знаешь?

Костя. По глазам вижу. Ну, что это значит?

Антон (*непререкаемо*). Остаточная продольно-поперечная деформация по принципу возможных перемещений. Это каждому младенцу известно!

Костя. Неправда!

Антон. Значит, по-твоему, я вру? Я?! Вру?!

Костя. Не врете, а... сочиняете.

Антон. Сочиняю?

Костя. И ничего здесь обидного нет. Пушкин тоже сочинял.

Антон. Значит, ты мне не веришь?

Костя. Верю. Но все-таки лучше я посмотрю в энциклопедию. Вот как раз буква «фы».

Антон (*отбирая у него книжку*). Нельзя. Ты же сам говорил — в энциклопедию заглядывать не разрешается. И потом — это новый термин. И в энциклопедии его еще нет.

Костя. Раз так — не буду больше с вами играть! Ай-ай-ай! Ребенка обманываете! Это непедагогично. (*Берет из серванта баночку с горчицей и уходит.*)

Антон (*про себя*). Какой все-таки нахал! Не верит мне! (*Подумал.*) Однако что ж это, на самом деле, за технический термин — четырнадцать букв, «эф»?.. Шут его знает!

Входит Люба.

Люба. Антон, я вынуждена тебя предупредить. Знаешь, кого Костя с ребятами окунул в бочку? Мышковецкого!

Антон (*безразличным тоном*). Ну и что ж?

Люба. Мне кажется, это сын твоего директора.

Антон. С чего ты взяла? Просто однофамилец. Мышковецких в городе — как серых кошек. (*Язвительно.*) Как Саркисянов в Ереване.

В переднюю из своей комнаты тихо, на цыпочках выходит Иван Захарович. Он снимает трубку телефона, стоящего в передней, и набирает номер.

Иван Захарович (*прикрыв ладонью трубку*). Добавочный семь пять.

В комнате Ермаковых звонит телефон.

Антон (*снимая трубку*). Алло!

Иван Захарович (*в передней. Он старается говорить с восточным акцентом*). Можно Любовь Андреевну?

Антон. А кто просит?

Иван Захарович. А вам какое дело? Вы кто такой?

Антон. То есть как — кто такой? Ее муж... в известной степени.

Иван Захарович. Ах, муж! (*Мефистофельски хохочет.*) Вы еще здесь живете? Я думал, вас уже выписали! (*Кладет трубку, поспешно, на цыпочках, уходит к себе в комнату.*)

Люба. Кто это?

Антон. Черт его знает! И вообще передай твоим знакомым, чтобы были повежливей. Гаечка!.. Хотя это меня совершенно не волнует... *(Нервно идет в прихожую, в сердцах сует руки в рукава первого попавшегося пальто.)*

Люба выходит вслед за ним и с удивлением смотрит на Антона.

Люба. Ты надел Костино пальто.

Антон смущенно стягивает пальто и отдает его Любе.

(Замечает торчащую из кармана бутылку.) Что это такое?

Антон *(взял бутылку)*. Что такое? Сосуд с жидкостью... *(понюхал)* имеющей запах водки... *(Чуть пригубил.)* И вкус ее же! Обыкновенная «Московская».

Люба *(ошеломленно)*. Половина бутылки уже выпита!

Антон. Это закономерно. Я же говорил — младенец с большой перспективой. *(Сунул бутылку обратно в карман Костиного пальто. Что-то ищет)*.

Люба. Что ты ищешь?

Антон. Где моя шляпа?

Люба. Я видела ее здесь только недавно.

Оба ищут.

Странно.

Антон. Кажется, ничего странного. Я догадываюсь. Поищем у дрессированной служебной собаки по кличке «Пират». *(Идет к месту, где обитает Пират, и вынимает из-под коврика нечто обглоданное, лишь отдаленно напоминающее головной убор.)*

В это время из кухни появляется Костя. Не замеченный Любой и Антоном, он в смущении наблюдает происходящую сцену.

Люба *(в ужасе)*. Что это?

Антон. То, что еще недавно было моей новой шляпой.

Люба. Боже мой! Что с ней?

Антон. Фертификация! Остаточная поперечно-продольная деформация по принципу возможных перемещений. *(Надевает остатки шляпы на голову.)* Ну, я пошел.

Люба. Ты сошел с ума! Надень лучше старую. В этих... огрызках идти просто неприлично!

А н т о н. Нет, не надену! Принципиально! Чтобы кое-кому стыдно было! *(И, гордо водрузив останки шляпы, как кардинальскую митру, уходит.)*

З а н а в е с

КАРТИНА ШЕСТАЯ

Та же декорация. Люба одна. Она только что переделалась в нарядное платье из переливающейся тафты, затканное сверкающей ниткой. В ожидании Саркисян она накидывает поверх нарядного платья домашний халатик, садится к столу и начинает править гранки. На парадном щелкает замок, в комнату, размахивая портфелем, вбегает К о с т я. Он радостно возбужден.

К о с т я. Ура! А вот и не догадаетесь, что случилось!

Л ю б а. А вот догадываюсь!

К о с т я. А вот и не догадаетесь!

Л ю б а. Ты получил четверку. За контрольную по геометрии.

К о с т я *(пораженный)*. Откуда вы знаете?

Л ю б а. Очень просто. Для пятерки ты еще не созрел. А для тройки у тебя слишком бодрое настроение.

К о с т я. Так это же первая четверка по математике во всей моей биографии!

Л ю б а *(погладила Костю по голове)*. Послушай, у тебя вся голова в кляксах! *(Трет ему голову носовым платочком.)*

К о с т я. Это, когда я доказывал теорему, я так крепко думал, что даже чернила на голове выступили.

Звонок на парадном. И в а н З а х а р о в и ч отворяет дверь. Входит Саркисян.

И в а н З а х а р о в и ч. Любовь Андреевна! К вам майор Саркисян. *(Возвращается к себе.)*

Л ю б а. Гаечка!

К о с т я. А почему вас так смешно зовут — Гаечкой?

С а р к и с я н *(смеясь)*. Это изобретенье Любовь Андреевны. А зовут меня Гаяне Варгановна.

Л ю б а. Иди кушать, Костя.

Костя выходит.

Вы знаете... Иногда мне кажется, что они с Антоном чем-то похожи. В Антоне тоже есть что-то ребяческое...

Саркисян. Ах, Любочка, все мужчины как дети. Пусть у него седая голова — все равно он ребенок. Ты ему посоветуй... Ты его подбодри... Ты его накорми... Устал — спать уложи. А главное — не спорь! А делай все по-своему. И пусть он воображает, что он глава семьи.

Люба. Если бы так умела!..

Обе выходят. В прихожей звонит телефон. Появляется Костя, снимает трубку.

Костя. Алло! Юлька? Скоро придешь? Зачем придешь? Случилось? Что случилось? Ну? Говори! Ну! *(Дует в трубку — ответа нет. Вешает трубку.)*

Щелкает замок, входят Антон и Кудрявченко. У Антона перебинтована голова, а на скуле пара наклеек из лейкопластыря. Оба отчаянно веселы.

Что с вами, Антон Николаевич? Вы дрались?

Антон. Дрались? Конечно.

Кудрявченко. Вот именно дрались, парень. И драчка была такая, что еле ноги уволокли.

Костя. А с кем вы дрались? Друг с другом?

Антон. С воздухом...

Костя. Скажете тоже... С воздухом... Думаете, я — маленький.

Кудрявченко. А воздух, брат, это противник серьезный. *(Показывает вверх.)* Там, понимаешь, бродит чудовище. Невидимка. Называется струйное течение.

Антон. Вот мы и поймали его за бороду.

Костя. А что такое струйное течение?

Антон. Как бы объяснить популярно... Это зона сильных ветров в верхней тропосфере. Понятно?

Костя. Тропо... тропо... непонятно.

Антон. Ну ничего, лет через пятнадцать поймешь.

Кудрявченко. Ну и видик у тебя! Как заказная бандероль. Весь в наклейках и марках.

Антон. Это меня приложило о приборную доску. Помнишь, когда во второй раз сорвались в штопор?

Кудрявченко. Слушай, тщи чего-нибудь... прополоскать горло. По такому случаю!

Антон. Кроме кефира, ничего нет.

Костя. А вы у Ивана Захаровича попросите. У него есть.

Антон. Откуда? Он же непьющий.

Костя. Я сам ему водку для компресса покупал.

Кудрявченко. Для компресса? Пойдет! А ну, попроси, малец!

Антон (*осененный догадкой*). Ты? Ему покупал?

Костя. Ну да! Спирту без рецепта не дали — я водки купил. Четвертинок не было. Так я одного дяденьку нашел — «спутника» — и мы с ним пополам разлили. (*Выходит.*)

Антон задумался.

Кудрявченко. Ты чего скис?

Антон (*будто про себя*). Оказывается... это Костя для него покупал...

Кудрявченко. А нужно было для тебя? Так, что ли?

Костя возвращается в сопровождении Ивана Захаровича, несущего знакомую нам бутылку «Московской».

Иван Захарович. Да тут маловато!

Кудрявченко (*разливает в три рюмки*). Перцовку пил. Рябиновку пил. Но «Компрессовку» в первый раз. (*Антону.*) Поздравляю тебя!

Антон (*с радостным подъемом*). Сегодня я понял главное — какие нужны параметры. Вот они у меня где! (*Стучит пальцем по голове.*) Как миленькие! Хочешь пари — теперь электроника не откажет при любых скоростях струйного течения. Даже в аварийных условиях!

Кудрявченко. Чуешь, Костя, куда он гнет? Для него самолет с летчиком — пройденный этап. Подай ему пассажирскую ракету с электронным устройством. Представляешь себе: диспетчер нажал кнопку в Москве — и через полчаса ты уже на Курильских островах!

Костя. Ух ты! Через полчаса уж на Курильских островах!

Иван Захарович. А подумать только — еще недавно наш завод «ишаков» выпускал.

Костя. Каких ишаков, дедушка?

Иван Захарович. Самолет «И-шестнадцатый». Скорость — четыреста километров в час. Считалось — рекорд!

Кудрявченко. А на ваших «ишаках» в войну здорово «мессеров» гоняли! За вас, Иван Захарович! (*Поднимает рюмку.*) Между прочим, где же хозяйка дома?

Костя. Тетя Люба ушла в театр.

Иван Захарович (*с непривычки он уже немного захмелел*). Да-с! Вот именно ушла. И не одна! (*Подмигнул Кудрявченко.*) С майором Саркисяном. (*Адресуя Антону.*) Ну и майор! Прямо скажу — есть на что посмотреть. Фигура... Китель... Погоны... Глаза... (*Подунав.*) Усы! Одним словом — орел кавказских гор! Вот так-то!

Кудрявченко (*подмигнув в свою очередь Ивану Захаровичу*). Путаєте вы, Иван Захарович. Это был генерал-майор. (*Поднялся.*) Ну, мне пора.

Антон выходит в переднюю проводить его.

Костя. Дедушка! Зачем вы про усы сказали? Это же была женщина!

Иван Захарович. Молчи!

Костя. Не буду молчать!.. Врать... то есть говорить неправду, нехорошо!

Иван Захарович. А где ж тут неправда? Майор был? Был! Саркисян был? Был! Китель был? Был. И погоны...

Костя. А усы?

Иван Захарович. Ну... И усы были. Только ты не заметил. Маленькие такие усики. А ты — молчи. Мал еще понимать. И выйди-ка погуляй маленько. Мне с Антоном Николаевичем потолковать надо.

Костя вышел в переднюю. Возвращается Антон.

Вот так-то, Антон Николаевич... А ведь я вас предупреждал.

Антон. По какому праву вы вмешиваетесь в мои личные дела?

Иван Захарович. По какому праву? По-соседски.

Антон. Не зря англичане говорят: чем выше забор, тем лучше сосед.

Иван Захарович. Так то ж англичане. А мы советские. И заборчиком не отгородитесь. Вы небось думаете — я, мол, передовой человек. Ракеты, самолеты, звездолеты там разные. Пуп земли! А ежели взять вас на рентген — самая вы что ни на есть отсталая личность.

Антон. Это почему же?

Иван Захарович. Ну, чем вам малец не угодил? Костя?

Антон. Почему не угодил? Просто мне противопоказано столь шумное общество. Должно быть, это врожденное свойство характера. Психологическая константа...

Иван Захарович. Свойство характера... Константа... Просто выдумали вы это. Для своего удобства. И упрямы как дышло. Индивидуалист вы! Эгоист... Террорист!.. Да, да! Жену тираните!

Антон. Я не желаю этого слушать. *(Направляется к двери своей комнаты.)*

Иван Захарович. Нет уж, извините, послушайте! Старики плохого не посоветуют.

Антон. Старики любят давать хорошие советы, потому что не могут больше подавать дурные примеры. *(Вышел, резко закрыв за собой дверь.)*

Иван Захарович *(ему вслед)*. Террорист! *(Уходит к себе.)*

Звонок в парадном. Костя открывает дверь. Появляется Юля. Дети входят в комнату.

Костя. Юлька! Ты зачем приперлась?

Юля молча, с ужасом смотрит на него.

Чего не отвечаешь? Почему у тебя сегодня глаза какие-то... квадратные?

Юля. Послушай, Ермаков, чего я тебе скажу.

Костя *(перебивая)*. Что ты можешь сказать? Вот я тебе что скажу... Умрешь — закачаешься!

Дверь соседней комнаты открывается, появляется Антон. Увлеченные разговором, дети не замечают его.

Антон Николаевич, оказывается, ужасно храбрый! Как Юрий Гагарин! Почти, конечно! Он летал сегодня в тропе... тропе... Ну, как ее? В общем — в тропики.

Юля. Все ты врешь. Он же у тебя... вроде нашей математички.

Костя. А вот и нет! Оказывается, он герой, а не математик какой-нибудь... Он в этих тропиках чудовище поймал. Невидимку! Прямо за бороду!

Юля. У невидимки борода не видна.

Костя. А он увидел! И даже два раза попал в этот...

Как его? Штопор! Они чуть не разбились. Антон Николаевич у самой земли вывел самолет из штопора.

Юля. Ну, сейчас ты скажешь, что он на Венеру летал. А ты сидел рядом.

Костя. Нет, этого не было. Врать не буду. Но он обещал, когда я вырасту, лет через пятнадцать, он будет брать меня с собой. И мы будем летать вместе. Знаешь, я решил: буду теперь математику учить — сила!

Антон, не решаясь войти, закрывает дверь.

Юля (*саркастически*). Так, так... Математику будешь учить... А пока что ты сделал?

Костя. А что я сделал?

Юля. Отметки в табеле переправил — вот что! Только не ври!

Костя (*мрачно*). А я и не вру. Да, переправил.

Юля. Из двойки тройку сделал.

Костя. Я только хвостик пририсовал. Ты же сама говорила — с парами в радиокружок не берут.

Юля. И плохо так пририсовал! Все заметно. А теперь знаешь какой хай подняли... На педсовете обсуждали. Говорят — тебя из школы выпрут.

Костя (*испуганно*). Как выпрут? Исключат?

Юля. Конечно, исключат. Допрыгался! А ведь сегодня за контрольную на самом деле четверку получил. Дурак ты эдакий! Но теперь это не поможет...

Костя (*в отчаянии*). Что же мне делать? Что я тете Любе скажу? А Антону Николаевичу?

Юля. Сам думай, что скажешь. А я-то еще за тебя ручалась... Не буду больше с тобой водиться! (*Повернулась и ушла, скрывая слезы.*)

Костя один. Он бросился к двери, ведущей в комнату Антона, но остановился в нерешительности. Вынул из шкафа свой сундучок, сложил кое-какие вещички. Затем сел к столу, погрыз карандаш, начинает писать.

Костя. «Тетя Люба, не сердитесь на меня. Я уезжаю... насовсем. Я уезжаю (*подумал*)... на Куриловские острова. Так что искать меня... невозможно! Большое вам спасибо. Костя Ермаков». (*Перечеркнул*). Нет... «Лютиков». (*Хотел свернуть записку, но спохватился.*) Да! «А четверка за контрольную была все-таки по правде!» Знак восклицания. (*Подумал.*) Поставлю-ка еще

штучки три восклицательных знаков! *(Сложил записку, положил на стол на видное место. Потом взял сундучок, пошел в переднюю, надел пальто, секунду постоял перед дверью Ивана Захаровича, повернулся и ушел, тихо прикрыв за собой парадную дверь.)*

Некоторое время на сцене никого нет. Из своей комнаты выходит Антон. Он заметил записку, оставленную Костей, читает ее. Затем поспешно идет к двери Ивана Захаровича.

Антон. Иван Захарович? Куда, в какой театр ушла Люба?

Иван Захарович *(показываясь в дверях)*. А вам зачем?

Антон. Он убежал. Надо ей сообщить!

Иван Захарович. Кто убежал?

Антон *(протягивая записку)*. Костя!

Иван Захарович *(читает)*. Да... Довели...

Открывается парадная дверь, входит Люба.

Люба *(поглядев на Антона, в бинтах и пластырях)*. Что с тобой? Ты упал? Расшибся?

Антон *(растерянно)*. Это все чепуха. *(Протягивает ей записку.)* Вот, прочти. Костя убежал.

Люба *(прочитав записку)*. Боже мой! Это все из-за тебя! Из-за твоей бессердечности! То-то мне не сиделось в театре... Я как будто предчувствовала беду! И ушла с первого акта. Надо сразу же начать поиски! *(Кинулась к двери, затем остановилась, обернулась.)* И вот что. Я здесь больше не останусь. Ни на минуту. *(Идет в комнату.)*

Антон за ней, Люба снимает со шкафа чемодан, начинает быстро бросать в него свои вещи. Едва она только отвернулась к шкафу, Антон быстро вытряхивает вещи из чемодана.

Что ты делаешь?

Антон. Сосчитай до десяти, прежде чем предпринять что-нибудь споряча.

Люба. Я давно сосчитала. До миллиона! *(Снова бросает вещи в чемодан, идет к выходу.)*

Антон *(грудью загораживая дверь, как амбразуру дота)*. Я никуда не пущу тебя! Никуда! Слышишь?

Люба. Отойди сейчас же.

Антон. Я не могу жить без тебя. Ты мне необходима!

Люба. Ах, необходима! Как эта мебель! Как привычка!

Антон. Неправда! Я люблю тебя!

Люба. Ты все перепутал. Ты любишь только себя. Пусти!

Антон *(продолжает загораживать дверь)*. Ты никуда не уйдешь.

Люба. Нет, уйду! *(Подходит к телефону, снимает трубку.)* Дайте город. *(Набирает номер.)* Гайчик? У меня большое горе. Костя убежал. Что? Приду расскажу. Да, я именно так и решила — переехать к вам. Сегодня. Сейчас же. *(Кладет трубку.)*

Антон *(отойдя от двери, мрачно)*. Можешь идти. Я тебя больше не задерживаю!

Люба уходит.

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

КАРТИНА СЕДЬМАЯ

Декорация первой картины — редакция. Ни Любы, ни Ангелины Ивановны в комнате нет. Рядом со столиком Ангелины Ивановны в кресле сидит посетитель — высокий мужчина лет сорока. Он вынул из маленького чемоданчика крутое яйцо, соль и помидор, разложил все это на чемоданчике и принимается закусывать.

Входит Ангелина Ивановна.

Ангелина Ивановна (*всплеснув руками*). Гражданин! Да что вы делаете?

Посетитель (*поперхнувшись от смущения*). Прощения прошу... С утра, как приехал, во рту — ни маковой росинки. Вот я...

Ангелина Ивановна (*перебивая*). Вы понимаете, куда пришли? Это же редакция. Редакция! Сейчас же уберите ваш помидор!

Посетитель (*убирая еду, укоризненно*). Пожалуйста... Только зря вы так про мой помидор... Это помидор особенный! У нас...

Ангелина Ивановна (*перебивая*). А что в нем особенного? Что это — ананас? Или кокосовый орех?

Посетитель. Почисте! Он за Полярным кругом выращен. В теплице. Слышали вы, чтобы в прежние времена помидоры в Заполярье росли? Вот то-то же!

Ангелина Ивановна. Позвольте, так вы из Заполярья? А вам кого нужно?

Приезжий из Заполярья (*доставая из кармана телеграмму*). Вот — телеграммой меня вызвали.

Ангелина Ивановна. Так что же вы молчите? Приезжий из Заполярья. Вы мне слова сказать не дали.

Ангелина Ивановна. Значит, это вы писали письмо в редакцию?

Приезжий из Заполярья. Я.

Ангелина Ивановна. Ваша фамилия — Лютиков?

Приезжий из Заполярья. Как бы сказать... Не совсем...

Ангелина Ивановна. Что значит — не совсем?

Приезжий из Заполярья. Лютиков — это моя прежняя фамилия. До вступления в брак.

Ангелина Ивановна (*недоумевая*). Это что ж... девичья?

Приезжий из Заполярья. Именно. Девичья. Я вам сейчас все по порядку... Девять лет назад бросил я жену. С ребенком. А сам в Заполярье подался. Я ведь техник-строитель. Профессия везде дефицитная. Там на другой женился. А фамилию женину взял — Кузовкин.

Ангелина Ивановна. Чтоб не разыскали?

Приезжий из Заполярья. Именно. И как говорится — концы в воду. Концы-то в воду, а совесть-то в воде не утопишь... Невозможно стало ни жить, ни работать. Решил — вернусь домой и заберу мальчишку. Приехал — а первая жена померла. И мальчонку, говорят, в детдом определили. В какой — неизвестно. Второй год ищу, но без пользы. Вот и написал вам в газету — не можете ли?

Ангелина Ивановна. А вы убеждены, что теперь сумеете быть хорошим отцом?

Приезжий из Заполярья. Так теперь — двое детей у меня. Обе девочки. А старшой — сын — где-то по свету ходит... Бесприютный... Поверьте, для меня только свету в окне — найти сынишку.

Ангелина Ивановна. А жена ваша как к этому отнесется?

Приезжий из Заполярья. Жена у меня хорошая. С ней обо всем договорено.

Ангелина Ивановна. Как зовут вашего мальчика?

Приезжий из Заполярья. Константин.

Ангелина Ивановна. А сколько ему сейчас лет?

Приезжий из Заполярья. Тринадцатый пошел. Ангелина Ивановна (*достает флакон с вальерьянкой и накапывает в стакан*). Так вот, товарищ Лютиков, ваш сын нашелся!

Приезжий из Заполярья. Нашелся? Так где же он?

Ангелина Ивановна. Сейчас с ним... небольшое осложнение. Знаете, он удрал от своих приемных родителей.

Приезжий из Заполярья. Как это — удрал?

Ангелина Ивановна. Да вы не волнуйтесь. Мальчишек всегда находят. А как отыщут — сразу вам сообщу. Вы где остановились?

Приезжий из Заполярья. Гостинница «Маяк», номер двести семь.

Ангелина Ивановна записывает. Входит Люба. Она будто осунулась за двое суток, прошедших со дня бегства Кости.

Ангелина Ивановна (*сворачивая разговор*). Значит, ждите. До свиданья. (*Опасливо поглядела на Любу*.) Ну, идите... идите!

Приезжий из Заполярья уходит.

Люба. Никто мне не звонил?

Ангелина Ивановна. Нет. (*Взглянув на Любу*.) Ничего про Костю не слышно?

Люба. Ничего. Опять ничего. (*Устало опустилась на стул, начинает править рукопись*.) Что за ерунда?! Третий раз прочла — не понимаю смысла. (*Пауза*.) Как бы с ним чего не случилось.

Ангелина Ивановна. Да успокойтесь, Любовь Андреевна. И что вы за него так переживаете? (*Волнуясь*.) Вы бы лучше... Уж вы извините, что я об этом говорю, — вы бы лучше об Антоне Николаевиче волновались. Ведь он ваш муж! Муж! А вы... простите меня... ушли от него... Бросили свой дом. Как это можно?

Люба. Туда я больше не вернусь. И говорить об этом не стоит.

Ангелина Ивановна. Не стоит говорить? Нет, стоит. Вот я живу одна. У меня никого нет. Приду, а комната пустая. И никто не спросит — почему расстроена?.. Или — отчего так устала? Вот и остается только одно —

жить чужими радостями... Чужим счастьем... Мой дом — здесь, в редакции. Вот вы — счастливая. У вас — семья... Такой муж... А вы все об этом мальчишке. О нем да о нем.

Тихо открывается дверь, и появляется Саркисян.

Люба. Гаяне! Что нового?

Саркисян. Нового? Пожалуй, в том, что я вам сообщу, нового нет. Абсолютно ничего. Все как в старых классических романах.

Люба. Что вы хотите этим сказать?

Саркисян. На станции Арзамас задержан транзитный пассажир, направляющийся на Курильские острова. Билета при нем не оказалось. Зато обнаружена крупная сумма — десять копеек. Старыми деньгами.

Люба. Вы... шутите?

Саркисян. В рабочее время мне шутить некогда. Принимайте беглеца. *(Отворяет дверь.)* Входи, Христор Колумб!

Потупившись, входит Костя. Он чумаз до крайности.

Люба. Костя! Костенька! Что ж это ты? Зачем? Как ты мог это сделать? Как ты мог? *(Внезапно заплакала.)*

Костя *(обнимая Любу)*. Не плачьте... Ну, пожалуйста... *(Тихо.)* Не плачь... мама...

Люба *(смеясь сквозь слезы)*. Боже мой, до чего же ты чумазый! Как будто ночевал в дымоходе!

Саркисян. Почти угадали. Его извлекли из ящика с углем. Так сказать — отдельное купе.

Люба. Ты похож на собственный негатив!

Саркисян. Вот что, товарищ мамаша. Переживать будем позже. А сейчас надо путешественника помыть. И хорошенько намылить ему шею. Чтобы больше не бегал.

Люба. Вот только вещи остались у меня на Ломоносовском. Придется туда заехать.

Саркисян. Ну что ж, заедем!

Люба, Костя, Саркисян уходят.

Ангелина Ивановна *(переведя дыхание)*. С ума сойти можно! Что ж теперь будет? Любовь Андреевну

как жалко! И Костю жалко... И этого... с помидорами — тоже жалко. Что делать? Нет, нельзя останавливаться на полдороге. Будь что будет! (*Поднимает трубку*) Гостиница «Маяк»? Номер двести семь...

Свет гаснет.

Занавес

КАРТИНА ВОСЬМАЯ

Комната Ермаковых. Но сейчас она выглядит по-иному, будто даже потускнела. Теперь здесь царит то, что в просторечье именуется «раз-гордаж». В центре комнаты небрежно брошены брюки. На столе — горка немытой посуды, пустые банки из-под консервов. Антон стирал в тазу рубашку. Неумело выкручивает ее, развешивает на спинке стула. Затем садится к столу, что-то пишет. Видимо, работа у него не ладится. Он пересчеркивает, вздыхает и, скомкав лист, бросает написанное на пол.

Антон. Черт знает что! Не клеится... (*Откинулся на стуле.*) Сразиться в шахматешки, что ли? (*Выходит в переднюю, стучит к соседу.*) Иван Захарович, не хотите ли партию в шахматы?

Иван Захарович (*приотворяя дверь и поглядывая испытуяюще на Антона*). Нет, что-то неохота. Да и вообще — не обессудьте, не лежит у меня сердце с вами разговаривать... (*Демонстративно отвернувшись, пошел на кухню.*)

Антон. Хм! Ну, как знаете. (*Возвращается к себе.*) Вздорный старик. Может, закусить? Все-таки занятие. (*Достает из серванта яйцо.*) Заглянем в поваренную книгу. (*Достает книгу, находит нужную страницу.*) Чтобы сварить яйцо в мешочек, надо держать его четыре минуты в кипятке. (*Снимает с руки часы.*) Засаею время. (*Выходит на кухню. Через мгновение возвращается, садится за стол. Снова что-то пересчеркивает, вздыхает.*) Определенно ничего не получается. Какая мерзкая тишина! Ничто так не расшатывает нервы, как тишина и покой! В такой обстановке положительно невозможно работать. (*Подшел к щенку.*) Хотя бы ты полаял, Пират. Дай голос!

Щенок молчит.

Осиротели мы с тобой, служебная собака. И вообще — когда в доме остаются одни мужчины, порядка никакого

нет. *(Пытается его погладить.)* Что-то у тебя нос горячий? Не заболел ли?

В передней с кастрюлькой в руках появляется И в а н З а х а р о в и ч.
Он набирает номер по телефону.

И в а н З а х а р о в и ч. Добавочный семь пять.

В комнате Антона звонит телефон.

А н т о н *(снимая трубку)*. Алло!

И в а н З а х а р о в и ч. Извините, вынужден обратиться...

А н т о н. Иван Захарович?

И в а н З а х а р о в и ч. Осмелюсь спросить, вы на кухне научный опыт ставите? Или просто решили сварить часы?

А н т о н *(бросает трубку и выходит в переднюю)*. Почему вы так думаете? Я варю яйцо.

И в а н З а х а р о в и ч *(вынимая ложкой из кастрюли часы)*. Потому что ваш хронометр уже пять минут кипит в кастрюле. А яичко лежит рядом на плите.

А н т о н. Боже мой, какой я болван!

И в а н З а х а р о в и ч. Не смею возражать... *(Приложив часы к уху.)* Но, кажется, идут. Крепкую продукцию делает наша часовая промышленность. *(Проходит в комнату Антона.)*

Антон берет часы и судорожно начинает перекидывать их с руки на руку — часы еще горячие.

Ну и порядочек у вас. Будто Мамай прошел. А ведь только два дня, как жена от вас сбежала.

А н т о н. «Сбежала»! Какое вульгарное определение!

И в а н З а х а р о в и ч. Не взывайте за правду. Именно сбежала.

А н т о н. А вы знаете, Иван Захарович, — интересная подробность: угри, чтобы вывести детенышей, плывут из Невы в Атлантический океан. И когда выведут — умирают.

И в а н З а х а р о в и ч *(удивленно)*. С чего это вы про угрей?

А н т о н. И вообще, рыбы совсем не немые. Представляете себе, они визжат, пищат и даже квакают.

И в а н З а х а р о в и ч *(с заметным опасением)*. Вы в отпуске давно были?

А н т о н. Давненько. А почему вы спрашиваете?

Иван Захарович. В санаторий вам не мешало бы съездить. *(Уходит к себе.)*

Антон. Глупейший парадокс! Никто не мешает работать, а в голове полный вакуум. Ни одной порядочной мысли! *(Уходит.)* Интересно, что посоветует по этому поводу старик Бетховен? *(Подошел к пианино, носовым платком стер пыль с крышки, открыл ее, нерешительно притронулся к клавишам. Несмело зазвучали аккорды из первой части «Лунной сонаты». Постепенно руки Антона как бы обретают силу и уверенность. Антон увлекся. И не слышит, как на парадном щелкает замок.)*

Входят Люба, Костя и Саркисян. Некоторое время Люба с изумлением смотрит на играющего Антона. Все молча слушают. Наконец Антон замечает вошедших, поднялся со стула.

Люба! Костя!.. Вернулись...

Люба. Мы пришли за Костиными вещами. И сейчас уйдем. Костя! Поди вымой пока руки и лицо.

Костя выходит. Люба идет к шкафу, начинает вынимать Костины вещи.

Саркисян. Я подожду вас в машине. *(Выходит.)*

Антон. Люба! Нам надо с тобой поговорить.

Люба *(складывая Костины вещи в чемодан)*. Нам не о чем говорить.

Антон. Произошла какая-то ошибка... Чудовищная глупость...

Звонок в парадном. Антон идет отворять. На пороге появляется Ангелина Ивановна. За ее спиной приезжий из Заполярья.

Ангелина Ивановна? Вы к Любе?

Ангелина Ивановна *(понижив голос)*. Он здесь.

Антон. Кто?

Ангелина Ивановна. Ну, я его привела.

Антон. Кого?

Ангелина Ивановна. Как — кого? Отца Кости. *(К приезжему из Заполярья.)* Проходите, проходите!

Оба проходят в комнату.

Люба *(увидев Ангелину Ивановну)*. Ангелина Ивановна! Что-нибудь случилось в редакции?

Ангелина Ивановна. Случилось... Я знаю — после этого нам вместе не работать... Конечно, меня легко заменить... Но...

Люба. Что это все значит?

Ангелина Ивановна. Сейчас узнаете. (*Приезжему из Заполярья, официально.*) Гражданин, как ваша фамилия?

Приезжий из Заполярья. Разве забыли? Кузовкин.

Ангелина Ивановна. Да нет! Девичья.

Приезжий из Заполярья. Лютиков.

Люба (*замерла, потрясенная*). Лютиков?

Ангелина Ивановна. Зачем вы приехали в Москву?

Приезжий из Заполярья. Как — зачем? Я же вам говорил.

Ангелина Ивановна. Нет, вы им скажите.

Приезжий из Заполярья. Сына своего ищу.

Ангелина Ивановна. Как зовут вашего сына?

Приезжий из Заполярья. Константин.

Ангелина Ивановна. Константин Лютиков. Ясно? Значит, Любовь Андреевна, придется вернуть ребенка законному отцу.

Люба. Это так не делается. Надо проверить документально.

Приезжий из Заполярья. А что тут проверять? И так все ясно.

Ангелина Ивановна. Вот именно! Гражданка Ермакова, где мальчик?

Приезжий из Заполярья. Где мой сын?

Антон (*железным голосом*). Да, действительно. Мальчика придется вернуть.

Люба. Антон!..

Антон. Ничего не поделаешь. Вернуть так вернуть. Сейчас схожу за ним. (*Решительно выходит и сталкивается в передней с Костей, возвращающимся из ванной. Пока в комнате Ермаковых царит трагическая пауза, Антон хватая Костю за шиворот и тащит.*)

Костя. Что вы делаете?

Антон (*закрывая ему рот*). Тише ты! (*Запихивает Костю в стенной шкаф, находящийся в передней.*) Так надо! И сиди тихо! Объясню потом. Так надо! (*Запирает шкаф, прячет ключ в карман и возвращается в комнату, насвистывая как ни в чем не бывало.*)

Взоры всех присутствующих устремлены к нему. Пауза.

Приезжий из Заполярья. А где Костя?

Антон. Оказывается, его нет.

Приезжий из Заполярья. Что значит — нет?

Антон. Он убежал.

Ангелина Ивановна. Не может быть! Его же нашли!

Антон. А он опять убежал. Взял да и убежал! Такой уж мальчик!

Люба. Боже мой!

Антон (*ей, тихо*). Не волнуйся. Он обещал скоро найтись. Спокойно! (*Ангелине Ивановне*.) Вам надо начинать поиски мальчика. Немедленно! Не теряйте времени! (*Подталкивает Ангелину Ивановну и приезжего из Заполярья к выходу*.) Что ж вы стоите? Торопитесь!

Ангелина Ивановна. Мы найдем его. (*Приезжему из Заполярья*.) Уверю вас — найдем!

Все выходят в переднюю. В это время из стеного шкафа раздается громкое чихание.

Погодите! Кто-то чихнул...

Антон (*начинает чихать*). Это чихнул я. У меня вирусный грипп. (*Вынимает носовой платок, начинает усиленно сморкаться*.) Я тяжело болен. У меня температура. Вот, потрогайте мой нос... то есть лоб! Мне нельзя волноваться! Идите!

Ангелина Ивановна. Я ясно слышала — кто-то чихнул... (*показывает на шкаф*) вот там.

Антон. Вам показалось. Это называется галлюцинация. Так сказать, абберрация слуха.

Приезжий из Заполярья. А ну, отворите шкаф, гражданин Ермаков!

Антон. Ключ потерялся. Еще на той неделе.

Приезжий из Заполярья. Потерялся? (*Пытается оттолкнуть Антона*.)

Антон сопротивляется. В это время возвращается Саркисян. Из шкафа снова доносится чихание.

Это мой сын! Это его голос! Сынок! (*К Саркисян*.) Товарищ милиция! Что ж это в Москве делается? Ребенка в стену замуровали, а милиция в стороне? Сейчас, сынок! (*Преодолевая сопротивление Антона, с силой дергает дверку*.)

Она распахивается. Обнаруживается Костя.

Костя *(виновато, в сторону Антона)*. Нафталин жутко в носу щекочет... *(Чихает.)*

Приезжий из Заполярья *(обнимая Костю)*. Костя... Сынок.

На шум из своей комнаты вышел Иван Захарович.

Иван Захарович. Что случилось?

Ангелина Ивановна *(в запале)*. Какое зверство! Живого ребенка пересыпали нафталином.

Приезжий из Заполярья. Костенька... *(Прижал Костю к себе.)*

Костя растерян.

Я тебя уже второй год ищу! *(Внимательно оглядев мальчика, после паузы.)* Нет... Это не Костя.

Ангелина Ивановна. Что значит — не Костя?

Приезжий из Заполярья. А где же родинка? У моего родинка была. На подбородке... большая такая... А это чужой... И глаза у Лютиковых синие.

Антон. А у нашего никаких родинок нет. И глаза совершенно карие. Не видите, что ли? Смотреть лучше надо!

Саркисян *(приезжему из Заполярья)*. Как вас зовут?

Приезжий из Заполярья. Тимофей Петрович.

Костя. А я вовсе — Викторович.

Антон. А теперь — Антонович. Понятно? *(Хлопнув Костю пониже спины.)* Люба, забирай ребенка!

Ангелина Ивановна *(приезжему из Заполярья)*. А может, это все-таки он?

Приезжий из Заполярья, подавленный, отрицательно качает головой.

(Любе.) Я же хотела, чтобы все было хорошо... Простите меня, Любовь Андреевна. Господи, какая я дура...

Иван Захарович. Не смею возражать...

Ангелина Ивановна пошла к выходу.

Приезжий из Заполярья. Граждане! Да что же это получается? Я же отпуск за свой счет взял! *(Устремляется вслед за Ангелиной Ивановной.)* Гражданочка! Гражданочка!

Воцаряется пауза.

Саркисян. Ну, я думаю, мне можно возвращаться на работу.

Люба *(поглядев на Саркисян)*. Да! Совершенно была! Знакомься, Антон. Майор Саркисян.

Антон *(пораженный)*. Майор Саркисян? Вы же — мужчина?

Саркисян. Я — мужчина?! Никогда об этом не подзревала!

Антон. Гаечка?

Саркисян *(в свою очередь удивляясь)*. Я бы предпочла, чтобы вы называли меня Гаяне Вартановна. Не выношу фамильярности.

Антон. Извините...

Саркисян *(улыбаясь)*. Извиняю. До свиданья. *(Уходит.)*

Антон *(Ивану Захаровичу)*. Гаяне! *(Наступая на старика.)* Гаяне, а не Гайк! Интересно, что вы на это скажете?

Иван Захарович *(разводя руками)*. Маневр, так сказать... Военная хитрость...

Звонок в парадном. Иван Захарович отворяет дверь. Входит Юля.
Иван Захарович направляется к себе в комнату.

Юля. Ермаков! Почему третий день в школу не ходишь?

Антон. Он был на Курильских островах.

Юля. Зачем?

Антон. Просто так. Летал туда на ракете.

Костя. Антон Николаевич, красный свет!

Антон. Ну, если и не летал, то полетим обязательно. В недалеком будущем. Вместе. *(Обнял Костю.)*

Люба. Боже мой, какой беспорядок в комнате! Как можно перевернуть дом за два дня?! Антон, тащи пылесос! *(Начинает вынимать из чемодана Костины вещи.)* Костя! Клади свои вещи на место!

На фоне суматохи слышится залиvistый лай щенка.

Антон. Люба! У меня возникла идея. А не взять ли нам еще девочку? А?..

Занавес

СОДЕРЖАНИЕ

Единственный свидетель	5
Чрезвычайный посол	73
Перебежчик	133
Сверстницы	193
Лунная соната	. 255

Тур
Ариадна Сергеевна и
Петр Львович

ЕДИНСТВЕННЫЙ СВИДЕТЕЛЬ

Изд-во «Советский писатель», 1975. 320 стр.

План выпуска 1975 г. № 184.

Художник *М. В. Серегин*

Редактор *Г. Э. Винникова*

Худож. редактор *Е. И. Балашева*

Техн. редактор *М. А. Ульянова*

Корректоры *Е. А. Омеляненко, П. Н. Вихман*

Сдано в набор 6/IX 1974 г. Подписано в печать 24/I 1975 г. А 02210. Бумага 84×108¹/₃₂ № 1. Печ. л. 10,0 (16,8). Уч.-изд. л. 15,86. Тираж 25 000 экз. Заказ № 939. Цена 1 р. 05 к.

Изд-во «Советский писатель», Москва Г-69, ул. Воровского, 11.

Ордена Трудового Красного Знамени Ленинградская типография № 5 Союзполиграфпрома при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. Ленинград. Центр. Красная ул., 1/3.